

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬнай

АКАДЭМІі НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАВУК. 2023. Т. 68, № 3

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ

АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2023. Т. 68, № 3

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

*Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

- В. И. Бельский** – Заместитель Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь,
Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- В. В. Гниломедов** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- А. И. Локотко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- М. С. Макрицкая** – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (*ведущий редактор журнала*)
- Е. М. Бабосов** – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- Г. А. Василевич** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- П. А. Водопьянов** – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
- В. Л. Гурский** – Президиум Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- В. В. Данилович** – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
- А. И. Жук** – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь

- И. Л. Копылов** – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
- А. Д. Король** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- В. Л. Лакiza** – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- Н. Л. Мысливец** – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- М. В. Мясникович** – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
- П. Г. Никитенко** – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- И. В. Саверченко** – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купаль» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Редакционный совет:

- А. Н. Булько** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- В. И. Васильев** – Центр истории и теории культуры и академического сектора науки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук», Москва, Россия
- Г. Генцель** – Институт славистики Университета Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
- С. Ю. Глазьев** – Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
- Е. К. Голаховска** – Институт славистики Польской академии наук, Департамент лингвистики, Варшава, Польша
- А. Е. Дайнеко** – Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
- В. А. Ильин** – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
- С. П. Карпов** – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
- С. Л. Кандыбович** – Российская академия образования, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Федеральная национально-культурная автономия белорусов России, Совет при Президенте Российской Федерации, по межнациональным отношениям, Консультативный совет по делам белорусов зарубежья при МИД Республики Беларусь, Москва, Россия
- Е. Миронович** – Белостокский университет, Белосток, Польша
- А. А. Сатыбалдин** – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
- А. В. Смирнов** – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
- П. П. Толочко** – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина
- Чжан Юйянь** – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
- Янг Хюнг** – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:

*ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by*

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2023. Т. 68, № 3.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*

Компьютерная вёрстка *Н. И. Кашуба*

Подписано в печать 13.07.2023. Выход в свет 27.07.2023. Формат 60×84^{1/8}. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 70 экз. Заказ 146.

Цена номера: индивидуальная подписка – 12,80 руб., ведомственная подписка – 29,91 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».

Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2023

PROCEEDINGS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2023, vol. 68, no. 3

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

*The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research
in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)*

E d i t o r - i n - C h i e f :

Alexander Alexandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

E d i t o r i a l B o a r d :

Valery I. Belsky – Deputy Chairman of the Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus,
Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Vladimir V. Gnilomedov – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Alexander I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead Editor*)

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Vasily L. Gursky – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Vyacheslav V. Danilovich – Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Alexander I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

Igor L. Kopylov – Branch “Institute of Linguistics named after Yakub Kolas” of the State Scientific Institution “Center
for the of Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”,
Minsk, Belarus

Andrei D. Korol’ – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Vadim L. Lakiza – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Nikolai L. Myslivets – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia

Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Ivan V. Saverchenko – Branch “Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala” of the State Scientific Institution
“Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”,
Minsk, Belarus

Editorial Council:

- Alexander N. Bulyko** – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
- Vladimir I. Vasilyev** – Center for the History and Theory of Culture and the Academic Sector of Science of the Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center “Nauka” of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russia
- Gerd Hentsthal** – Institute of Slavic Studies at the Karl von Ossietzky University, Oldenburg, Germany
- Sergey Yu. Glazyev** – Board for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Department of the Faculty of Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia
- Eva K. Golakhovska** – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Department of Linguistics, Warsaw, Poland
- Aleksey Ye. Daineko** – Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
- Vladimir A. Il'in** – Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Moscow, Russia
- Sergey P. Karpov** – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia
- Sergey L. Kandybovich** – Russian Academy of Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Federal National-Cultural Autonomy of Belarusians of Russia, Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, Advisory Council on the Affairs of Belarusians Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, Moscow, Russia
- Evgeni Mironovich** – University of Bialystok, Bialystok, Poland
- Azimkhan A. Satybaldin** – Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
- Andrei V. Smirnov** – Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- Petr P. Tolochko** – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
- Zhan Yuyan** – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
- Yang Xiong** – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

*1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by*

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.

Humanitarian Series, 2023, vol. 68, no. 3.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *N. I. Kashuba*

Signed to print on 13.07.2023. Published on 27.07.2023. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 70 copies. Order 146.
Number price: individual subscription – BYN 12.80, departmental subscription – BYN 29.91.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise “Publishing House “Belaruskaya Navuka”.
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220084, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE “Publishing House “Belaruskaya Navuka”,
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2023

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Доронина С. Г. Исследования сознания в современной русскоязычной философии: специфика, проблемы и перспективы (на примере работ российских и белорусских авторов) 183

Мартищенко Е. В. Развитие ядерной энергетики в Беларуси: социологический анализ эластичности общественного мнения 193

ГІСТОРЫЯ

Мазарчук Д. В. Основные этапы развития западноевропейской дипломатии раннего Нового времени.... 203

МОВАЗНАЎСТВА

Аліферчык Т. М. Да пытання аб упарадкаванні беларускай анамастычнай тэрміналогіі..... 210

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Квилинкова Е. Н. Гагаузы в Беларуси: формы идентификации и степень адаптации 219

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Часнакова К. В. Асэнсаванне аповесцей Алеся Кажадуба “Русалка” і Джузэпэ Тамазі дзі Лампедузы “Сірэна” з пазіцыі тэорыі архетыпаў 229

ПРАВА

Василевич Г. А. Органы представительной и исполнительной власти как субъекты конституционного контроля 248

ЭКАНОМІКА

Маковская Н. В. Особенности организации труда белорусских работников 255

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

- Doronina S. G.** Studies of consciousness in modern Russian philosophy: specifics, problems and prospects (on the example of the works of Russian and Belarusian authors)..... 183
- Martyschankava A. V.** Development of nuclear power in Belarus: a sociological analysis of the elasticity of public opinion..... 193

HISTORY

- Mazarchuk D. V.** The main stages in the development of Western European diplomacy in the early Modern period..... 203

LINGUISTICS

- Aliferchyk T. M.** On the issue of ordering the Belarusian onomastic terminology 210

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

- Kvilinkova E. N.** Gagauz in Belarus: forms of identification and degree of adaptation 219

LITERARY SCIENCE

- Chesnokova E. V.** Understanding of the stories “The Mermaid” by Ales’ Kazhadub and “The Siren” by Giuseppe Tomasi di Lampedusa from the position of the theory of archetypes..... 229

LAW

- Vasilevich G. A.** Bodies of representative and executive power as subjects of constitutional control..... 248

ECONOMICS

- Makovskaya N. V.** Features of organization of labour of Belarusian workers..... 255

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 165:101.8+111
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-183-192>

Поступила в редакцию 29.11.2022
Received 29.11.2022

С. Г. Доронина

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ИССЛЕДОВАНИЯ СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ФИЛОСОФИИ: СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
(НА ПРИМЕРЕ РАБОТ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ АВТОРОВ)**

Аннотация. Рассматриваются основные направления и перспективы исследования сознания в русскоязычном философском дискурсе. Актуализируется ряд проблем, имеющих отношение к попыткам установить базовые определения и характеристики, ключевые инвариантные логически связанные между собой понятия и категории, позволяющие выявить структуру современных исследований. Продемонстрированы основные тенденции, связанные с развитием междисциплинарной области исследования сознания, трансформацией методов его изучения, обусловленных стремительным развитием когнитивных и нейробиологических наук, компьютерных технологий. Эксплицируется ряд существенных особенностей, характеризующих большинство современных русскоязычных исследований сознания. Обозначен общий контур проблем, указывающих на необходимость переосмысления и коррекции представлений о понятии «сознание» как очевидном предзаданном феномене, а также приведения дополнительных пояснений и аргументов в пользу того или иного определения и значения, проведения содержательной конкретизации терминов. Выявлены слабо проработанные тематические блоки, относящиеся как к вопросам происхождения сознания и его локализации, определению его структурных и содержательных элементов, установлению механизмов его функционирования, так и вопросам практической реализации полученного в исследованиях знания.

Ключевые слова: сознание, философский дискурс, междисциплинарные исследования, когнитивные процессы, эпистемология, субъективная реальность, общественное сознание

Для цитирования: Доронина, С. Г. Исследования сознания в современной русскоязычной философии: специфика, проблемы и перспективы (на примере работ российских и белорусских авторов) / С. Г. Доронина // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 3. – С. 183–192. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-183-192>

Svetlana G. Doronina

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**STUDIES OF CONSCIOUSNESS IN RUSSIAN PHILOSOPHICAL DISCOURSE:
SPECIFICITY, PROBLEMS AND PROSPECTS
(ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF RUSSIAN AND BELARUSIAN AUTHORS)**

Abstract. The author of the article considers and analyzes the main directions, problems and prospects of modern domestic philosophical studies of consciousness. A number of questions related to attempts to establish the main characteristics of the phenomenon of consciousness, to determine the key concepts and categories are raised. It is described to identify the structure of modern philosophical discourse. The main lines of development of interdisciplinary research of consciousness within the framework of such rapidly developing fields of knowledge as cognitive sciences, neurobiology, synergetic, etc. have been demonstrated. The paper establishes a general range of problems and issues related to the need for meaningful specification of concepts, substantiation of the arguments used in the study of this phenomenon. Poorly developed thematic blocks related to the issues of the origin of consciousness and its localization, the definition of its structural and content elements, the establishment of the mechanisms of its functioning, the practical implementation of the acquired knowledge are identified, which indicates the need for further attempts to study this object within the framework of philosophical discourse.

Keywords: consciousness, philosophical discourse, interdisciplinary research, cognitive processes, epistemology, subjective reality, social consciousness

For citation: Doronina S. G. Studies of consciousness in Russian philosophical discourse: specificity, problems and prospects (on the example of the works of Russian and Belarusian authors). *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2023, vol. 68, no. 3, pp. 183–192 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-183-192>

Введение. Определяя в качестве объекта исследования философские подходы к изучению сознания, а целью – выявление специфики, основных проблем и перспектив его исследования в рамках русскоязычного дискурса, важно отметить высокий уровень сложности поставленной задачи в силу широкого проблемного поля и большого количества существующих в настоящий момент концепций и теорий; сложности и неоднозначности этого исследовательского объекта; наличия ряда противоречий и вопросов эпистемологического, гносеологического, аксиологического, праксиологического и другого характера, возникающих в процессе его познания.

Однако исследования подобного рода могут быть эффективными и продуктивными в связи с появлением в русскоязычной литературе философских работ, предлагающих принципиально иное прочтение сознания и новые методологии его изучения, разработанные в рамках конкурирующих и исходящих из своего понимания сущности этого феномена программ; обнаружением ряда проблем и парадоксов, имеющих отношение к изучению этого исследовательского объекта¹, определению ключевых характеристик, связанных с устойчивыми традициями употребления и понимания понятия «сознание» в академическом дискурсе².

В этой связи попытки ознакомиться с эскизным наброском основных работ, установить базовые проблемы и вопросы изучения сознания, выявить структуру современного дискурса в рамках российских и белорусских исследований, а также акцентировать внимание на недостатках упрощенных, нерелективных трактовок этого феномена в социально-гуманитарном знании³ выглядят целесообразными.

Основная часть. Эпистемология сознания в русскоязычном современном дискурсе сопряжена с работами таких известных современных ученых, как К. В. Анохин, Д. И. Дубровский, И. П. Меркулов, В. В. Васильев, В. А. Лекторский, И. Т. Касавин, Е. Н. Князева, М. К. Мамардашвили, Н. С. Юлина, Е. П. Велихов, Б. М. Величковский и др., анализ которых позволяет установить системный взгляд на проблему изучения сознания⁴.

Предельно обобщая, панорамное видение основных направлений исследования этого феномена можно отразить следующим образом.

Во-первых, это субстанциональный подход, понимающий под сознанием духовную субстанцию, участвующую в создании мыслимого и существующего разнообразия, в рамках которого возникает ряд широко обсуждаемых многочисленных противоречий, связанных с поиском объективных эмпирических данных и объяснением механизмов функционирования сознания [1; 2]. Некоторые авторы призывают отказаться от сугубо онтологической трактовки сознания [3; 4] и дополнить ее эпистемологическими подходами, разрабатываемыми в ряде исследований таких российских философов, как Д. В. Иванов, А. В. Лекторский и др. [7; 10]. К субстанциональному подходу также можно отнести попытки белорусского автора А. Н. Спаскова обосновать субстанционально-информационный подход к осмыслению проблемы сознания⁵.

Во-вторых, дуалистическая трактовка сознания (дифференциация на дух и материю), интерес к которой в последние десятилетия существенно вырос в связи с реабилитацией декартовских и кантовских трактовок этого феномена. Такой подход рассчитан на преодоление проблем объяснения очевидной для многих ученых связи «сознание – тело»⁶ посредством отождествления сознания с серией ментальных состояний, представленных в виде поведенческих диспозиций [5].

¹ На данном этапе развития философского знания такой предмет научного исследования, как сознание, интересует ученых и мыслителей больше в качестве объясняемого (*explanandum*) и описываемого (*descriptus*), нежели познанного или заранее заданного явления.

² См., например: Проблема сознания в философии и науке: отв. ред. Д. И. Дубровский. – М.: Канон+, 2009. – 472 с.

³ Многомерность понятия «сознание» является одной из главных причин сложности объяснения и понимания этого феномена, именно по этой причине существовал долгий негласный запрет на использование этого термина в естественно-научных исследованиях.

⁴ В рамках заданной работы упоминание всей используемой литературы по исследуемой теме не представляется возможным, поэтому указываются лишь те работы авторов, ссылки на которые необходимы.

⁵ См.: Спасков, А. Н. Реальность квантового мира и сознания в субстанционально-информационной онтологии / А. Н. Спасков // Наука как общественное благо: сб. науч. ст. Второго Междунар. конгресса Русского общества истории и философии науки / С.-Петербург. гос. ун-т. – М.: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2020. – С. 138–140.

⁶ «Провал в объяснении» – термин аналитической философии.

Эти две плохо коррелирующие между собой стратегии изучения и описания сознания порождают противоречивые и широкие дискуссии в современном философском дискурсе.

В-третьих, стратегия субъективного идеализма, абсолютизирующая «замкнутость» и достоверность чувственного субъективного опыта и акцентирующая внимание на необходимости изучения его экзистенциальных аспектов, выявления адекватных и объективных способов его описания. Возникающие в рамках этого подхода трудности эпистемологического и методологического характера до сих пор не разрешены. С обзором аналитических попыток продемонстрировать и разрешить эти противоречия можно ознакомиться в работах таких известных российских исследователей, как Н. С. Юлина и В. В. Васильев [4–6].

В-четвертых, материалистическая трактовка сознания в качестве свойства высокоорганизованной материи, которая частично и интуитивно опирается как на обыденное представление о разделении сознания и материи, так и имеет в своем арсенале научные обоснования и подтверждения материального происхождения этого феномена [5; 8]. Материалистические – преимущественно физикалистские концепции – указывают на тот факт, что законы, связующие сознание и материю, не являются фундаментальными. В основном такой подход придерживается реалистических ориентаций физиологического объяснения процессов, происходящих в мозге, что, по мнению некоторых ученых, выглядит немного архаично без попыток выявить культурно-исторические и семантические особенности изучения, описания и формирования сознания [9] и делает вопрос о многообразии его форм бессмысленным и чрезмерно абстрактным.

В настоящий момент широко обсуждаются современные вопросы философии сознания в междисциплинарных исследованиях [10–11], имеющих ряд характерных особенностей: преимущественно они основываются на естественно-научных методах изучения механизмов функционирования мозга; существуют ярко выраженные тенденции создания динамических моделей сознания, описывающих его как целостную систему и структуру, причем в отказе от прежних традиций, дифференцирующих сознание на четкие иерархические уровни; одним из привилегированных компонентов таких направлений становится задача вычислительного моделирования работы сознания, делается акцент на прикладных аспектах его изучения; становятся очевидными преимущества объяснения проблем сознания с позиции биологических и самоорганизующихся систем, ориентированных на изучение информационных и когнитивных процессов функционирования мозга¹; использование естественно-научных инструментов (например, нейровизуализация, айтрекинг и др.) с опорой на интроспективные методы описания также существенно трансформировали философские исследования сознания в сторону разработок когнитивных моделей, акцентирующих внимание на необходимости понимания субъективной реальности с точки зрения информационного подхода². Такие особенности автоматически делают доминирующими редукционистские подходы, поскольку предпочитают искать объяснение в экспериментально подтвержденных данных, не прибегая к философским метафизическим размышлениям [5, с. 141].

В последнее десятилетие также получили широкую популярность эволюционные направления исследования сознания, использующие теоретический и понятийный аппарат информационно-компьютерного моделирования когнитивных и познавательных процессов [12]; осуществляются попытки эксплицировать физические эффекты сознания и способы решения известной «трудной проблемы» с помощью современных открытий в физике [13]; предлагаются концепции, разработанные в рамках синергетического подхода, на основе которых осуществляется построение континуальной клеточно-автоматной двухсоставной модели сознания [14, с. 120–136]; демонстрируются попытки построить вероятностно ориентированные смысловые модели созна-

¹ См.: Эволюция. Мышление. Сознание (Когнитивный подход и эпистемология); под ред. И. П. Меркулова. – М.: Канон+, 2004. – 352 с.; Князева, Е. Н. Сознание как синергетический инструмент / Е. Н. Князева // Вестн. Междунар. акад. наук (Русская секция). – 2008. – № 2. – С. 55–59.

² См.: Величковский, Б. М. От исследований сознания к разработке когнитивных технологий / Б. М. Величковский // Субъективный мир в свете вызовов современной когнитивной науки; отв. ред. В. А. Лекторский. – М.: Аквилон, 2017. – С. 37–57; Величковский, Б. М. Исследование сознания естественно-научными методами / Б. М. Величковский [и др.] // Вестн. РФФИ. – 2016. – № 91 (3). – С. 61–71.

ния, позволяющие рассмотреть и углубить такие темы исследования, как природа творчества и языка, многомерность личности и т. д.

Теоретические и методологические аспекты проблемы сознания обсуждаются также в области такого современного направления, как «социальное понимание» [15], синтезирующего знание аналитической эпистемологии, философии сознания, когнитивной психологии, нейронаук и осуществляющего попытки выявить пути постижения и понимания другого сознания. Проблемы, возникающие в этом направлении исследования, имеют отношение к теоретико-методологическим задачам конструирования универсальной модели сознания, возможностям эмпирического описания его различных индивидуальных состояний.

В понятийно-категориальном плане исследования сознания также можно выделить несколько основных инвариантных, логически связанных между собой терминов и категорий, позволяющих выявить структуру современного философского дискурса.

Онтологическая категория «субъективная реальность», имеющая большой объем и включающая представления о ментальных и психических процессах, субъективном и интроспективном опытах, качественных состояниях («квалиа»), является одной из самых результативных для понимания феномена сознания. Обычно под ней понимается целостное динамическое образование, наполненное содержанием (иногда его обозначают емким местоимением «Я»). С точки зрения некоторых ученых [16], акты сознания устроены так, что картина субъективной реальности выглядит достаточно правдоподобной с той лишь оговоркой, что единое «Я» не должно смешиваться с общим полем частных качественных данностей; существование субъективной реальности и способность познавать и оперировать информацией тесно связаны с управлением нейродинамическими системами мозга, самоорганизацией и самодетерминацией. Данное объяснение природы субъективной реальности и ее взаимодействия с физическими явлениями хоть и нуждается в дальнейшем обосновании, но в настоящий момент является популярным и не встречает однозначных опровержений.

Также многоаспектное понимание «Я» часто ассоциируется с проявлениями телесности и эмоций, символическими объективациями, самоидентификацией, социально-психологическими характеристиками, ментальными актами и т. д., поэтому есть основания предполагать, что в большинстве случаев под субъективной реальностью понимают способы фиксации, объединения и осознания этих многочисленных подвижных состояний¹. Именно такие послы создают главные теоретические трудности в определении роли сознания, его локализации и генезиса, механизма функционирования. Многие направления (например, элиминативизм, функционализм, бихевиоризм), не признающие онтологический статус субъективного опыта, свидетельствуют в пользу того, что именно стремление выразить и объяснить себя, свое поведение, понять других людей, участие в интерактивном взаимодействии формируют различные состояния, объединенные под универсальным понятием «сознание»².

Следующий комплекс вопросов онтологического характера имеет отношение к категории «структура субъективной реальности», получившей широкое распространение среди представителей герменевтико-феноменологического и психоаналитического направлений, наследие которых в настоящий момент актуализируется, уточняется и систематизируется [17; 18]. Постановка проблемы сознания в концепциях этого направления исходит из очевидной данности сознания (эпифеномен)³, которым обладает каждый человек, причем четкие критерии его отличия от дру-

¹ См.: Лекторский, А. В. Сознание / А. В. Лекторский, В. И. Молчанова, В. П. Зинченко // Энциклопедия эпистемологии и философии науки; под ред. И. Т. Касавина. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/epistemology/articles/873/soznanie.htm>. – Дата доступа: 01.10.2022; Лекторский, В. А. «Я» / В. А. Лекторский // Новая философская энциклопедия; 2-е изд. – М.: Мысль, 2010. – Т. 4. – С. 497–502; Лекторский, В. А. Являются ли иллюзией представления о субъективном мире? / В. А. Лекторский // Субъективный мир в свете вызовов современной когнитивной науки. – М.: Аквилон, 2017. – С. 7–21.

² См.: Касавин, И. Что значит быть лондонской цветочницей? О Прометее, Пигмалионе и других специалистах по сознанию / И. Касавин // Вопр. философии. – 2012. – № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/18222-chto-znachit-byt-londonskoy-cvetochnicey-o-prometee-pigmalione-i-drugih-specialistah-po-soznaniyu.html. – Дата доступа: 01.10.2022.

³ Эпифеномен – от греч. *epi* (при) и *phenomenon* (являющееся).

гих таких не менее содержательных понятий, как «Я», «эго», «разум», «личность», «субъект» и т. д. не приводятся; также по большому счету не производятся терминологические уточнения, не делаются пояснения относительно значений употребления данных понятий и категорий. Ландшафт современных областей исследования сознания в континентальной философии формируется в основном в рамках стратегии, основанной на критическом переосмыслении новоевропейской метафизики, радикально меняя основной вопрос изучения с «что такое сознание» на попытки выявить и описать его структуру, объяснить способы его функционирования в качестве сложного интегрального динамического комплекса в зависимости от исторических, социокультурных условий, онто- и филогенетических особенностей развития.

Для того чтобы объяснить сложившуюся ситуацию множественности подходов к пониманию сознания, наметить их основные перспективные линии развития, необходимо также рассмотреть методологические трудности и проблемы его изучения.

Основной пафос любой теории сознания состоит в том, чтобы выработать категориально-понятийный аппарат описания, найти объективные методы познания, позволяющие исключить влияние исследовательской позиции ученого на содержание знания и процесс изучения. Отсутствие конструктивных результатов в этом направлении происходит по причине очевидной невозможности исключения индивидуального видения (субъективного опыта) из объяснений и теоретических схем. Проблему каузальной асимметрии субъективных представлений о сознании («с позиции первого лица») и научного («с позиции третьего лица») так называемую «пропасть в описании» ученые предлагают решать по-разному, однако все эти попытки неизменно выводят на наличие и обоснование объективности такого рода знания. Парадокс «ускользающей предметности» сознания непосредственно связан с антиномиями логических средств и концептуальными трудностями разработки языка описания, которые, в свою очередь, также обусловлены теоретическими рамками и методами исследования, личностными предпочтениями и установками ученых, их убеждениями [2, с. 95], что ставит под вопрос любые попытки вывести исключительно эмпирическую формулу понимания сущности сознания. Проблема феноменальной дескрипции также затрагивает методологические дилеммы, имеющие отношение к дифференциации естественного и искусственного интеллекта, интенциональности сознания, определению его структуры и содержания (интернализм и экстернализм), поиску механизмов его функционирования и т. д.

Ненадежность языковых средств описания ставит под вопрос любые попытки объективного изучения этого феномена, что в отсутствие подходящих понятий и терминов вынуждает ограничиваться односторонними эмпирическими данными. Это обстоятельство часто не осознается исследователями: сознание представляется как очевидная данность и структура, имеющая аксиоматически постулированные свойства, на основе которых объясняются феномены когнитивной, эмоциональной и другой деятельности человека.

Говоря об изменившихся приоритетах современных философских исследований, необходимо отметить также тему редукционизма. С одной стороны, термин «редукция» постепенно вытесняется и изменяется на понятие «объяснение», предполагающее интерпретативное пояснение и понимание проблемы сознания. С другой стороны, возрождается идея сведения сложных явлений к простым (нейронным связям и зарядам, информационным единицам и т. д.); универсальные определения сознания уступают место релевантному научному эмпирическому знанию, хотя убедительных данных в пользу той или иной гипотезы или концепции до сих пор не существует. Речь идет о различных спекуляциях, языковых модальностях, метафорах, присущих широкому философскому дискурсу, растущем плюрализме мнений и увеличении напряжения между естественно-научными попытками постижения феномена сознания и философией, но не об однозначном знании.

Одной из самых избегаемых тем исследования является проблема генезиса сознания, которая в настоящий момент формулируется в ряде следующих вопросов: на каком уровне филогенеза появляется сознание (причем вопрос изначально подразумевает определение этого феномена как высокоорганизованной материи); каковы условия возникновения этой сложноорганизованной системы (т. е. изначально вопрос артикулируется, исходя из положений о сознании как си-

стеме/разуме); каковы эмпирические критерии, позволяющие определить границу разделения между биологическими существами, обладающими и не обладающими сознанием, причем часто диапазон таких характеристик априори относят к элементам интеллектуальной базы. Доступные в настоящий момент для измерения и интерпретации экспериментальные данные не позволяют найти однозначные ответы на эти вопросы.

В отношении проблемы локализации сознания также ведутся обширные дискуссии, которые преимущественно вращаются вокруг тем определения различных зон мозга, попыток интегрировать их и структурировать в единые нейросетевые архитектуры. Доминирующая в пространстве современного русскоязычного дискурса проблема соотношения «сознание – мозг» также порождает множество вопросов и способов их решения, которые часто выходят за границы чисто философского анализа¹.

Вышеперечисленные философские парадоксы и научно-методологические трудности рационального постижения сознания вызывают соблазн производить ряд альтернативных стратегий его описания и определения. Анализ современных русскоязычных работ позволяет выявить целый спектр понятий, описывающих специфические свойства сознания как единого целого, а именно: сочетание качеств, целостность, интенциональность; структурность и дифференцированность; динамичность, упорядоченность во времени; изменчивость и различие в модальностях; содержательная наполненность и ассоциативность; наличие центра и периферии, верха и низа; ситуативность и локализованность; специфичность и определенность; каждое сознание имеет пространственно-временную «зернистость» и т. д. Часто сознание определяется через перечисление ментальных процессов (восприятие, мышление и ощущение) и взаимодействие мозга и тела со средой². Можно упомянуть и о таких бинарных оппозициях, с помощью которых описывается структура сознания, как «социальное–индивидуальное» и «личностное–экзистенциальное»; «материальное–идеальное»; «религиозное–атеистическое»; «массовое–элитарное»; «научное–обыденное»; «рациональное–иррациональное» и т. д. Каждый из полюсов этих пар также описывается через слои и уровни, понятия, нуждающиеся в дополнительной интерпретации и раскрытии содержания, от которых зависит понимание феномена сознания. Кроме того, вне зависимости от степени адекватности восприятия и отражения реальности многие ученые утверждают, что сознание обладает определенным содержанием, которое проявляется в межличностном взаимодействии/автокоммуникации, подлежит описанию и категоризации [16, с. 193], т. е. имеет знаковую природу³. В этом отношении определенный интерес представляют работы белорусского автора И. Е. Прися, который излагает свою точку зрения на сознание в витгенштейновских терминах языковых игр и форм жизни⁴.

Вынесение в самостоятельный пункт понятия «языковое сознание» требует отдельных пояснений и дополнений, поскольку все большее количество специалистов утверждают, что язык – *per definitionem* – является инструментом формирования мышления и сознания. Это предположение выводит на первый план проблему тематизации языка сознания, критического переосмысления и анализа всего массива понятий и метафор, используемых в настоящий момент учеными в рассуждениях об этом феномене. Такая постановка проблемы указывает не на необходимость каталогизации различных способов употребления понятия «сознание» или создания универсального словаря, а актуализирует выявление схем и способов понимания, теоретическо-

¹ См.: Анохин, К. В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания / К. В. Анохин // Журн. высш. нервной деятельности. – 2021. – Т. 71, № 1. – С. 39–71; Васильев, В. В. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии / В. В. Васильев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 240 с.

² Следует отметить, что такие описания сознания являются устойчивыми и привилегированными формами осмысления этого феномена и до сих пор касаются тех же проблем и вопросов *cogito*, которые ставил Р. Декарт.

³ См., например: Касавин, И. Т. О семиотическо-коммуникативной теории сознания (в развитие идей Л. С. Выготского) / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XXI, № 3. – С. 152–167; Петренко, В. Ф. Многомерное сознание. Психосемантическая парадигма / В. Ф. Петренко. – М.: Новый хронограф, 2010. – 440 с.

⁴ Автор утверждает, что сознание как дух реально в смысле наличия соответствующей нормы, укорененной в реальности, т. е. в рамках «языковой игры» оно представляет природное реально существующее явление. См.: Прись, И. Е. Природа и сознание / И. Е. Прись // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2018. – № 9 (419): Философские науки. – Вып. 49. – С. 18–23.

го описания и осмысления сознания [19], включающих большое количество часто не имеющих конкретного понимания и однозначной интерпретации значений.

XX в. породил целый ряд таких метафорических гносеологически санкционированных устоявшихся и порой антиномичных языковых моделей описания сознания, как когнитивный и ментальный фильтр; поток (*stream of consciousness, menstruum*); система, разделенная на вертикальные уровни (сознательное и бессознательное); «проблема понимания Другого»; дифференцированная рефлексивная деятельности и др. Следует также отметить, что метафоры, используемые философией, часто заимствуются из других областей научного знания. Это приводит к смешению концептуальных представлений и актуализирует введение методических регулятивов, герменевтических канонов соотношения различных контекстов и систем объяснения.

Выявить основные попытки изучения и определения сознания в современном русскоязычном философском дискурсе можно также исходя из гносеологического, аксиологического и антропологического анализа категории «сознания».

Гносеологический анализ категории «сознание» тесно связан с рефлексивным осмыслением понимания субъективной реальности и парадоксальностью логического круга познания собственного «Я» (проблема описания от «первого» и «третьего» лица). Теоретические и методологические трудности познания содержания собственного сознания традиционно связаны с представлением о познающем субъекте как об анонимном «третьем лице», исследующем собственное сознание в качестве эмпирического объекта. Многие исследователи имеют привычку «выносить за скобки» эту тему, что не имеет ничего общего с приемами феноменологической редукции, а лишь свидетельствует о существенных пробелах в исследовании.

Следует упомянуть об аксиологической сфере субъективной реальности, рассматриваемой авторами преимущественно в качестве иерархической динамичной ценностной структуры, классифицируемой по следующим критериям: отношение сознания к явлениям внутреннего и внешнего мира; к другому «Я» и социуму; трансцендентальному и трансцендентному. Эти состояния различаются по ряду признаков и нуждаются в более глубоком осмыслении и анализе, учете экзистенциальных и этических вопросов их рассмотрения, имеющих отношение к проблемам практической реализации ценностного знания в современном мире. Отметим, что вышеперечисленные особенности исследования недостаточно разработаны в русскоязычной философии, в которой расставляются акценты преимущественно на оценочной, контекстно-зависимой интерпретации аксиологической сферы сознания, что особенно заметно при рассмотрении работ белорусских авторов, специализирующихся на вопросах этики, морали и религии.

Если говорить об антропологическом аспекте вопроса изучения сознания, то чаще всего речь идет о проблеме дифференциации естественного (непосредственного) существования и «искусственных» сред, к которым имеет отношение и предметно-знаковая («символическое поле»), выступающая в качестве фундамента организации человеческой жизни¹ и указывающая на онтологический статус языка в формировании и функционировании сознания.

В русскоязычной академической философии до сих пор сохраняют определенное методологическое значение концепты «общественное сознание» и «индивидуальное сознание», широко используемые в марксистской литературе и в настоящий момент подвергаемые глубокому переосмыслению. В современной литературе представлены попытки обнаружить структурные связи между индивидуальным и общественным сознанием; выявить единые критерии описания понятия «общественное сознание»; установить гносеологические, социологические, конкретно-исторические и другие аспекты его формирования и развития [20]. Актуальной является проблема установления механизма диалектического взаимодействия индивидуального и общественного сознаний [21], теоретическое осмысление которой становится особенно важным в условиях тотальной цифровизации и массовых коммуникаций, формирования политтехнологий и новых социальных образований.

В заключение хотелось бы отметить, что большинство философских попыток изучения сознания и концепций российских и белорусских авторов существуют обособленно друг от друга,

¹ См., например, работы Л. С. Выготского, Э. Кассирера, Дж. Г. Мида.

что не способствует сотрудничеству и корректировке исследовательских позиций, а также изучению этого объекта. К сожалению, можно констатировать факт отсутствия устойчивых исследовательских групп (особенно это имеет отношение к белорусским ученым), занимающихся ключевыми философскими проблемами изучения сознания, что актуализирует дальнейшую проработку заявленной темы и необходимость создания междисциплинарных международных проектов по изучению этого феномена.

Заключение. Краткий обзор основных современных направлений исследования сознания в работах российских и белорусских авторов показал, что в настоящий момент можно говорить о существовании большого количества вариативных конкурирующих между собой стратегий и подходов, предлагающих свое понимание сущности этого феномена. Несмотря на достаточно широкий спектр исследовательских позиций и плюрализм мнений, можно выделить ряд существенных основных особенностей, характеризующих большинство русскоязычных концепций сознания.

Во-первых, современный дискурс ориентирован на обсуждение и применение естественно-научных подходов в исследовании сознания, успешно конкурирующих с философией и редуцирующих проблемы сознания преимущественно к изучению когнитивных процессов и нейрофизиологических коррелятов мозга, что автоматически нивелирует по экспоненте аксиологические, экзистенциальные и метафизические аспекты изучения этого феномена.

Во-вторых, продолжаются малопродуктивные дискуссии относительно первичных и вторичных качеств сознания, чистого опыта субъективной реальности, рассматриваемых часто в отрыве от проблем, связанных с областью конкретно предметной человеческой деятельности («жизненный мир») – дискурс вращается преимущественно вокруг обсуждения модной темы «*mind-body problem*».

В-третьих, можно говорить о некотором прогрессе российских исследований в связи с формированием общего контура изучения проблемы сознания и выделением основных блоков вопросов, акцентирующих внимание на необходимости введения дополнительных методологических регулятивов научного познания феномена сознания, а также требований, направленных на конкретизацию и уточнение содержания используемых понятий; поиске адекватных способов лингвистического описания и понимания этого объекта, актуальности включения и применения инструментария и категориально-понятийного аппарата естественных наук в рамках междисциплинарных исследований.

Установлено, что самыми непроработанными темами оказались относящиеся к проблемам определения генезиса и локализации сознания, его структуры и содержания, установлению механизмов взаимодействия «сознание – тело», поиску адекватных способов описания и интерпретации, имплицитно связанных с обнаружением эффективных инструментов практической реализации полученного знания. Выявлено, что, несмотря на отсутствие общей нормативной точки зрения на этот феномен, попытки создания философских моделей сознания в рамках русскоязычного философского дискурса до сих пор являются востребованными, особенно в свете междисциплинарных исследований, ориентированных на объединение различных концептуальных планов и методологий.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г22УЗБ-047.

Acknowledgements. The work was supported by the BRFFR within the framework of the scientific project No. G22UZB-047.

Список использованных источников

1. Аблеев, С. Р. Универсум сознания: философские проблемы сознания в евразийском антропокосмизме / С. Р. Аблеев. – М. : Амрита-Русь, 2010. – 445 с.
2. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание: метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М. К. Мамардашвили, Л. М. Пятигорский. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 288 с.
3. Блохина, Н. А. Теория тождества в системе современных представлений о сознании / Н. А. Блохина // Философия сознания: история и современность : материалы науч. конф., посвящ. памяти проф. МГУ А. Ф. Грязнова (1948–2001) / Моск. гос. ун-т. – М., 2003. – С. 181–188.
4. Васильев, В. В. Трудная проблема сознания / В. В. Васильев. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 271 с.

5. Юлина, Н. С. Эмерджентизм: сознание, редукция, каузальность / Н. С. Юлина // *Вопр. философии*. – 2010. – № 12. – С. 127–143.
6. Сознание [Электронный ресурс] // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки* / сост. И. Т. Касавин. – М., 2009. – Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/epistemology/articles/873/soznanie.htm>. – Дата доступа: 01.10.2022.
7. Иванов, Д. В. Функционализм – метафизика без онтологии / Д. В. Иванов // *Эпистемология и философия науки*. – 2010. – Т. 24, № 2. – С. 95–111.
8. Юлина, Н. С. Физикализм: дивергентные векторы исследования сознания / Н. С. Юлина // *Вопр. философии*. – 2011. – № 9. – С. 153–166.
9. Касавин, И. Т. Что значит быть лондонской цветочницей? О Прометее, Пигмалионе и других специалистах по сознанию / И. Т. Касавин // *Вопр. философии*. – 2012. – № 7. – С. 87–99.
10. Познание и сознание в междисциплинарной перспективе : в 2 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; редкол.: В. А. Лекторский, С. В. Пирожкова. – М. : Ин-т философии РАН, 2013. – Ч. 1. – 229 с.
11. Междисциплинарные исследования сознания: 30 лет спустя / Е. П. Велихов [и др.] // *Вопр. философии*. – 2018. – № 12. – С. 5–17. <https://doi.org/10.31857/S004287440002578-0>
12. Бескова, И. А. Феномен сознания / И. А. Бескова, И. А. Герасимова, И. П. Меркулов. – М. : Прогресс-Традиция, 2010. – 366 с.
13. Бинги, В. Н. Физические эффекты сознания: закон воспроизводимости / В. Н. Бинги. – М. : ИНФРА-М, 2021. – 558 с.
14. Колесников, А. В. Хаос и самоорганизованная критичность в формировании концепции цифровой философии сознания / А. В. Колесников // *Философия науки*. – 2018. – № 4 (79). – С. 120–136. <https://doi.org/10.15372/PS20180409>
15. Филатов, В. П. Социальное понимание и проблема «Другого сознания» / В. П. Филатов // *Эпистемология и философия науки*. – 2020. – Т. 57, № 4. – С. 6–22. <https://doi.org/10.5840/eps202057453>
16. Васильев, В. В. Сознание и вещи: очерк феноменалистической онтологии / В. В. Васильев. – М. : ЛИБРОКОМ, 2014. – 240 с.
17. Молчанов, В. И. Исследования по феноменологии сознания / В. И. Молчанов. – М. : Территория будущего, 2007. – 454 с.
18. Кузнецов, В. Ю. Предпосылки постановки проблемы сознания в континентальной и аналитической философии / В. Ю. Кузнецов // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия*. – 2014. – № 3. – С. 93–101.
19. Языки глобального сознания / Иван. гос. ун-т ; отв. ред.: Г. С. Смирнов, Д. Г. Смирнов. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2016. – 516 с.
20. Тюгашев, Е. А. Формы общественного сознания: опыт системной типологии / Е. А. Тюгашев // *Вестн. Самар. гос. техн. ун-та. Сер.: Философия*. – 2020. – № 3 (5). – С. 137–149.
21. Храпов, С. А. Индивидуальное и общественное сознание: гносеологические и онтологические аспекты взаимодействия / С. А. Храпов // *Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. Философия. Социология. Право*. – 2009. – № 8 (63). – С. 200–206.

References

1. Ableev S. R. *Universe consciousness: philosophical problems consciousness in Eurasian anthropocosmism*. Moscow, Amrita-Rus' Publ., 2010. 445 p. (in Russian).
2. Mamardashvili M. K., Pyatigorskii L. M. *Symbol and consciousness: metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2009. 288 p. (in Russian).
3. Blokhina N. A. The theory of identity in the system of modern ideas about consciousness. *Philosophy of consciousness: history and modernity: materials of a scientific conference dedicated to the memory of professor of Moscow State University A. F. Gryaznov (1948–2001)*. Moscow, 2003, pp. 181–188 (in Russian).
4. Vasil'ev V. V. *The hard problem of consciousness*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2009. 271 p. (in Russian).
5. Yulina N. S. Emergentism: consciousness, reduction, causality. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2010, no. 12, pp. 127–143 (in Russian).
6. Consciousness. *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*. Moscow, 2009. Available at: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/epistemology/articles/873/soznanie.htm> (accessed 01.10.2022) (in Russian).
7. Ivanov D. V. Functionalism – metaphysics without ontology. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*, 2010, vol. 24, no. 2, pp. 95–111 (in Russian).
8. Yulina N. S. Physicalism: divergent vectors of the study of consciousness. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2011, no. 9, pp. 153–166 (in Russian).
9. Kasavin I. T. What is to be a London flower girl? On Prometheus, Pygmalion and other consciousness experts. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2012, no. 7, pp. 87–99 (in Russian).
10. Lektorskii V. A., Pirozhkova S. V. (eds.). *Cognition and consciousness in an interdisciplinary perspective. Part 1*. Moscow, Institute of Philosophy RAS, 2013. 229 p. (in Russian).
11. Velikhov E. P., Kotov A. A., Lektorsky V. A., Velichkovsky B. M. Interdisciplinary consciousness research: 30 years on. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2018, no. 12, pp. 5–17 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440002578-0>
12. Beskova I. A. *The phenomenon of consciousness*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2010. 366 p. (in Russian).

13. Bingi V. N. *Physical effects of consciousness: the law of reproducibility*. Moscow, INFRA-M Publ., 2021. 558 p. (in Russian).
14. Kolesnikov A. V. Chaos and self-organized criticality in the formation of the concept of digital philosophy of consciousness. *Filosofiya nauki = Philosophy of Sciences*, 2018, no. 4 (79), pp. 120–136 (in Russian). <https://doi.org/10.15372/PS20180409>
15. Filatov V. P. Social understanding and the problem of “Other consciousness”. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 4, pp. 6–22 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps202057453>
16. Vasil’ev V. V. *Consciousness and things: an outline of phenomenalist ontology*. Moscow, LIBROKOM Publ., 2014. 240 p. (in Russian).
17. Molchanov V. I. *Research on the phenomenology of consciousness*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2007. 454 p. (in Russian).
18. Kuznetsov V. Yu. Premises of the treatment of the problem of consciousness in analytical and continental philosophy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya = Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2014, no. 3, pp. 93–101 (in Russian).
19. Smirnov G. S., Smirnov D. G. (eds.). *Languages of global consciousness*. Ivanovo, Ivanovo State University, 2016. 516 p. (in Russian).
20. Tyugashev E. A. Forms of social consciousness: experience in system typology. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Filosofiya [Bulletin of the Samara State Technical University. Series Philosophy]*, 2020, no. 3 (5), pp. 137–149 (in Russian).
21. Hrapov S. A. Individual and public consciousness: epistemological and ontological aspects of interaction. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law*, 2009, no. 8 (63), pp. 200–206 (in Russian).

Информация об авторе

Доронина Светлана Геннадиевна – научный сотрудник. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: svetadorus@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-0536-7587>

Information about the author

Svetlana G. Doronina – Researcher. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk, 220072, Belarus). E-mail: svetadorus@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-0536-7587>

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 316.653
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-193-202>

Поступила в редакцию 10.05.2023
Received 10.05.2023

Е. В. Мартищенко

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

РАЗВИТИЕ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭЛАСТИЧНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Аннотация. Рассматриваются результаты социологического мониторинга общественного мнения по вопросам использования ядерной энергетики в Беларуси. Представлен анализ данных, полученных в результате проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2022 г. социологического исследования в соответствии с заданием «Провести социологический мониторинг общественного мнения населения Республики Беларусь с целью формирования позитивного отношения к атомной энергетике» мероприятия 8 «Информационно-аналитическое обеспечение развития атомной энергетики в Республике Беларусь» подпрограммы 3 «Научное обеспечение эффективной и безопасной работы Белорусской атомной электростанции и перспективных направлений развития атомной энергетики» Государственной программы «Научно-технологические и технические» на 2021–2025 гг. Охарактеризованы временные интервалы, в рамках которых важные события оказывали прямое или косвенное влияние на общественное мнение, касающееся ядерной энергетики. Разработана социологическая методика расчета, позволяющая проследить вектор реагирования общественного мнения по поводу ядерной энергетики (повышение или снижение уровня лояльности) на различные внутренние или внешние факторы. Выполнена оценка эластичности общественного мнения, касающегося ядерной энергетики, с построением типологии этой эластичности. Выявлены самооценки респондентов по поводу сформированности и устойчивости своей позиции относительно реализации проекта «Белорусской АЭС». Показана необходимость проведения системной информационно-разъяснительной работы среди населения по всем основным аспектам практического использования ядерной энергетики.

Ключевые слова: социологический мониторинг, ядерная энергетика, общественное мнение, эластичность общественного мнения, информационно-разъяснительная работа

Для цитирования: Мартищенко, Е. В. Развитие ядерной энергетики в Беларуси: социологический анализ эластичности общественного мнения / Е. В. Мартищенко // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 3. – С. 193–202. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-193-202>

Alena V. Martyshchankava

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

DEVELOPMENT OF NUCLEAR POWER IN BELARUS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE ELASTICITY OF PUBLIC OPINION

Abstract. The article discusses the results of sociological monitoring of public opinion on the use of nuclear energy in Belarus. The main part presents an analysis of the data obtained from the results of a sociological study conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus in 2022 on the assignment “Conduct sociological monitoring of public opinion of the population of the Republic of Belarus in order to form a positive attitude towards nuclear energy” of event 8 “Information and analytical support for the development of nuclear Energy in the Republic of Belarus” of subprogram 3 “Scientific support for the efficient and safe operation of the Belarusian nuclear power plant and promising areas for the development of nuclear energy” of the State Program “Science-intensive technologies and equipment” for 2021–2025. The time intervals within which important events had a direct or indirect impact on public opinion about nuclear energy are characterized. A sociological method of calculation has been developed that makes it possible to trace the vector of public opinion’s response to nuclear energy (increase or decrease in the level of loyalty) to various internal or external factors. An assessment of the elasticity of public opinion about nuclear power is carried out with the construction of a typology of this elasticity. Also, self-assessments of the respondents’ formation and stability of their position regarding the implementation of the project “Belarusian NPP” were revealed. The need for systematic information and explanatory work among the population on all the main aspects of the practical use of nuclear energy is shown.

Keywords: sociological monitoring, nuclear energy, public opinion, elasticity of public opinion, information and explanatory work

For citation: Martyshchankava A. V. Development of nuclear power in Belarus: a sociological analysis of the elasticity of public opinion. *Vesti Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2023, vol. 68, no. 3, pp. 193–202 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-193-202>

Введение. Началом развития ядерной энергетики можно считать 6 июня 1954 г., когда произошел пуск в опытную эксплуатацию первой в мире атомной электростанции в Обнинске. Этот пуск «...был встречен общественностью с большим оптимизмом и надеждой на освоение нового дешевого, безопасного, практически неиссякаемого источника энергии» [1, с. 21]. Общественные дебаты относительно использования ядерной энергии начались еще раньше. С тех пор колебания общественного мнения в ту или иную сторону не прекращались. Так, например, для советских граждан «...сообщение средств массовой информации о том, что за период с 1971 по 1985 г. в 14 странах мира произошла 151 непредвиденная авария разной степени сложности с различными экологическими последствиями, прошло незамеченным», в том числе и крупнейшая авария в 1979 г. на Три-Майл-Айленд [1, с. 21]. В то же время авария на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г. «...вызвала эмоциональный взрыв отрицательного отношения к атомной энергетике в СССР» [1, с. 21], который породил так называемый «чернобыльский синдром», наблюдающийся у части населения до сих пор. По словам российских ученых Б. И. Давыдова и Б. Н. Ушакова, это выглядит достаточно странным, поскольку «...все опасения общественности по поводу радиационной опасности сосредоточились на атомной энергетике (если не считать страхи перед ядерной войной), вклад которой в суммарную дозу облучения населения (в условиях нормальной без серьезных аварий работы АЭС) один из самых скромных» [2, с. 210].

Таким образом, общественная приемлемость – ключевое условие и наиболее важная составляющая при реализации проектов национального значения, особенно таких, как строительство атомной станции на территории страны, что является также одним из требований МАГАТЭ для стран, развивающих ядерную энергетику. Поскольку общественная приемлемость формируется на основе экономических, социальных и культурных факторов, то приемлемость атомной энергетики во многом зависит от самой страны, от того, как проводится «работа» с общественным мнением. Для повышения общественной приемлемости по поводу ядерной энергетики важно не только информировать людей, но и учитывать их мнение, а также вовлекать в процесс принятия решений, что в итоге позволит повысить качество принятых управленческих решений [3; 4, с. 79–80].

В Беларуси изучением общественного мнения о ядерной энергетике в разные периоды занимались Е. М. Бабосов, А. М. Грищенко, А. А. Михалевич [4], Д. Г. Ротман, В. В. Правдивец [5], М. Н. Хурс [6–7], В. В. Бобров [6], А. М. Заборовский [7], С. А. Шавель [6–8] и др.

Начиная с 2005 г. по решению Министерства энергетики Республики Беларусь и Национальной академии наук Беларуси Институт социологии НАН Беларуси с целью расширения и укрепления связей с общественностью проводит изучение общественного мнения, касающегося развития в Беларуси ядерной энергетики. При реализации государством столь важного национального ядерного энергетического проекта необходимо осуществлять постоянное взаимодействие заинтересованных сторон по всем аспектам данного проекта. В выстраивании этой работы, несомненно, особую роль играет обратная связь с населением, т. е. необходимость понимания того, какие вопросы больше всего интересуют людей, а какие, возможно, вызывают беспокойство. На важность изучения связи между процессом формирования и выражения общественного мнения, с одной стороны, и уровнем социальной напряженности в обществе, вектором социальных настроений и социального самочувствия – с другой, указывали в своих работах такие российские социологи, как Ж. Тощенко, С. Харченко [9, с. 107]. Следовательно, особенно важное значение приобретает проведение социологического мониторинга общественного мнения, который и осуществляет функции обратной связи в системе управления, т. е. позволяет органам государственного управления и другим заинтересованным структурам получить необходимые ответы на эти вопросы, чтобы совершенствовать информационную работу, выявлять адресную аудиторию, определять наиболее популярные каналы передачи информации и многое другое [10].

Проведение социологического исследования именно в мониторинговом режиме позволяет увидеть в динамике состояние интересующего объекта исследования в оценках населения (в нашем случае – это динамика общественного мнения жителей Беларуси о развитии ядерной энер-

¹ МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии, созданное решением Организации Объединенных Наций 4 декабря 1954 г.

гетики) и своевременно уловить новые тенденции и проблемы в изучаемой сфере, предотвратить возможные социальные потрясения и снизить при необходимости социальную напряженность. В этом плане работа руководства отрасли по налаживанию надежной обратной связи с населением представляется актуальным, необходимым и своевременным шагом в культивировании общественной приемлемости ядерной энергетики [11, с. 30].

Основная часть. Рассмотрим, как формировалось общественное мнение о ядерной энергетике в Беларуси посредством анализа результатов обозначенного социологического мониторинга, проводимого по национальной репрезентативной выборке ($N=2000$) [12, с. 38]. Ключевым на каждом этапе исследования являлся следующий вопрос: «Должна ли Беларусь, на Ваш взгляд, иметь и развивать ядерную энергетику?». Распределение ответов респондентов (населения) на вопрос о необходимости развития ядерной энергетики в Республике Беларусь в динамике представлено на рис. 1.

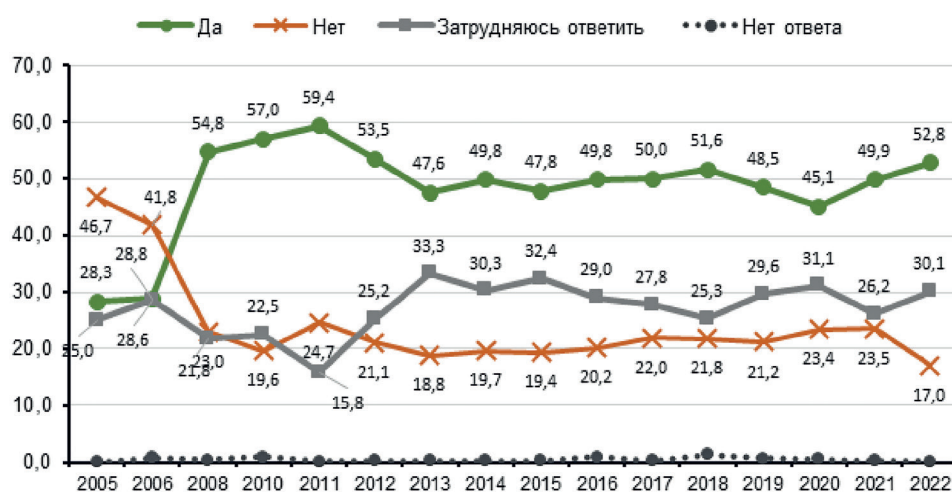

Рис. 1. Динамика общественного мнения о необходимости развития ядерной энергетики в Беларуси, % от числа опрошенных

Fig. 1. Dynamics of public opinion on the need to develop nuclear energy in Belarus, in % of the number of respondents

Проведенные социологические исследования показывают, как изменялось число голосов сторонников и противников ядерной энергетики в Республике Беларусь. Как следует из рис. 1, уже к 2008 г. произошло качественное изменение массового сознания и выражающего его общественного мнения по данной проблеме, т. е. в тот период, когда правительство от объявления намерений по использованию атомной энергетики и строительства собственной АЭС в республике перешло к началу практических действий по реализации данного проекта. Во-первых, Указом Президента Республики Беларусь № 565 «О некоторых мерах по строительству атомной электростанции» от 12 ноября 2007 г. были утверждены организационные формы проведения подготовительных работ для строительства АЭС, обеспечения ядерной и радиационной безопасности в соответствии с требованиями МАГАТЭ. Во-вторых, был принят Закон Республики Беларусь № 426-З «Об использовании атомной энергии» от 30 июля 2008 г. Также произошли изменения в области информирования населения по данной проблематике – и количественные, и качественные. В итоге в 2008 г. наблюдалось резкое увеличение количества жителей Беларуси, поддерживающих развитие ядерной энергетики в стране (от 28,3 % в 2005 г. до 54,8 % в 2008 г.), практически вдвое снизилось количество его противников (от 46,7 % до 23,0 % соответственно) и вплоть до 2011 г. (пока не произошла авария на японской АЭС «Фукусима-1») рост количества сторонников продолжался, достигнув своего максимального значения (59,4 % опрошенных) за весь период исследования.

Что касается части населения, которая не поддерживает развитие ядерной энергетики в Беларуси, можно отметить следующее: с 2008 по 2022 г. изменения количественного состава данной

группы практически всегда находились в пределах ошибки выборки, т. е. существенных изменений не наблюдалось. В то же время доля неопределившихся в своей позиции по данному вопросу до 2011 г. постепенно уменьшалась и достигла своего наименьшего за весь период исследования значения – 15,8 % от числа опрошенных, но уже по результатам исследований 2012 и 2013 гг. (по-видимому, потоки негативной информации об аварии на «Фукусиме-1» возымели свое действие) был отмечен существенный рост количества респондентов данной категории, который вплоть до 2022 г. варьировался несущественно и количественные изменения практически всегда находились в диапазоне ошибки выборки [12, с. 39].

Таким образом, можно утверждать, что общественное мнение, касающееся ядерной энергетики, достаточно эластично, т. е. реагирует на различные внутренние или внешние факторы.

Впервые понятие эластичности было введено А. Маршаллом. Он трактовал эластичность как «меру реагирования относительного изменения одной переменной величины на относительное изменение другой переменной величины» [13, с. 36].

Полагаем, что в социологическом прочтении понятие эластичности можно применить и к общественному мнению о ядерной энергетике, что позволит более предметно понять специфику формирования общественной приемлемости ядерной энергетике.

Эластичность общественного мнения – это мера чувствительности общественного мнения к событию либо фактору, которая отражает изменение величины показателя общественного мнения (в % диапазона шкалы значений показателя, по модулю) в ситуации обновления условий (обстоятельств) оценки объекта общественного мнения. Такое обновление может быть связано как с непредвиденными событиями, так и целенаправленными действиями субъектов управления.

Исходя из того, что события (условия) могут иметь различный вектор направленности (внешний или внутренний), а также характеризоваться прямой или косвенной связью с объектом (влиянием на объект) общественного мнения, эластичность общественного мнения может быть, по нашему мнению, типологизирована следующим образом:

внутренняя предметная эластичность (внутри социальной системы (сообщества, общества, государства), обладающая прямой связью с объектом общественного мнения, т. е. тематически связанной);

внешняя предметная эластичность (обладающая прямой связью с объектом общественного мнения, т. е. тематически связанной, но за пределами социальной системы существования объекта);

внутренняя непредметная эластичность (внутри социальной системы, но напрямую тематически не связанная с объектом общественного мнения).

Соответственно, факторы общественного мнения имеют одноименную типологию и могут быть представлены как внутренние предметные, внешние предметные и внутренние непредметные.

Рассмотрение внешних непредметных факторов может иметь сугубо теоретическое значение, но оно выходит за пределы объекта нашего исследования.

Охарактеризуем социологическую методику расчета эластичности общественного мнения.

Основные принципы расчета эластичности:

1) эластичность рассчитывается по факту произошедших/непроизошедших изменений общественного мнения, т. е. для расчета нужны минимум две точки замера;

2) эластичность рассчитывается по принципу «от достигнутого», т. е. за базу принимается предыдущий уровень (или один из предыдущих уровней, если их было несколько, в зависимости от целей и задач исследования);

3) для расчета эластичности порядковая шкала, которая обычно применяется при измерении интенсивности оценок свойств, суждений, событий, с целью возможности сопоставления данных, преобразуется в интервальную шкалу путем присвоения баллов ее делениям. Например, с позиции социологического моделирования допускается нормирование трехранговой и пятиранговой шкал следующим образом: при трехранговой мы используем балльные значения 1, 3, 5, а при пятиранговой – 1, 2, 3, 4, 5 [14, с. 171].

За период проведения мониторинга можно выделить три временных интервала, в которых происходили определенные события, оказывающие прямое или косвенное влияние на общественное мнение о ядерной энергетике:

1) 2005–2011 гг. – период роста количества сторонников ядерной энергетики на фоне законодательного регулирования отношений и процессов в области использования атомной энергетики и усиления информационной работы с населением – *влияние внутренних предметных факторов*;

2) 2011–2013 гг. – авария на японской АЭС «Фукусима-1» и, соответственно, обострение дискуссий вокруг перспектив мировой энергетики, прежде всего развития ее ядерного сектора. Произошел новый всплеск тревожности среди населения. Как и после аварии на ЧАЭС, а ранее в 1979 г. на Три-Майл-Айленд (США), некоторые СМИ, отдельные политические партии и общественные движения будоражат общественное мнение апокалипсическими картинами грядущего, что повышает стрессогенные переживания и ведет к выбору неадекватных стратегий поведения населения, управленческих решений по проблемам развития национальных энергокомплексов [10] – *влияние внешних предметных факторов*;

3) 2019–2020 гг. – возникнувшая в конце 2019 г. пандемия коронавируса, которая приобрела планетарный масштаб, и начавшиеся в стране весной 2020 г. (в предвыборный период) протестные демонстрации оппозиции – *влияние внутренних непредметных факторов*.

Рассмотрим, как в процессе социологического мониторинга проявлялась эластичность общественного мнения, касающегося развития ядерной энергетики в Беларуси. Для облегчения восприятия и визуализации полученных данных рассчитаем, используя принцип весовых коэффициентов в нормировании шкалы, показатели лояльности общественного мнения по данному вопросу по крайним точкам выбранных для анализа временных интервалов. Респондентам для ответа на вопрос об отношении к ядерной энергетике предлагалось выбрать один из трех вариантов ответа: «да», «нет» и «затрудняюсь ответить». Соответственно, при нормировании шкалы к процентному показателю по варианту ответа «да» будем применять весовой коэффициент 5, по варианту ответа «затрудняюсь ответить» – 3 и по варианту ответа «нет» – весовой коэффициент 1 [14, с. 171]. В итоге формула (1) для расчета показателя лояльности общественного мнения, касающегося ядерной энергетики, в определенном году будет иметь следующий вид:

$$L_{OM} = \frac{x_{da} \times 5 + x_{z.o.} \times 3 + x_{nem} \times 1}{x_{da} + x_{z.o.} + x_{nem}}, \quad (1)$$

где L_{OM} – показатель лояльности общественного мнения; x_{da} – количество респондентов, выбравших при ответе на вопрос вариант «да»; $x_{z.o.}$ – количество респондентов, выбравших при ответе на вопрос вариант «затрудняюсь ответить»; x_{nem} – количество респондентов, выбравших при ответе на вопрос вариант «нет».

Таким образом, показатели лояльности (L_{OM})¹ общественного мнения, касающегося ядерной энергетики, по крайним точкам выбранных для анализа временных интервалов следующие: 2005 г. – 2,632; 2011 г. – 3,700; 2013 г. – 3,580; 2019 г. – 3,550; 2020 г. – 3,450.

Далее рассчитаем сравнительную силу влияния факторов в выделенных временных интервалах, используя показатель эластичности по формуле (2):

$$|\mathcal{E}_{OM}| = \frac{(L_{OM_2} - L_{OM_1}) \times 100\%}{4}, \quad (2)$$

где $|\mathcal{E}_{OM}|$ – показатель эластичности во временном интервале; L_{OM_1} – показатель лояльности общественного мнения в начальной точке временного интервала; L_{OM_2} – показатель лояльности общественного мнения в конечной точке временного интервала; 4 – длина шкалы в интервалах.

В итоге показатели эластичности (\mathcal{E}_{OM})² общественного мнения, касающегося ядерной энергетики, по выбранным для анализа временным интервалам следующие: 2005–2011 гг. – 26,75 % (внутренние предметные факторы влияния); 2011–2013 гг. – 3,00 % (внешние предметные); 2019–2020 гг. – 2,50 % (внутренние непредметные факторы влияния).

¹ Значения рассчитаны исходя из данных рис. 1 по формуле (1).

² Значения рассчитаны исходя из данных табл. 1 по формуле (2).

Произведенные расчеты показали, что наибольший показатель эластичности общественного мнения, касающегося ядерной энергетики, выявлен в интервале 2005–2011 гг., т. е. наибольшее влияние на формирование общественного мнения оказывают внутренние предметные факторы (законодательное регулирование в области использования атомной энергетики и усиление информационной работы с населением).

Что касается вопроса о личном отношении респондентов к строительству в Островецком районе первой Белорусской АЭС, то можно констатировать, что с первых лет включения в инструментарий данного вопроса (2013 г.) наблюдается сохранение следующей тенденции: население разграничивает понятия «развитие ядерной энергетики» и «строительство собственной АЭС» – строительство Белорусской АЭС в Островецком районе поддерживается большим количеством опрошенных, чем развитие ядерной энергетики (рис. 2) [12, с. 42].

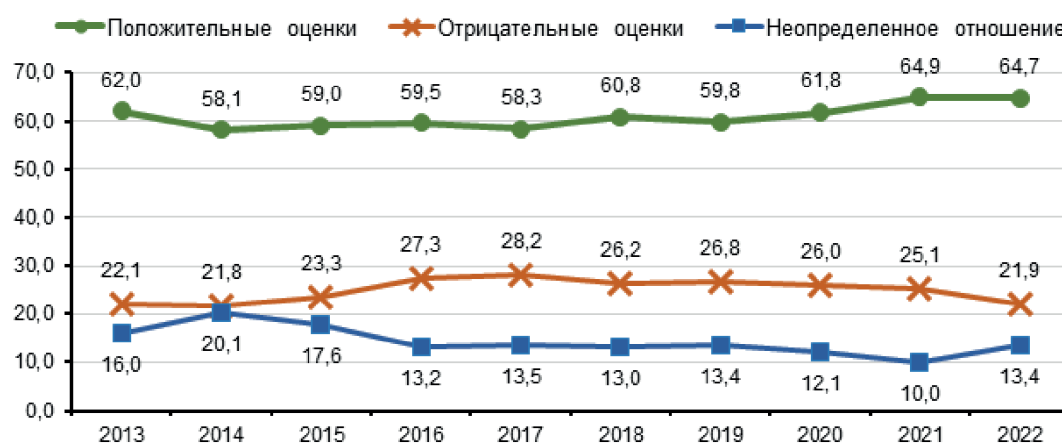

Рис. 2. Динамика общественного мнения о строительстве в Островецком районе Белорусской АЭС, % от числа ответивших

Fig. 2. Dynamics of public opinion on the construction of the Belarusian NPP in the Ostrovetsky district, in % of the number of respondents

За период изучения общественного мнения, касающегося строительства Белорусской АЭС (с 2013 по 2022 г.), можно выделить только один временной интервал, события которого могли оказать прямое или косвенное влияние на мнение населения по данному вопросу – это 2019–2020 гг. (пандемия коронавируса и предвыборный период). Показатели лояльности общественного мнения, касающегося строительства Белорусской АЭС (L_{OM})¹, по крайним точкам обозначенного периода следующие: 2019 г. – 3,660; 2020 г. – 3,720.

Показатель эластичности общественного мнения по поводу строительства Белорусской АЭС (2) в обозначенном временном интервале следующий:

$$|\varepsilon_{OM}| = \frac{(L_{OM_{2020}} - L_{OM_{2019}}) \times 100\%}{4} = \frac{(3,720 - 3,660)}{4} = 1,50\%$$

Таким образом, как и в случае с ядерной энергетикой, показатель эластичности во временном интервале 2019–2020 гг. невысок.

В отношении результатов анализа эластичности общественного мнения, касающегося ядерной энергетики, в целом за период 2005–2011 гг. (были «включены» внутренние предметные факторы), в течение 2011–2013 гг. (действовали внешние предметные факторы) и в 2019–2020 гг. (внутренние непредметные факторы) можно сформулировать следующие основные выводы:

1) эластичность общественного мнения проявляется в 8–9 раз сильнее под влиянием внутренних предметных факторов по сравнению с внешними предметными факторами;

¹ Значения рассчитаны исходя из данных рис. 2 по формуле (1).

2) внутренние предметные факторы оказывают на порядок (в 10–11 раз) более сильное влияние на общественное сознание, чем внутренние не предметные факторы;

3) внешние, но предметные факторы в 1,2 раза (или на 20 %) сильнее, чем внутренние, но не предметные факторы.

В процессе мониторинга отслеживаются также самооценки респондентов о сформированности и устойчивости своей позиции относительно строительства Белорусской АЭС. В соответствии с результатами опроса, проведенного в 2022 г., четкую позицию по этому вопросу имели, по их самооценке, 19,2 % опрошенных, у 27,7 % было предварительное мнение; 14,2 % заявили, что эта тема их вообще не волнует, 10,3 % респондентов затруднились ответить. Вместе с тем 28,4 % опрошенных отметили, что четкая позиция по этому вопросу у них отсутствует, поскольку они не обладают более полной и достоверной информацией [12, с. 44].

Наиболее важно рассмотреть устойчивость мнения респондентов о проекте «Белорусская АЭС» в выделенных нами группах опрошенных в отношении развития ядерной энергетики и реализации проекта «Белорусская АЭС» – «сторонники», «противники» и «затруднившиеся» (табл. 1) [12, с. 46].

Таблица 1. Уровень сформированности мнений респондентов о Белорусской АЭС по группам в отношении к проекту «Белорусская АЭС», % от числа опрошенных

Table 1. The level of formation of opinions of respondents about the Belarusian NPP by groups of attitudes to the project “Belarusian NPP”, in % of the number of respondents

Вариант ответа	Отношение к Белорусской АЭС		
	сторонники	противники	затруднившиеся
Я имею четкую позицию по этому вопросу	18,7	29,2	6,6
Я имею предварительное мнение	30,9	27,8	12,7
Четкой позиции по этому вопросу у меня нет, мне не хватает более полной и достоверной информации	30,7	20,9	30,2
Меня эта тема вообще не волнует	13,1	11,7	25,3
Затрудняюсь ответить	6,9	10,7	25,2

Из табл. 1 следует, что среди сторонников строительства Белорусской АЭС четкую позицию имеют только 18,7 %, 30,9 % респондентов обладают предварительным мнением, а 30,7 % ссылаются на нехватку полной информации для формирования четкой позиции. Таким образом, при определенных обстоятельствах (например, получении убедительной, по их мнению, информации о Белорусской АЭС негативного характера) около половины «сторонников» (18,7 % + 30,9 %) могут кардинально изменить свое мнение и оказаться в стане «противников». То же можно сказать и о 13,1 % респондентов, которые отвечали, что данная тема их не волнует – это скорее всего люди «настроения», т. е. они выбирали вариант ответа неосознанно и при следующем опросе могут оказаться в любой группе [12, с. 47].

Что касается группы «противников», то здесь наблюдается значительная доля респондентов, которые имеют четкую позицию по вопросу строительства Белорусской АЭС и свое мнение менять не планируют. Склонить к изменению мнения в данной группе можно только 48,7 % респондентов (27,8 % имеющих предварительное мнение + 20,9 % тех, кому не хватает полной информации) – именно эти люди могут существенно изменить общую ситуацию в общественном восприятии проекта «Белорусская АЭС» [12, с. 47]. На наш взгляд, следует уделять особое внимание мнению группы «противников». Мы согласны с предложенной С. А. Шавелем трактовкой общественного мнения, которое он понимает как «полный набор возможных альтернатив, кем бы они ни выдвигались, и выбор тех из них, против которых никто не выступает. Это важно: не тех, которые поддерживает большинство, а тех, против которых не возражают» [15, с. 40].

Касательно тех, кто не имеет сформированного отношения к проекту «Белорусская АЭС» («затруднившиеся»), необходимо отметить, что для данной группы респондентов по-прежнему в высокой степени свойственны аморфность и отсутствие мнений по большинству вопросов ис-

следования. Другими словами, фактически по каждому вопросу значительная часть этой группы (например, треть или половина) не может дать оценку, определить свою позицию в отношении заявленного предмета обсуждения. В ряде случаев ответы данной группы респондентов могут быть похожи на ответы как сторонников, так и противников строительства Белорусской АЭС, однако из-за постоянного наличия значительной части неопределившихся (затруднившихся ответить) крайне сложно оценить или предсказать, каким будет мнение или поведение данной группы опрошенных, если все ее представители займут четкую и определенную позицию по данному вопросу. Анализ табл. 1 подтверждает, что 25,2 % респондентов не смогли четко обозначить свою позицию, 25,3 % отметили, что тема Белорусской АЭС их вообще не интересует [12, с. 48].

Практически та же тенденция наблюдается и при распределении ответов по группам в отношении ядерной энергетики, небольшие различия (на 2–5 %) только в количестве респондентов, относящихся к той или иной группе (табл. 2) [12, с. 48].

Таблица 2. Уровень сформированности мнений респондентов по вопросу Белорусской АЭС по группам отношения к ядерной энергетике, в % от числа опрошенных

Table 2. The level of formation of opinions of respondents on the issue of the Belarusian NPP by groups of attitudes towards nuclear energy, in % of the number of respondents

Вариант ответа	Отношение к развитию ядерной энергетики		
	сторонники	противники	затруднившиеся
Я имею четкую позицию по этому вопросу	21,0	29,6	10,3
Я имею предварительное мнение	33,3	24,4	20,2
Четкой позиции по этому вопросу у меня нет, мне не хватает более полной и достоверной информации	27,8	24,3	32,2
Меня эта тема вообще не волнует	11,2	11,4	21,2
Затрудняюсь ответить	7,0	10,7	16,1

Заключение. Проведенный анализ данных социологического мониторинга свидетельствует, что степень и качество информированности населения по различным аспектам использования ядерной энергетики имеют как прямое, так и косвенное влияние на формирование общественного мнения по этой проблематике. Мнение населения по данному вопросу должно во все возрастающей степени формироваться на базе достаточной, исчерпывающей и достоверной информации, распространяемой через различные государственные СМИ и по другим доступным ему каналам. Гарантии безопасности и экологическая чистота АЭС – вот основные направления разъяснительной работы среди населения, эффективное осуществление которой позволит в какой-то мере уменьшить число противников развития ядерной энергетики. Как нам представляется, это поможет быстрее избавиться от продолжающегося нагнетания отдельными белорусскими и зарубежными СМИ страха перед ядерной энергетикой и понять, насколько существенно в настоящее время ее использование может повлиять на достижение необходимого уровня энергетической безопасности, повышение конкурентоспособности белорусской продукции и имиджа страны в мировом сообществе.

В данном вопросе специалистам энергетической отрасли необходимо объединить свои усилия с учеными, высококвалифицированными специалистами других областей, разработать и реализовать комплексную стратегию, включающую в себя мощную системную информационно-разъяснительную работу среди населения по всем основным аспектам практического использования ядерной энергетики. В ходе этой работы на каждый вопрос о «плюсах» и «минусах» использования ядерной энергии необходимо дать не только исчерпывающий, но и убедительный ответ. Этот ответ должен быть дан в такой форме, которая была бы доступна даже для самого не посвященного в суть данной проблематики жителя нашей республики.

Список использованных источников

1. Романов, В. С. Атомная энергетика и общественное мнение / В. С. Романов // Бюл. МАГАТЭ. – 1990. – № 2. – С. 21–24.
2. Давыдов, Б. И. Ядерный и радиационный риск: человек, общество, окружающая среда / Б. И. Давыдов, Б. Н. Ушаков ; под ред. И. Б. Ушакова. – М. ; СПб. : Фолиант, 2005. – 234 с.
3. Мартищенко, Е. В. Специфика формирования общественного мнения Беларуси о развитии ядерной энергетики и строительстве Белорусской АЭС / Е. В. Мартищенко // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 79–91.
4. Отношение населения к возможности развития атомной энергетики в Республике Беларусь / Е. М. Бабосов [и др.]. – Минск : ИПЭ АНБ, 1996. – 28 с. – (Препринт ИПЭ ; 18).
5. Актуальные проблемы современного белорусского общества (2011–2016): социологический аспект / Д. Г. Ротман [и др.] ; под общ. ред. Д. Г. Ротмана, А. Н. Данилова, В. В. Правдивца. – Минск : БГУ, 2016. – 247 с.
6. Энергетика Беларуси: состояние, проблемы, перспективы / В. В. Бобров [и др.] ; под ред. М. Н. Хурса. – Минск : ФУАинформ, 2006. – 344 с.
7. Атомная энергетика: общественное мнение Беларуси / А. М. Заборовский [и др.] ; под ред. М. Н. Хурса. – Минск : Беларус. навука, 2009. – 183 с.
8. Шавель, С. А. Социосферная стратегия развития общества / С. А. Шавель. – Минск : Беларус. навука, 2022. – 387 с.
9. Тощенко, Ж. Социальное настроение / Ж. Тощенко, С. Харченко. – М. : Academia, 1996. – 195 с.
10. Шавель, С. А. Общественное мнение о развитии ядерной энергетики в Республике Беларусь / С. А. Шавель, Е. В. Мартищенко // Социология. – 2013. – № 2. – С. 94–110.
11. Мартищенко, Е. В. Уровень общественной приемлемости проекта строительства Белорусской АЭС / Е. В. Мартищенко // Энергет. стратегия. – 2022. – № 2 (86). – С. 30–33.
12. Мартищенко, Е. В. Общественная приемлемость ядерной энергетики и строительства Белорусской АЭС / Е. В. Мартищенко // Провести социологический мониторинг общественного мнения населения Республики Беларусь с целью формирования позитивного отношения к атомной энергетике : отчет о НИР (заключ.) / Ин-т социологии НАН Беларуси ; рук. С. А. Шавель ; исполн.: Е. В. Мартищенко [и др.]. – Минск, 2022. – С. 38–49. – № ГР 20213076.
13. Давыдова, Е. А. Эластичность спроса и предложения [Электронный ресурс] / Е. А. Давыдова // МОДУЛЬ@hse.ru. – 2011. – № 1 (15). – Режим доступа: https://fdp.hse.ru/data/2011/05/27/1212548737/52_modul-1-2011.pdf. – Дата доступа: 16.02.2023.
14. Кобяк, О. В. Экономическое поведение: принципы и методы социологического моделирования / О. В. Кобяк. – Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2015. – 239 с.
15. Шавель, С. А. Общественная миссия социологии / С. А. Шавель. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 404 с.

References

1. Romanov V. S. Nuclear power and public opinion. *Byulleten' MAGATE* [IAEA Bulletin], 1990, no. 2, pp. 21–24 (in Russian).
2. Davydov B. I., Ushakov B. N. *Nuclear and radiation risk: man, society, environment*. Moscow, St. Petersburg, Foliant Publ., 2005. 234 p. (in Russian).
3. Martishchenkova E. V. Specifics of shaping public opinion in Belarus on the development of nuclear energy and the construction of a Belarusian nuclear power plant. *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhavnaga universiteta imya Yanki Kupaly. Seryya 5, Ekanomika. Satsyyalohiya. Biyalohiya = Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5. Economics. Sociology. Biology*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 79–91 (in Russian).
4. Babosov E. M., Grishchenko A. M., Mikhalevich A. A., Grusha N. M., Stavrov A. I. *Attitude of the population to the possibility of developing nuclear energy in the Republic of Belarus*. Minsk, Institute of Energy Problems of the Academy of Sciences of Belarus, 1996. 28 p. (in Russian).
5. Rotman D. G., Danilov A. N., Pravdivets V. V. (eds.). *Actual problems of modern Belarusian society (2011–2016): sociological aspect*. Minsk, Belarusian State University, 2016. 247 p. (in Russian).
6. Bobrov V. V., Dmitriev E. I., Kirilenko O. O., Krivorotov V. L., Mikhadyuk M. I., Ozerets A. V., Shavel' S. A., Khurs M. N. *Energy industry of Belarus: status, problems, perspectives*. Minsk, FUAinform Publ., 2006. 344 p. (in Russian).
7. Zaborovskii A. M., Padalko L. P., Khurs M. N., Shavel' S. A. *Nuclear energy: public opinion of Belarus*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2009. 183 p. (in Russian).
8. Shavel' S. A. *Sociospheric strategy for the development of society*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2022. 387 p. (in Russian).
9. Toshchenko Zh., Kharchenko S. *Social mood*. Moscow, Academia Publ., 1996. 195 p. (in Russian).
10. Shavel' S. A., Martishchenkova E. V. Public opinion on the development of nuclear energy in the Republic of Belarus. *Sotsiologiya* [Sociology], 2013, no. 2, pp. 94–110 (in Russian).
11. Martishchenkova E. V. The level of public acceptability of the Belarusian NPP construction project. *Energeticheskaya strategiya* [Energy Strategy], 2022, no. 2 (86), pp. 30–33 (in Russian).

12. Martishchenkova E. V. Public acceptability of nuclear energy and the construction of the Belarusian NPP. *Conduct sociological monitoring of public opinion of the population of the Republic of Belarus in order to form a positive attitude towards nuclear energy: research report (final), no. 20213076*. Minsk, 2022, pp. 38–49 (in Russian).

13. Davydova E. A. Elasticity of supply and demand. *MODUL'@hse.ru* [MODULE@hse.ru], 2011, no. 1 (15). Available at: https://fdp.hse.ru/data/2011/05/27/1212548737/52_modul-1-2011.pdf (accessed 16.02.2023) (in Russian).

14. Kobyak O. V. *Economic behavior: principles and methods of sociological modeling*. Minsk, Republican Institute of Higher Education, 2015. 239 p. (in Russian).

15. Shavel' S. A. *Social mission of sociology*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2010. 404 p. (in Russian).

Информация об авторе

Мартышченкова Елена Владимировна – научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: marti.74@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-2077-384x>

Information about the author

Alena V. Martyshchankava – Researcher. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: marti.74@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-2077-384x>

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 327.8(091)«15/18»(4-15)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-203-209>

Поступила в редакцию 30.05.2022
Received 30.05.2022

Д. В. Мазарчук

Університет Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Аннотация. Утверждается, что основные факторы развития западноевропейской дипломатии раннего Нового времени – это появление и становление института резидентного (постоянного) дипломатического представительства. Предложена периодизация развития дипломатии, основанная на понимании процесса формирования западноевропейской дипломатии в XV–XVI вв. в контексте трансформации средневековой социально-политической модели.

В условиях перманентного внутреннего и внешнеполитического давления средневековая иерархическая модель социально-политического устройства не выполняла функцию легитимации новых режимов на Апеннинском полуострове. Мир в Лоди 1454 г. закрепил гетерархическую, или полицентрическую, модель социально-политического устройства, предполагающую в качестве источника легитимности взаимное признание субъектов межгосударственных отношений.

Во второй половине XV в. эта модель, основанная на сети устойчивых дипломатических отношений, была принята большинством основных итальянских государств. Итальянские войны (1494–1559 гг.) повлияли на распространение модели «новой дипломатии» с резидентным дипломатическим представительством на ведущие государства Западной Европы.

Несмотря на кризис второй половины XVI в., модель резидентного дипломатического представительства стала базовой в европейской дипломатии Нового времени.

Ключевые слова: история дипломатии, Новое время, Итальянские войны, резидентная дипломатия, история международных отношений

Для цитирования: Мазарчук, Д. В. Основные этапы развития западноевропейской дипломатии раннего Нового времени / Д. В. Мазарчук // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 3. – С. 203–209. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-203-209>

Dmitry V. Mazarchuk

University of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**THE MAIN STAGES IN THE DEVELOPMENT OF WESTERN EUROPEAN DIPLOMACY
IN THE EARLY MODERN PERIOD**

Abstract. The author relies on the thesis that the main factor in the development of Western European diplomacy in the early Modern period was the emergence and formation of the resident diplomacy. The article proposes a periodization of the development of diplomacy, based on an understanding of the development of Western European diplomacy in the 15th–16th centuries in the context of the transformation of the medieval socio-political model.

Under the conditions of permanent internal and external political pressure, the medieval hierarchical model of the socio-political structure did not fulfill the function of legitimizing the new regimes on the Apennine peninsula. The peace of Lodi in 1454 consolidated the heterarchical or polycentric model of the socio-political structure, which assumed mutual recognition of the subjects of interstate relations as a source of legitimacy.

In the second half of the 15th century this model, based on a network of stable diplomatic relations, was adopted by most of the major Italian states. Italian wars of 1494–1559 influenced the spread of the new style of diplomacy with its resident envoys to the leading states of Western Europe.

Despite the crisis of the second half of the 16th century the model of a resident diplomatic representation has become the basic one in the European diplomacy of Modern age.

Keywords: history of diplomacy, Modern period, Italian wars, resident diplomacy, history of international relations

For citation: Mazarchuk D. V. The main stages in the development of Western European diplomacy in the early Modern period. *Vestsi Natsyyanal'най akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2023, vol. 68, no. 3, pp. 203–209 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-203-209>

Введение. Период раннего Нового времени сопровождался глубокой трансформацией политической подсистемы западноевропейской цивилизации, одним из результатов чего явилось складывание новых форм дипломатии. Основным элементом «новой дипломатии» (new style of diplomacy) являлись резидентные дипломатические представители [1, с. 50–53]. При этом генезис итальянской дипломатии в период перехода от Средневековья к Новому времени определялся теми политическими и социально-экономическими изменениями, которые происходили сначала на Апеннинском полуострове, а впоследствии во всей Западной Европе.

Основная часть. В средневековой Западной Европе господствовало представление о едином социально-политическом пространстве, *respublica/ecclesia Christiana* [2, с. 100]. Социум воспринимался как иерархически выстроенный правовой континуум – сообщество верующих, во главе которого находится епископ Римский (папа) либо император, преемник христианских римских императоров [3, с. 37–74]. В этой системе западная (католическая) церковь выступала носителем идеи универсализма, являвшейся идеологическим фундаментом сложившейся в Европе системы отношений.

Церковная григорианская реформа и порожденная ею борьба пап и императоров за верховенство власти привели в Италии к ситуации своего рода политического вакуума. Ни одна из названных ведущих сил не могла одержать победу без поддержки со стороны местных центров влияния. Поскольку Апеннинский полуостров уже в Средние века отличался высокой степенью урбанизации, центрами «локальной централизации» здесь стали городские коммуны. Утвердившиеся в них республиканские или синьориальные режимы поддерживали в конфликте одну из сторон, положив начало длительной борьбе «партий» гвельфов и гибеллинов.

В отличие от территориальных монархий Западной Европы сложившаяся в итальянских коммунах система взаимоотношений между властью и населением не основывалась на феодальных представлениях о верности. Именно в Италии с ее развитыми раннекапиталистическими отношениями и интенсивной публичной жизнью впервые стали формироваться новые механизмы политического господства. В их основе находились представления о рациональной природе власти, основным механизмом проявления которой стали военные силы и фискальный аппарат.

В ситуации отказа от феодальных связей простейшим средством сохранения лояльности подданных являлась война против соседей, преследующая целью территориальные приобретения. В результате в Позднее Средневековье «войны между городами стали эндемичным явлением для всей Северной и Центральной Италии» [1, с. 49]. Противоречия между множеством расположенных на территории Италии княжеств, синьорий и городских республик выражались в постоянных конфликтах, участниками которых время от времени становились крупные монархии Запады. Так, со второй половины XIV в. Апеннинский полуостров стал полем почти постоянных военных действий. Именно перманентная политическая активность на относительно ограниченном географическом пространстве полуострова предопределила те условия, которые привели, по словам М. Маллета, «к возникновению системы международных отношений» [4, с. 230].

Постоянные конфликты на Апеннинском полуострове в XV в., с одной стороны, обострили необходимость приходивших к власти князей и правительств в ее законном оформлении. С другой стороны, эти конфликты обнажили недейственность прежних форм легитимации власти. На практике даже инвеститура со стороны императора либо папы не всегда гарантировала прочность режима и его защиту от посягательств извне [5, с. 310–311].

Таким образом, унаследованные от Средневековья представления о мироустройстве с характерным политико-правовым обоснованием легитимности не подходили к сложившимся в Италии новым условиям. Поэтому, по замечанию Д. Феделе, во второй половине XV в. для решения юридической по сути проблемы легитимации было «изобретено политическое решение» [5, с. 314].

Иерархическая модель устройства *respublica Christiana* во главе с папой/императором сменилась гетерархической, основанной на понимании фактического равенства входящих в нее субъектов. Новым способом легитимации правящих в них режимов оказалось взаимное признание, а поддерживающим его механизмом стал институт постоянного дипломатического представительства (резидентной дипломатии).

Первым рубежом в истории западноевропейской дипломатии представители «классической» школы историков дипломатии называют мир в Лоди 1454 г. [1, с. 71–77], приведший в следующем году к созданию «всеобщей» Итальянской лиги. Ее официальной целью провозглашалось создание «взаимных обязательств для поддержки со стороны друг друга внутренних режимов или, по крайней мере, невмешательства в их дела» [6, с. 187–188].

К моменту создания Итальянской лиги в государствах Западной Европы был накоплен огромный опыт дипломатических отношений. Процесс становления института дипломатического представительства был сложным и многоплановым. По словам И. Ладзарини, это был «полигенез» – «послы XV в. имели множественное происхождение» [7, с. 31]. Как правило, к предшественникам послов-резидентов относят венецианских баило в Константинополе, торговых консулов и агентов банкирских домов, прокураторов итальянских государств при римской курии, специальные дипломатические миссии *ad hoc* [1, с. 56–60; 8, с. 15–16; 9, с. 267; 10, с. 3–84].

Решающим фактором, оказавшим воздействие на распространение новой формы дипломатических миссий, стала забота итальянских правителей о собственной легитимности, которая привела их к «осознанию необходимости в отношениях» [11, с. 14].

Подчеркнем, что, с точки зрения прежнего правопорядка, мир в Лоди не утвердил какую-либо систему межгосударственных отношений, но лишь урегулировал длительный конфликт. По мнению Р. Фубини, условия этого мира не просто прекратили взаимное противостояние ведущих итальянских государств, но закрепили «постоянное и неискоренимое недоверие», существовавшее между ними [12, с. 29].

Так, практика резидентной дипломатии утвердилась в условиях перманентного кризиса в качестве необходимого инструмента поддержания легитимности через осязаемый признак постоянного, практически непрерывного дипломатического присутствия [12, с. 26]. Правители и правительства итальянских государств осознали и приняли необходимость институционализации действительной непрерывности, а не просто неопределенной длительности, полномочий своих дипломатических представителей. Очевидно, что значение и формальный статус последних в этих условиях возрастали [13, с. 298; 14, с. 36].

Таким образом, мир в Лоди можно определить как начало первого этапа развития дипломатии Нового времени. Основной характеристикой этого этапа является переход государств Апеннинского полуострова к резидентной модели дипломатического представительства. Такой переход был обусловлен глубокой трансформацией средневекового политического порядка: крахом иерархии *respublica Christiana* и зарождением системы суверенных акторов.

Поскольку указанная трансформация происходила по всей территории Западной Европы, а основной формой актора международных отношений становилось национальное территориальное государство, содержанием следующего этапа стало распространение модели резидентной дипломатии за пределы Апеннинского полуострова. Решающее значение в этом процессе имели Итальянские войны (1494–1559 гг.), которые часто называют «рубежом в истории дипломатии Средних веков и раннего Нового времени» [15, с. 379].

Начавшись в 1494–1495 гг. как попытка в очередной раз реализовать династические притязания [16, с. 58–81], с течением времени этот региональный конфликт вовлек в свою орбиту как ведущие, так и второстепенные государства Западной Европы. Согласно выводу Ю. Е. Ивонина, «Итальянские войны были по сути первым общеевропейским конфликтом в истории Западной Европы, ибо кроме итальянских государств, Франции и Испании в них участвовали Германская империя и Англия» [17, с. 36].

На протяжении длительного периода времени французские Валуа и испанские Трастамара (с 1516 г. – Габсбурги) не просто вели между собой вооруженную борьбу за отдельные области Италии (Неаполь, Милан), но соперничали за роль правителей ведущей западноевропейской

державы. В процессе этого соперничества в первой половине XVI в. оформилась европейская политическая география Нового времени [8, с. 32].

По мере углубления общеевропейского конфликта в конце XV – первой половине XVI в. «итальянский дискурс и практика дипломатии начали распространяться на обширном пространстве, становясь стандартизированным и общепризнанным европейским языком политического взаимодействия» [7, с. 6]. Магистральной тенденцией развития дипломатии при этом было стремление к формализации ее практик, постепенному выработыванию общего для европейских стран кода дипломатического взаимодействия [7, с. 47; 12, с. 46].

В период Итальянских войн параллельно с развитием механизма межгосударственного баланса сил в Западной Европе происходило закрепление форм и методов «новой дипломатии», которая приобрела ряд характерных черт [18, с. 4–6].

Первая из них – институциональная связь дипломатии с государством. По мере укрепления государств как формы организации политической власти и монополизации ими последней происходит прекращение переговорной практики между прочими субъектами, точнее – разграничение дипломатических отношений, которые осуществляют носители суверенитета, и прочих видов переговоров. Осуществляется процесс вытеснения последних из публичной сферы в частную.

Второй новой чертой дипломатии стало включение в дипломатические отношения гораздо более широкого, нежели ранее, круга государств. Дипломатические механизмы стали общепризнанным средством взаимодействия между европейскими государствами.

Третьей характеристикой «новой дипломатии» стало внедрение практики постоянных послов. Несмотря на все преимущества и выгоды этого феномена, процесс институционализации резидентного дипломатического представительства был длительным и прерывистым, по замечанию Д. Квеллера, «довольно драматичным» [10, с. 229]. Основные препоны в развитии дипломатической резидентуры были связаны с внутренними ограничителями направляющей стороны. Не все суверены верили в необходимость содержания послов при дворах, иногда предпочитая им обмен письмами, направление специальных миссий, оплату дипломатических агентов либо иные механизмы сношений.

Несмотря на это, процесс развития «новой дипломатии» являлся общеевропейским феноменом. Ведущие неитальянские монархи (император, французский и испанский короли), поддерживающие отношения с итальянскими государствами – Венецией, Миланом, Флоренцией и т. д., заимствовали многие дипломатические практики последних. В целом, в это время постепенно возрастала интенсивность дипломатических отношений между всеми основными государствами Западной Европы и все большее распространение получал институт резидентных дипломатических представителей.

Уплотнение дипломатического взаимодействия и расширение практики направления резидентных послов сопровождалось формированием целого комплекса связанных между собой явлений, отражающих общую тенденцию к формализации дипломатической деятельности. Дипломатический церемониал становится как более разработанным, так и более значимым в отношениях между государствами. Повысился статус послов, которых стали все чаще назначать из представителей нобилитета. Появилась тенденция к подчеркиванию внешних атрибутов их статуса (ношение послом золотой цепи, богатство одежд, величина свиты и т. д.). По мере увеличения значимости статусных вопросов между дипломатическими представителями разных стран возникают споры и конфликты о соблюдении достоинства и должной иерархии в церемониях. Во избежание подобного в 1504 г. папа Юлий II утвердил первую схему иерархии представителей европейских монархов при курии [10, с. 202].

В силу происходившей трансформации ментальных основ западноевропейского общества работа дипломата постепенно стала восприниматься как профессиональная деятельность на службе у государства (суверена). Складывалось понимание того, что работа посла не ставит под угрозу его персональную честь, что допустима ложь в интересах направившего посла правителя [19, с. 44].

Побочным эффектом практики направления резидентных послов стала задержка в принятии политических решений: чем более полагались на информацию, поставляемую послами, тем

больше времени требовалось для ее анализа [20, с. 68]. В то же время активная роль дипломатов в определении внешней политики государства в целом вызвала рост внимания к информационному сегменту дипломатической работы. Послы стали гораздо чаще иметь отношения с направи́вшими их государями или министрами. В некоторых случаях обычной стала практика ежедневных подробных отчетов о состоянии дел.

Примеры высокой культуры письменных отчетов – это реляции (*relazioni*) венецианских послов, содержавшие информацию о географии, экономике, демографии, а также социальном, военном, политическом устройстве страны пребывания. Являясь настоящими «путеводителями» по политической и придворной жизни, в XVII в. реляции послов стали копироваться и распространяться в рукописной форме.

В ответ на возросший поток информации в столицах ведущих государств (Флоренции, Венеции, Испании) складывается практика учета и архивирования дипломатической документации. Формируются правила защиты информации – к началу XVI в. относятся первые пособия по шифрованию писем. Приблизительно тогда же, с осознанием дипломатии как отдельного рода деятельности, формулируются нормы международного права и создаются первые теоретические трактаты об обязанностях послов. Первое посвященное постоянным послам сочинение было издано венецианцем Эрмолао Барбаро в 1490 г.

Полагаем, что, несмотря на широкое распространение новых практик дипломатии, завершение Итальянских войн привело к временному разрыву преемственности развития западноевропейской дипломатии. После заключения в 1559 г. Като-Камбрезийских мирных договоров необходимость в поддержании легитимности режима в ведущих государствах Западной Европы уступила место поиску средств обеспечения лояльности собственных подданных.

В 1560-х гг. процесс формирования единой дипломатической сети в Европе был прерван возросшим конфессиональным антагонизмом, который определял содержание следующего этапа развития дипломатии. В частности, период Религиозных войн во Франции (1562–1598 гг.) сопровождался разрывом отношений между государствами Апеннинского полуострова и европейскими протестантскими странами. Этот разрыв был преодолен только в начале XVII в. [18, с. 10–11].

Заключение. В основе предлагаемой нами периодизации развития западноевропейской дипломатии раннего Нового времени находится понимание значения трансформации модели устройства общества для изменения форм дипломатической репрезентации.

К моменту образования Итальянской лиги на Апеннинском полуострове конституировался новый политический порядок, далекий от средневековых иерархий во главе с императором или папой. В его основе находилась новая форма утверждения легитимности посредством взаимного признания, достигаемого дипломатическими средствами [5, с. 313–314].

На следующем этапе общеевропейский характер конфликта (Итальянские войны) предопределил распространение «новой дипломатии» в большинстве стран Западной Европы.

Несмотря на временный перенос во второй половине XVI в. акцента борьбы за легитимность с межгосударственных отношений на внутрисосударственный уровень, резидентная модель дипломатического представительства получила дальнейшее распространение и признание. К моменту заключения Вестфальского мира (1648 г.) и Пиренейского мира (1659 г.) итальянский опыт дипломатических институтов был воспринят основными государствами Западной Европы.

Список использованных источников

1. Mattingly, G. Renaissance diplomacy / G. Mattingly. – New York : Dover Publ., 1988. – 284 p.
2. Герро, А. Фьеф, феодальность, феодализм. Социальный заказ и историческое мышление / А. Герро // Одиссей. Человек в истории, 2006. Феодализм перед судом историков / под ред. А. Я. Гуревича. – М., 2006. – С. 77–113.
3. Grewe, W. G. Epochs of international law / W. G. Grewe. – Berlin : De Gruyter, 2000. – 780 p. <https://doi.org/10.1515/9783110902907>
4. Mallett, M. E. Ambassadors and their audiences in Renaissance Italy / M. E. Mallett // *Renaiss. Stud.* – 1994. – Vol. 8, N 3. – P. 229–243. <https://doi.org/10.1111/1477-4658.00153>
5. Fedele, D. Naissance de la diplomatie moderne (XIIIe–XVIIe siècles): l'ambassadeur au croisement du droit, de l'éthique et de la politique / D. Fedele. – Baden-Baden : Nomos, 2017. – 846 p. <https://doi.org/10.5771/9783845284361>
6. Fubini, R. The Italian league and the policy of the balance of power at the accession of Lorenzo de' Medici / R. Fubini // *Origins of the state in Italy, 1300–1600* / ed. J. Kirshner. – Chicago, 1995. – P. 166–199.

7. Lazzarini, I. *Communication and conflict. Italian diplomacy in the early Renaissance, 1350–1520* / I. Lazzarini. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2015. – 326 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198727415.001.0001>
8. Fletcher, C. *Diplomacy in Renaissance Rome: the rise of the resident ambassador* / C. Fletcher. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2015. – 194 p. <https://doi.org/10.1017/cbo9781316256541>
9. Hale, J. R. *International relations in the West: diplomacy and war* / J. R. Hale // *The New Cambridge modern history* / ed.: F. R. Potter [et al.]. – Cambridge, 1957. – Vol. 1 : *The Renaissance, 1493–1520*. – P. 259–291. <https://doi.org/10.1017/chol9780521045414.015>
10. Queller, D. E. *Office of ambassador in the Middle ages* / D. E. Queller. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1967. – 251 p.
11. Andretta, S. *L'arte della prudenza: teorie e prassi della diplomazia nell'Italia del XVI e XVII secolo* / S. Andretta. – Roma : Bibliink ed., 2006. – 271 p.
12. Fubini, R. *Diplomacy and government in the Italian city-states of the fifteenth century (Florence and Venice)* / R. Fubini // *Politics and diplomacy in early modern Italy: the structure of diplomatic practice, 1450–1800* / ed. D. Frigo. – Cambridge, 2000. – P. 25–48. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511523298.002>
13. Fubini, R. *Appunti sui rapporti diplomatici fra il dominio sforzesco e Firenze medicea: modi e tecniche dell'ambasciata dalle trattative per la lega italica alla missione di Sacramoro da Rimini (1451–1473)* / R. Fubini // *Gli Sforza a Milano e in Lombardia e i loro rapporti con gli Stati italiani ed europei (1450–1535): convegno intern., Milano, 18–21 magg. 1981*. – Milano, 1982. – P. 291–334.
14. Fubini, R. *La figura politica dell'ambasciatore negli sviluppi dei regimi oligarchici quattro-centeschi* / R. Fubini // *Forme e tecniche del potere nella città (secoli XIV–XVII)* / a cura di S. Bertelli. – Perugia, 1979. – P. 33–59.
15. Раннее Новое время и «Всемирная история» в шести томах: размышления над страницами третьего тома (материалы круглого стола, состоявшегося в Институте всеобщей истории РАН 11–12 декабря 2013 г.) / О. В. Окунева [и др.] // *Сред. века. Исслед. по истории Средневековья и ран. Нового времени*. – 2014. – Т. 75, № 3–4. – С. 324–386.
16. Мазарчук, Д. В. *Первая Итальянская война и межгосударственные отношения в Западной Европе в конце XV в.* / Д. В. Мазарчук. – Минск : Беларус. навука, 2021. – 278 с.
17. Ивонин, Ю. Е. *У истоков европейской дипломатии Нового времени* / Ю. Е. Ивонин. – Минск : Университетское, 1984. – 160 с.
18. Anderson, M. S. *The rise of modern diplomacy, 1450–1919* / M. S. Anderson. – London : Longman, 1993. – 320 p.
19. Black, J. *A history of diplomacy* / J. Black. – London : Reaktion Books, 2010. – 312 p.
20. Mallett, M. *Italian Renaissance diplomacy* / M. Mallett // *Dipl. Statecraft*. – 2001. – Vol. 12, N 1. – P. 61–70. <https://doi.org/10.1080/09592290108406188>

References

1. Mattingly G. *Renaissance diplomacy*. New York, Dover Publications, 1988. 284 p.
2. Guerreau A. Fief, féodalité, féodalisme. Enjeux sociaux et réflexion historique. *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*, 1990, vol. 45, no. 1, pp. 137–166 (in French). <https://doi.org/10.3406/ahess.1990.278827>
3. Grewe W. G. *Epochs of international law*. Berlin, De Gruyter, 2000. 780 p. <https://doi.org/10.1515/9783110902907>
4. Mallett M. E. *Ambassadors and their Audiences in Renaissance Italy*. *Renaissance Studies*, 1994, vol. 8, no. 3, pp. 229–243. <https://doi.org/10.1111/1477-4658.00153>
5. Fedele D. *Naissance de la diplomatie moderne (XIIIe–XVIIe siècles): l'ambassadeur au croisement du droit, de l'éthique et de la politique*. Baden-Baden, Nomos, 2017. 846 p. <https://doi.org/10.5771/9783845284361>
6. Fubini R. *The Italian league and the policy of the balance of power at the accession of Lorenzo de' Medici*. *Origins of the State in Italy, 1300–1600*. Chicago, 1995, pp. 166–199.
7. Lazzarini I. *Communication and conflict. Italian diplomacy in the early Renaissance, 1350–1520*. Oxford, Oxford University Press, 2015. 326 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198727415.001.0001>
8. Fletcher C. *Diplomacy in Renaissance Rome: the rise of the resident ambassador*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015. 194 p. <https://doi.org/10.1017/cbo9781316256541>
9. Hale J. R. *International relations in the West: diplomacy and war*. *New Cambridge modern history. Vol. 1. The Renaissance, 1493–1520*. Cambridge, 1957, pp. 259–291. <https://doi.org/10.1017/chol9780521045414.015>
10. Queller D. E. *Office of ambassador in the Middle ages*. Princeton, Princeton University Press, 1967. 251 p.
11. Andretta S. *L'arte della prudenza: teorie e prassi della diplomazia nell'Italia del XVI e XVII secolo*. Roma, Bibliink editori, 2006. 271 p. (in Italian).
12. Fubini R. *Diplomacy and government in the Italian city-states of the fifteenth century (Florence and Venice)*. *Politics and diplomacy in early modern Italy: the structure of diplomatic practice, 1450–1800*. Cambridge, 2000, pp. 25–48. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511523298.002>
13. Fubini R. *Appunti sui rapporti diplomatici fra il dominio sforzesco e Firenze medicea. Modi e tecniche dell'ambasciata dalle trattative per la lega italica alla missione di Sacramoro da Rimini (1451–1473)*. *Gli Sforza a Milano e in Lombardia e i loro rapporti con gli Stati italiani ed europei (1450–1535): convegno internazionale, Milano, 18–21 maggio 1981*. Milano, 1982, pp. 291–334 (in Italian).
14. Fubini R. *La figura politica dell'ambasciatore negli sviluppi dei regimi oligarchici quattro-centeschi*. *Forme e tecniche del potere nella città (secoli XIV–XVII)*. Perugia, 1979, pp. 33–59 (in Italian).
15. Okuneva O. V., Berger E. E., Uvarov P. Yu., Yusim M. A., L'vova E. S., Alaev L. B. [et al.]. *Early Modern Times and “World History” in six volumes: reflections on the pages of the third volume (materials of the round table held at the Institute*

of World History of the Russian Academy of Sciences on December 11–12, 2013). *Srednie veka. Issledovaniya po istorii Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni* = *Srednie Veka. Studies on Medieval and Early Modern History*, 2014, vol. 75, no. 3–4, pp. 324–386 (in Russian).

16. Mazarchuk D. V. *First Italian war in the context of international relations in Western Europe at the end of the 15th century*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2021. 278 p. (in Russian).

17. Ivonin Yu. E. *At the origins of the European diplomacy of the modern time*. Minsk, Univesritetskoe Publ., 1984. 160 p. (in Russian).

18. Anderson M. S. *The rise of modern diplomacy, 1450–1919*. London, Longman, 1993. 320 p.

19. Black J. *A history of diplomacy*. London, Reaktion Books, 2010. 312 p.

20. Mallett M. Italian Renaissance diplomacy. *Diplomacy and Statecraft*, 2001, vol. 12, no. 1, pp. 61–70. <https://doi.org/10.1080/09592290108406188>

Информация об авторе

Мазарчук Дмитрий Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент. Университет Национальной академии наук Беларуси (пер. Калинина, 10, 220049, Минск, Республика Беларусь). E-mail: bande_nere@mail.ru

Information about the author

Dmitry V. Mazarchuk – Ph. D. (Hist.), Associate Professor. University of the National Academy of Sciences of Belarus (10 Kalinin lane, Minsk 220049, Belarus). E-mail: bande_nere@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 811.161.3:373.2
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-210-218>

Паступіў у рэдакцыю 25.03.2022
Received 25.03.2022

Т. М. Аліферчык

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
Мінск, Беларусь*

ДА ПЫТАННЯ АБ УПАРАДКАВАННІ БЕЛАРУСКАЙ АНАМАСТЫЧНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ

Анотацыя. Рассматриваются некоторые проблемы современной белорусской ономастической терминологии, связанные с уточнением значений терминов и унификацией ономастической терминологии. Предлагается уточнение дефиниций отдельных терминов в соответствии с современным состоянием ономастики. Анализируются случаи неоправданной перегрузки терминологической системы узкоспециальными терминами.

Ключевые слова: ономастика, терминология, ономастическая терминология, термин, дефиниция

Для цитирования: Аліферчык, Т. М. Да пытання аб упарадкаванні беларускай анамастычнай тэрміналогіі / Т. М. Аліферчык // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 3. – С. 210–218. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-210-218>

Tatsiana M. Aliferchik

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus*

ON THE ISSUE OF ORDERING THE BELARUSIAN ONOMASTIC TERMINOLOGY

Abstract. In the article the author considers some problems of modern Belarusian onomastic terminology related to the ordering of meanings and unification of onomastic terminology. It is proposed to clarify the definitions of individual terms in accordance with the current state of onomastics. Cases of unjustified congestion of the terminological system with highly specialized terms are analyzed.

Keywords: onomastic, terminology, onomastic terminology, term, definition

For citation: Aliferchik T. M. On the issue of ordering the Belarusian onomastic terminology. *Vesti Natsyyanal'nei akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2023, vol. 68, no. 3, pp. 210–218 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-210-218>

Уводзіны. Пачаткам развіцця непасрэдна анамастычнай лексікаграфіі, у прыватнасці, лексікаграфіі анамастычных тэрмінаў, можна лічыць канец 70-х гг. ХХ ст. Найбольш вядомы сярод усходнеславянскіх слоўнікаў ономастычнай тэрміналогіі “Словарь русской ономастической терминологии” Н. У. Падольскай [16; 17]. Важным для ўсходнеславянскай анамастыкі з’яўляецца таксама “Словник української ономастичної термінології” Д. Бучко і Н. Ткачовай [20]¹. Беларуская анамастыка ў цэлым і беларуская анамастычная тэрміналогія ў прыватнасці цесна звязаны з расійскай, відавочна, праз агульны перыяд станаўлення і развіцця навукі ў савецкі перыяд. З беларускіх работ адзначаецца праца М. В. Бірылы (якая фактычна засноўваецца на слоўніку

© Аліферчык Т. М., 2023

¹ Падрабязны аналіз усходнеславянскіх слоўнікаў анамастычнай тэрміналогіі прадстаўлены ў артыкуле Д. В. Дзятко [9].

Н. У. Падольскай) [3], а таксама інклюзіўныя слоўнікі анамастычнай тэрміналогіі [11–13]. Актуальнасць прапанаванага даследавання заключаецца ў тым, што на сённяшні дзень не існуе асобнага беларускага даведніка анамастычнай тэрміналогіі, які б рэгламентаваў выкарыстанне анамастычных тэрмінаў у дакладных значэннях. Пры гэтым у артыкуле ўлічваюцца акрэсленыя вышэй вузкаспецыяльныя тэрміналагічныя даведнікі рускай і ўкраінскай моў, паколькі важным аспектам падаецца рэгуляцыя беларускай анамастычнай тэрміналогіі ў яе сувязях з іншамоўнымі тэрміналагічнымі сістэмамі.

На сённяшні дзень можна адзначыць асобную беларускую анамастычную школу, дзякуючы намаганням такіх айчынных вучоных, як М. В. Бірыла, В. П. Лемцюгова, Г. К. Усціновіч, Г. М. Мезенка, В. В. Шур, А. Ф. Рогалеў, В. М. Емельяновіч і інш. Даследчыкі ўвялі ў навуковы ўжытак шырокае кола анамастычнага матэрыялу. У беларускай анамастычнай школе шырока прадстаўлены працы па выяўленні этымалогіі тапонімаў, іх класіфікацыі ў залежнасці ад матывавальных асноў, праведзены структурны, фармантны, арэальны аналіз анамастычных адзінак. Актыўна развіваюцца таксама этналінгвістычны і лінгвакагнітыўны напрамкі беларускіх анамастычных даследаванняў. Апошнім часам даследуюцца онімы ў медыядыскурсе ([10] і інш.).

Асноўная частка. Нягледзячы на высокі ўзровень развіцця беларускай анамастычнай школы, да гэтага часу існуе шэраг пытанняў упарадкавання беларускай анамастычнай тэрміналогіі, якія патрабуюць вырашэння.

1. Адно з важных пытанняў сучаснай анамастычнай тэрміналогіі – удакладненне дэфініцыі анамастычных тэрмінаў у адпаведнасці з сучаснымі тэндэнцыямі развіцця асобных раздзелаў анамастыкі. Відавочна, з моманту станаўлення і развіцця анамастыкі першапачаткова ўведзеныя тэрміны ў кантэксце тагачаснага ўзроўню зазналі пэўныя семантычныя змены. Таму важным падаецца вызначыць дэфініцыі тэрмінаў у адпаведнасці з сучасным станам анамастычнай тэрміналогіі. Пытанне ўдакладнення значэння тэрмінаў можна прааналізаваць на некалькіх прыкладах.

1.1. Разгледзім дэфініцыю тэрміна *літаратурны антрапонім*. Даследчыкі падаюць для *літаратурны антрапонім* значэнне ‘антрапонім у адпаведнасці з нормаў літаратурнай мовы’ [16, с. 31; 3, с. 33; 20, с. 41]. Аднак тэрмін у прапанаваным значэнні супярэчыць сістэме тэрмінаў, якія абазначаюць розныя разрады онімаў у кантэксце мастацкай літаратуры: *літаратурнае імя* ‘імя з літаратурнага твора’ [3, с. 33], *антрапонім паэтычны* ‘антрапонім мастацкага твора, які нясе акрамя намінаўнай функцыі стылістычную; можа мець сацыяльную і ідэалагічную нагрузку, звычайна служыць характарыстыкай героя твора’ [16, с. 31], *антрапонім літаратурна-мастацкі*, ці *паэтонім*, ‘антрапонім мастацкага твора, які выконвае акрамя намінаўнай яшчэ стылістычную функцыю; можа мець сацыяльную і ідэалагічную нагрузку і, як правіла, служыць характарыстыкай героя твора’ [20, с. 41], *паэтонім* ‘імя ў мастацкай літаратуры, якое мае ў мове твора, акрамя намінаўнай, характарыстуючую, стылістычную і ідэалагічную функцыі’ [13, с. 315]. На сучасным этапе развіцця анамастыкі тэрмін *літаратурны антрапонім* мэтазгодна ўжываецца ў значэнні ‘антрапонім у кантэксце мастацкага твора’, як і *літаратурны онім/паэтонім* ‘онім у кантэксце мастацкага твора’, *літаратурны тапонім* ‘тапонім у кантэксце мастацкага твора’, адпаведна, *літаратурная анамастыка* ‘раздзел анамастыкі, які даследуе онімы ў кантэксце мастацкага твора’. Тут важна заўважыць, што ў беларускім мовазнаўстве даследаванне розных разрадаў і груп уласных назваў у кантэксце мастацкай літаратуры развіваецца даволі актыўна прыблізна з 2000-х гг. [2; 5; 8; 25 і інш.].

Зыходзячы з вышэйсказанага, прапануецца ў значэнні ‘антрапонім у адпаведнасці з афіцыйна прынятай нормай’ выкарыстоўваць тэрміны *афіцыйны антрапонім*, *афіцыйнае імя*, да якога антонімам выступае *неафіцыйны антрапонім* – *гіпарыстыка* ‘экспрэсіўнае імя ці ўласная назва з ласкальным значэннем’, ‘размоўная форма антрапоніма’, *мянушка*, *псеўданім* і інш. Пры гэтым для тэрміна *літаратурны антрапонім* мэтазгодна прыняць значэнне ‘антрапонім у кантэксце мастацкай літаратуры’, як і *літаратурная анамастыка* ‘раздзел анамастыкі, які даследуе онімы ў кантэксце мастацкай літаратуры’, *літаратурны онім* ‘уласнае імя ў кантэксце мастацкай літаратуры’, *паэтонім* ‘уласнае імя ў кантэксце мастацкай літаратуры’.

1.2. Неабходна таксама звярнуцца да пытання канкрэтызацыі дэфініцыі тэрміна *этнатапонім*, для якога традыцыйна падаецца значэнне ‘тапонім, які ўтвораны ад этноніма’ [3, с. 40; 17, с. 132; 20, с. 89; 21, с. 175], ‘тапонім, утвораны ад назвы народа, нацыянальнасці, племені’ [13, с. 317]. Менавіта ў гэтым значэнні тэрмін выкарыстоўваецца ў працах вядомага беларускага даследчыка этнатапаніміі А. Ф. Рогалева [19]. М. А. Даніловіч для тэрміна *этнатапонім* прапанаванаў значэнне ‘любый тапонім, які змяшчае інфармацыю этналінгвістычнага характару’, а сукупнасць такіх онімаў – *этнатапанімія* [7]. Аднак неабходна падкрэсліць, што любый тапонім так ці інакш маркіруе інфармацыю этналінгвістычнага кшталту і дае пэўныя магчымасці для яе дэкадзіравання і адпаведнай інтэрпрэтацыі. Пры гэтым тэрмін *этнатапонім*, як было адзначана вышэй, традыцыйна ўжываецца са значэннем ‘тапонім, утвораны ад этноніма’ у тым ліку ў міжнароднай анамастычнай практыцы. На нашу думку, у гэтым выпадку няма неабходнасці ўнясення змен у дэфініцыю тэрміна.

1.3. У кантэксце пытання ўпарадкавання значэння тэрмінаў неабходна адзначыць таксама *айконім*, які традыцыйна ўжываецца са значэннем ‘уласная назва пасяленняў’ і аб’ядноўвае тэрміны *астыёнім/палісонім* ‘уласная назва гарадскога пасялення’ і *камонім* ‘уласная назва сельскага пасялення’. Міжнародная група даследчыкаў анамастыкі¹ (*ICOS*) прапануе для тэрміна *айконім* (*oikonim/oesonim*) удакладненне значэння – ‘найменне дома альбо іншага будынка’ [26]. Такое значэнне можна было б прыняць, зыходзячы са значэння адной з састаўных частак тэрміна – са ст.-грэч. *οἶκος* ‘жытло, дом’. Аднак у міжнароднай анамастычнай практыцы ў цэлым і ў беларускай ў прыватнасці для тэрміна *айконім* падаецца значэнне ‘назва населенага пункта любога тыпу’ [16, с. 93; 20, с. 130], а для абазначэння найменняў асобных будынкаў традыцыйна выкарыстоўваецца тэрмін *айкадамонім/дамонім* [20, с. 130]. На нашу думку, кардынальная змена значэння тэрміна ў такім выпадку, а таксама далейшае магчымае функцыянаванне двух тэрмінаў з адным значэннем і, як вынік, узнікненне лакуны (у выпадку страты тэрміна для агульнага абазначэння назваў любога населенага пункта, фактычна родавага тэрміна) неапраўдана ў кантэксце беларускай анамастычнай тэрміналогіі.

1.4. Гэтае ж пытанне – удакладненне дэфініцыі тэрмінаў – тычыцца і тэрміна *ўрбанонім/урбонім*, які ўжываецца са значэннем ‘найменне любога ўнутрыгарадскога (тапаграфічнага) аб’екта’ [3, с. 39; 16, с. 154; 20, с. 184; 21, с. 175].

Гісторыя станаўлення тэрміна *ўрбанонім/урбонім* і яго значэння прааналізавана ў артыкуле Р. В. Разумава [18]. Аўтар адзначае, што ў расійскай анамастыцы тэрмін ужываўся ў абодвух яго варыянтах² і меў некалькі значэнняў: ‘назва горада’, ‘назва любога ўнутрыгарадскога аб’екта, у тым ліку назва камерцыйнага аб’екта: магазіна, кавярні, рэстарана і да т. п.’, ‘назва ўнутрысельскага аб’екта’ [18, с. 15–16]. У першым выданні “Словаря ономастической терминологии” Н. У. Падольская падае наступнае значэнне тэрміна *ўрбанонім*: ‘від тапоніма. Уласнае імя любога ўнутрыгарадскога аб’екта, у тым ліку агаронім, гадонім, назва асобнага будынка, харонім гарадскі’ (варыянт *урбонім* узяты ў дужкі). Пры гэтым даследчыца заўважае, што “часам гэты тэрмін ужываецца замест айконіма ці замест астыёніма” [16, с. 154]. У другім жа выданні слоўніка аўтар адзначае толькі тэрмін *урбанонім* з семантыкай ‘від тапоніма. Уласнае імя любога ўнутрыгарадскога аб’екта, у тым ліку агаронім, гадонім, харонім гарадскі, эклезіёнім, айкадамонім’ [17, с. 139]. Прычым пададзеная этымалогія тэрміна абумоўлівае менавіта варыянт *урбанонім* – ад лац. *urbanus* ‘гарадскі’ + *онім*. Ужо ў другім выданні слоўніка заўвага пра выкарыстанне *ўрбанонім* замест *айконім/астыёнім* знята. Такім чынам, у якасці кроку да ўніфікацыі

¹ Міжнародная група даследчыкаў анамастыкі (*ICOS*) створана з мэтай міжмоўнай каардынацыі анамастычнай тэрміналогіі, паколькі пэўная частка анамастычных тэрмінаў у розных мовах можа ўжывацца з рознымі значэннямі. Акрамя гэтага, у розных мовах існуюць свае традыцыі ўжывання тэрміналогіі, напрыклад, у польскай анамастыцы пашырана традыцыя выкарыстання тэрмінаў *анамастыка*, *тапанамастыка*, *антрапанамастыка*, *хрэматанамастыка* і г. д. У беларускай традыцыі гэтым тэрмінам адапавядаюць *анамастыка*, *тапаніміка*, *антрапаніміка*, *хрэматаніміка*.

² Важна заўважыць, што ўжо ў другім выданні слоўніка Н. У. Падольская для наймення асобнага будынка прапануе тэрмін *айкадамонім* (якога не было ў першым выпуску), а таксама да *ўрбанонімаў* адносіць *эклезіёнім* ‘клас тапоніма. Уласнае імя месца ўчынення абраду, месца пакланення любой рэлігіі; у тым ліку назва царквы, капліцы, крыжа, манастыра’ [16, с. 139]. Безумоўна, гэтыя факты сведчаць пра развіццё і ўдакладненне анамастычнай тэрміналогіі.

анамастычнай тэрміналогіі ў лексікаграфічнай крыніцы прапануецца выкарыстанне толькі варыянта *ўрбанонім* і толькі ў адзначаным значэнні. У беларускай анамастыцы сустракаюцца абодва варыянты тэрміна, аднак звычайна ў прапанаваным Н. У. Падольскай значэнні, якое адзначана і ў М. В. Бірылы: *урбонім/урбанонім* ‘уласная назва ўнутрыгарадскога тапаграфічнага аб’екта’ [3, с. 39].

У “Кароткім слоўніку анамастычных тэрмінаў” прапануецца для тэрміна *ўрбанонім* адзначанае вышэй значэнне, а для *ўрбонім* – ‘уласнае імя горада, тое ж, што астыёнём’ [12, с. 178]. Такая дэфініцыя можа быць апраўдана з пункту погляду этымалогіі тэрміна – *урбонім* паходзіць ад лац. *urb* ‘горад’ і *onim* ‘імя’, а варыянт *урбанонім* – ад лац. *urbanus* ‘гарадскі’ і *onim* ‘імя’.

Аднак адзначаныя тэрміны маюць блізкае фанетычнае афармленне, іх значэнне традыцыйна выкарыстоўваецца ў міжнароднай практыцы. Таму, на нашу думку, развядзенне значэнняў для фанетычна падобных тэрмінаў, якое, да таго ж, супярэчыць практыцы выкарыстання ў анамастычных даследаваннях, можа прывесці да далейшага непаразумення ў навуковых і навукова-папулярных тэкстах. Акрамя гэтага, павелічэнне сінанімічнага рада вузкасפעцыяльных тэрмінаў (*астыёнём, палісонім, *урбонім*) прыводзіць да неабгрунтаванага абцяжарвання тэрміналагічнай сістэмы.

2. Адна з асноўных праблем сучаснай анамастычнай тэрміналогіі была сфармулявана яшчэ ў 1973 г. у прадмове да выдання “Основная система и терминология славянской ономастики”: “Тэрміналогія не павінна быць перагружана спецыяльнымі абазначэннямі кожнага віду аб’ектаў <...>, а некаторыя нанава створаныя тэрміны <...> маюць пераважна характар толькі зборных абазначэнняў” [15, с. 33]. Значна пазней В. І. Супрун слушна заўважыў, што “з кожным годам з’яўляюцца ўсё новыя і новыя тэрміны ўжо не проста для раздзелаў і падраздзелаў анамастычнай лексікі, а для невялікіх груп імён уласных ці падобных да іх слоў, для наймення самых невялікіх адрозненняў функцыянавання онімаў у розных відах тэкстаў і дыскурсаў” [22, с. 134]. Відавочна, праблема перагружанасці тэрміналагічнай сістэмы вузкасפעцыяльнымі тэрмінамі, якія абазначаюць невялікую і нязначную групу онімаў, а таксама стварэння штучных сінонімаў-тэрмінаў – надзвычай актуальная і да гэтага часу.

Разгледзім абазначаную праблему на канкрэтных прыкладах.

2.1. На сучасным этапе актыўна развіваецца *эрганіміка* – раздзел анамастыкі, які даследуе эргонімы. Тэрмін *эргонім* ‘уласная назва дзелавага аб’яднання людзей, у тым ліку саюза, арганізацыі, установы, карпарацыі, прадпрыемства, грамадства, гуртка’ – не новы і зафіксаваны яшчэ ў слоўніку Н. В. Падольскай [16, с. 166] і ў А. В. Супяранскай у больш вузкім значэнні *эргонім* ‘уласнае імя любога прадпрыемства, установы, шахты, калгаса’ (да якога *эргатапонім* ‘тапонім, які утвораны ад назвы фабрыкі, завода, калгаса, шахты’ [21, с. 175]¹). У працах даследчыкаў сустракаюцца таксама тэрміны *камерсонім* і *фірмонім* са значэннем ‘уласная назва камерцыйных арганізацый’ [4] і, па сутнасці, выступаюць як сінонімы паміж сабой і ўступаюць у відава-родавыя сувязі ў адносінах да тэрміна *эргонім* (аднак існуюць розныя падыходы да вызначэння дэфініцыі тэрміна, гл. [6]). Відавочна, трэба адрозніваць назву дзелавага аб’яднання і афіцыйныя юрыдычныя найменні прадпрыемстваў, якія не заўсёды супадаюць. У апошнія дзесяцігоддзе для абазначэння паняцця ‘афіцыйнае найменне юрыдычных асоб’ (фактычна ‘найменне аб’ектаў прававога поля’) выкарыстоўваецца тэрмін *тэмонім* ([24]), які, на нашу думку, аб’ядноўвае ўсе вузкасפעцыяльныя тэрміны тыпу *фірмонім, камерсонім* і г. д.

2.2. Тэрмін *хрэматанім* у шырокім сэнсе абазначае паняцце ‘найменне прадметаў матэрыяльнай культуры’. Н. У. Падольская да *хрэматанімаў* адносіць выключна назвы найменняў матэрыяльнай культуры – *хрэматанім* ‘разрад онімаў; уласнае імя прадмета матэрыяльнай культуры, у тым ліку назва зброі, музычнага інструмента, ювелірнага вырабу; каштоўнага каменя, прадмета побыту’ [16, с. 161]. М. В. Бірыла пад *хрэматанімам* разумее ‘ўласную назву вынікаў чалавечай дзейнасці (святаў, параходаў, карцін)’ [3, с. 40]. Д. Р. Бучко тэрмін *хрэма-*

¹ Пры аналізе дэфініцыі тэрміна *эргатапонім* мы прытрымліваемся больш шырокага значэння *эргонім*, ад якога *эргатапонім* ‘тапонім, матываваны найменнем вытворчага, прамысловага, рамеснага прадпрыемства, іншага дзелавага аб’яднання’, і лічым, што ў эргатапонімах адлюстравана рознабаковая прафесійная дзейнасць соцыуму [1, с. 41].

*тонім*¹ падае са значэннем ‘уласная назва чалавечага тварэння, сацыяльнай з’явы, якая ўключае: а) назву гістарычнай акцыі, падзеі; б) уласную назву ўнікальнага прадмета, вырабу, твора (мастацкага, публіцыстычнага, музычнага), навуковай работы, балета, кінафільма, мастацкай карціны, а таксама серыйнага вырабу (маркі, мадэлі, сорту) рознага кшталту, прамысловага тавару, харчовага прадукту (найчасцей алкагольнага напою), касметычнага вырабу (парфума, крэму), а таксама транспартнага сродку (карабля, цягніка, самалёта, касмічнага апарата) і інш.’ [20, с. 189]. Найбольш удалую дэфініцыю тэрміна, на нашу думку, прапанаваў М. В. Бірыла, паколькі да вынікаў матэрыяльнай дзейнасці можна аднесці любы прадмет або выраб, які мае/ можа мець пэўную каштоўнасць. Акрамя гэтага, Н. У. Падольская заўважае, што “выключная каштоўнасць ці ўнікальнасць прадмета аказіяльна прыводзяць да называння яго імем уласным; супрацьлегласць гэтаму разраду ў анамастыцы ўяўляюць з’явы духоўнай культуры (якія заўсёды маюць імя ўласнае)” [16, с. 161]. Апошнія аўтар называе *ідэонімамі*. Мы падзяляем меркаванне Н. У. Падольскай і лічым, што, сапраўды, тэрмін *ідэонім* ‘уласнае імя аб’екта, які адносіцца да разумовай, культурнай, ідэалагічнай і мастацкай сфер дзейнасці (назвы твораў мастацтва і літаратуры, навуковых прац, сродкаў масавай інфармацыі і інш.)’ можа выступаць антонімам да *хрэматыніма* ‘уласнае найменне вынікаў матэрыяльнай дзейнасці’. Да таго ж В. І. Супрун прапанаваў удалы тэрмін для агульнага абазначэння паняцця ‘назва твора мастацтва любога віду’ – *артыёнім* (ад лац. *art/artis* ‘мастацтва’ і грэч. *ὄνομα* ‘імя’) ‘від ідэоніма; назва твораў мастацтва (жывапісу, графікі, пластыкі, музыкі, кіно, тэатра)’ [22, с. 137].

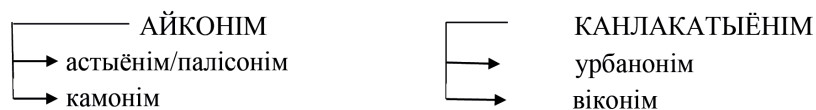
Як від хрэматыніма Д. Р. Бучко класіфікуе *прагматынім* ‘уласная назва адзінкавага вырабу, прадмета побыту’ [20, с. 152]. Відавочна, украінскія даследчыкі прапаноўваюць больш шырокае значэнне для тэрміна *прагматынім*, не абмяжоўваючы яго толькі прадметамі/вынікамі матэрыяльнай дзейнасці. Пры гэтым Н. У. Падольская і М. В. Бірыла разумеюць *прагматынім* як ‘уласную назву сорту, маркі, гандлёвага знака’ [16, с. 113; 3, с. 36], да якога сінонімам выступаюць тэрміны *брэнд*, *камерцыйнае імя*, *гандлёвае імя*, а таксама часткова *ктэматынім* ‘слоўны кампанент гандлёвага знака’². Прычым тэрмін *прагматынім* менавіта ў значэнні, прапанаваным М. В. Бірылам і Н. У. Падольскай, найбольш пашыраны ў навуковых анамастычных працах. У “Кароткім слоўніку анамастычных тэрмінаў” для тэрміна *прагматынім* прапануецца фактычна значэнне, якое ў сучаснай анамастыцы характэрна для тэрміна *хрэматынім*: ‘разрад онімаў, у якім пакуль умоўна аб’яднаны розныя катэгорыі ўласных імёнаў, дэнататы якіх адносяцца да прагматычнай сферы дзейнасці чалавека, звязаныя з практыкай, з прадметнай галіной, напрыклад, птушка “Гамаюн”, залаты самародак “Заячыя вушкі”, праспект Скарыны’ [12, с. 177]. Магчыма, у гэтым выпадку тэрмін *прагматынім* можа выступаць у якасці сіноніма да *хрэматыніма* у агульнапрынятым яго значэнні альбо нават замяніць яго. Такім чынам, на нашу думку, кардынальнае змяненне семантыкі тэрміна *прагматынім* парушае відава-родавыя сувязі беларускай анамастычнай тэрміналогіі.

2.3. У сучаснай беларускай анамастыцы актуальнымі з’яўляюцца даследаванні прыцыпаў і спецыфікі намінацыі аб’ектаў унутры пасяленняў розных узроўняў. У анамастычнай тэрміналогіі існуюць наступныя тэрміны для абазначэння тапаграфічных аб’ектаў унутры любога пасялення: *урбанонім/урбонім* ‘уласнае найменне любога тапаграфічнага аб’екта ў межах гарадскога пасялення’, *віконім* ‘найменне ўнутрысельскага аб’екта’. Г. М. Мезенка ў якасці родавага тэрміна для абазначэння аб’ектаў унутры пасялення прапануе тэрмін *канлакатыёнім* ‘від тапоніма. Уласнае імя любога тапаграфічнага аб’екта ўнутры пасялення, у тым ліку ўнутрыгарадскога, унутрысельскага, унутрысавадочага’ [13, с. 175]. На нашу думку, тэрмін *канлакатыёнім* запаўняе лакуну родавага тэрміна, а таксама з’яўляецца ўдалым абазначэннем для онімаў унутры пасяленняў невялікіх памераў.

¹ Аўтары “Словника української ономастичної термінології” да хрэматынімаў адносяць *акцыёнім* (ад лац. *actio* ‘дзеянсць; выкананне; нарада, перамовы’) ‘варыянт храноніма, уласная назва пэўнай гістарычнай падзеі, канферэнцыі’ [20, с. 35], *ідэонім* ‘від хрэматыніма; уласная назва любога аб’екта культуры, навукі, мастацтва, у цэлым духоўнасці’ [20, с. 94], *парэёнім* ‘від хрэматыніма, уласная назва канкрэтнага транспартнага сродку’ [20, с. 151], *прагматынім* ‘від хрэматыніма, уласная назва адзінкавага вырабу, прадмета побыту’ [20, с. 152], *фалеронім* ‘від хрэматыніма, уласная назва якога-н. ордэна, медаля’ [20, с. 185].

² Параўн. таксама аналіз ужывання тэрмінаў *эргонім* і *прагматынім*, праведзены І. І. Турутам [22].

Для нагляднасці абгрунтавання тэрмінаў і іх відава-родавых сувязей прапануем наступную схему:

Г. М. Мезенка, акрамя таго, прапануе тэрмін *хартэнсіёнім* ‘від тапоніма. Уласнае імя любога тапаграфічнага аб’екта ў межах садовага таварыства’ [13, с. 179]. Зразумела, вялікая колькасць уласных найменняў аб’ектаў унутры гарадскога паселішча выяўляе багатую сістэму прынцыпаў і матываў намінацыі, у тым ліку прэцэдэнтнасць, у адрозненне ад сістэмы найменняў у сельскіх населеных пунктах. Прынцыпы намінацыі ўнутрысельскіх аб’ектаў вызначаюцца меншым аб’ёмам інфармацыі ў першую чаргу па прычыне невялікіх памераў самога паселішча. Аднак мадэлі намінацыі аб’ектаў унутрысельскіх паселішчаў наўрад ці істотна адрозніваюцца ад мадэлей намінацыі аб’ектаў унутры савадочага таварыства. З названых прычын увядзенне тэрміна *хартэнсіёнім*, які адносіцца да невялікай групы найменняў, можа прывесці да неабгрунтаванага абцяжарвання тэрміналагічнай сістэмы.

3. Самая значная, на нашу думку, праблема – пытанне суадносін анамастычнай тэрміналогіі з агульналінгвістычнай. На гэта звярнулі ўвагу аўтары “Краткого понятийно-терминологического справочника по этимологии и исторической лексикологии” Ж. Ж. Варбат і А. Ф. Жураўлёў (у кантэксце заўвагі да тэрміна *онім* ‘тое ж, што і імя ўласнае’): “Тэрмін *онім*, штучна вычленены з анамастычных кампазітных тэрмінаў тыпу *тапонім*, *гідронім*, *антрапонім*, эпідэмічна распаўсюдзіўся ў айчыннай (расійскай. – Т. А.) анамастычнай літаратуры, аднак яго цяжка лічыць удалым: па-за падобнымі спалучэннямі ў ім няма ўказання на прапрыяльны характар вызначаных ім імёнаў (“уласнае”), тэрмінаэлемент *-онім* выкарыстоўваецца і для ўтварэння назваў класаў апелятываў (*фітонім*, *іхтыёнім*), акрамя таго, ён фармальна суадносіцца і з тэрмінамі *сінонім*, *антонім*, *амонім*, *гіперонім* і інш. ...” [14, с. 32]. Цяжка пагадзіцца з меркаваннем, што *онім* “штучна вычленены” з тэрмінаў *тапонім*, *гідронім*, *антрапонім* (паколькі этымалогія іх у прынцыпе бярэ пачатак ад грэч. *ὄνυμα* ‘імя ўласнае’, якое з’яўляецца часткай любога анамастычнага тэрміна і адлюстроўвае ідэю прапрыяльнасці ў гэтай групе лексем), аднак заўвага аўтараў дакладна адлюстроўвае праблему каардынацыі тэрміналогіі ў міждысцыплінарным кантэксце. Сапраўды, у лінгвістычных працах часта сустракаюцца тэрміны тыпу *дэндронім* ‘лексэма, якая абазначае дрэвы’, *фітонім* ‘лексэма, якая абазначае расліны’, *каларонім* ‘лексэма, якая абазначае колер’ і г. д., якія не маюць адносін да анамастычнай лексікі. Аднак гэтую праблему немагчыма вырашыць толькі намаганнямі вучоных-анамастаў. Каардынацыю агульналінгвістычнай і анамастычнай тэрміналогіі мэтазгодна рэалізоўваць пры ўдзеле і іншых спецыялістаў – лексіколагаў, этымолагаў і інш.

Высновы. Відавочна, прааналізаваныя ў артыкуле прыклады толькі часткова адлюстроўваюць сістэмныя пытанні беларускай анамастычнай тэрміналогіі. Удакладненне дэфініцыі існуючых тэрмінаў (у прыватнасці, разгледжаных вышэй тэрмінаў *урбонім/урбанонім*, *прагматонім*, *хрэматыонім*, *айконім* і інш.) мэтазгодна праводзіць не толькі ў адпаведнасці з сучаснымі тэндэнцыямі развіцця, але і з улікам практыкі выкарыстання тэрмінаў у навуковых даследаваннях, а таксама каардынавання тэрмінаў на міжмоўным/міжнародным узроўні. Кардынальная змена традыцыйных, шырока выкарыстоўваемых у навуковых працах дэфініцый тэрмінаў пры адсутнасці нарматыўнага тэрміналагічнага даведніка можа прыводзіць да рознага разумення аднаго тэрміна. Фарміраванне новых тэрмінаў для абазначэння нязначнай групы онімаў непазбежна прыводзіць да перагружанасці тэрміналагічнай сістэмы вузкаспецыяльнымі тэрмінамі.

Спіс выкарыстаных крыніц

- Аліферчык, Т. Эргатапонімы, звязаныя з млынарскай дзейнасцю ў XVI–XVII стст. / Т. Аліферчык, Ю. Внуковіч // Род. слова. – 2021. – № 1. – С. 41–46.
- Анамастычны слоўнік твораў Якуба Коласа / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства; пад рэд. М. В. Бірылы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 638 с.

3. Бірыла, М. В. Анамастычная тэрміналогія / М. В. Бірыла // Тэрміналагічны зборнік, 87–88 / Акад. навук Рэсп. Беларусь, Рэсп. тэрмінал. каміс., Ін-т мовазнаўства. – Мінск, 1993. – С. 25–40.
4. Вагнер, С. А. Фирмонимы Беларусі в структурно-семантическом, словообразовательном и функциональном аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / С. А. Вагнер ; Нац. акад. наук Беларусі, Центр исслед. белорус. культуры, яз. и лит. – Минск, 2019. – 25 с.
5. Валынец, Т. П. Ужыванне антрапонімаў і тапонімаў у творчасці Г. Далідовіча / Т. П. Валынец // Актуальныя праблемы функцыянавання і развіцця лексікі славянскіх моў : матэрыялы Міжнар. навук. канф., прысвеч. 60-годдзю ўн-та, Мазыр, 7–8 кастр. 2004 г. / Мазыр. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: А. В. Солахаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Мазыр, 2004. – С. 145–148.
6. Горожанов, Ю. Ю. Понятийно-терминологический аппарат эргонимики / Ю. Ю. Горожанов // Мир языков: ракурс и перспектива : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 апр. 2015 г. : в 7 т. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2015. – Т. 3. – С. 11–15.
7. Даніловіч, М. А. Аспекты этналінгвістычнага вывучэння рэгіянальнай тапаніміі на стадыі збірання [Электронны рэсурс] / М. А. Даніловіч // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. – 2011. – № 3. – Рэжым доступу: <https://elib.grsu.by/katalog/165912-364929.pdf?d=true>. – Дата доступу: 18.01.2022.
8. Деревяго, А. Н. Ономастическое пространство поэзии XX в.: семантика онима, функциональный потенциал : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А. Н. Деревяго. – Витебск, 2005. – 122 л.
9. Дзятко, Д. Усходнеславянскія слоўнікі анамастычных тэрмінаў і агульныя праблемы метатэрмінаграфіі / Д. Дзятко // Вісн. Львів. ун-ту. Сер. філол. – 2019. – Вып. 71, ч. 2. – С. 146–163. <http://dx.doi.org/10.30970/vpl.2019.71.10324>
10. Кажарновіч, М. Анамастычная моўная карціна свету: на матэрыяле беларускіх і славацкіх медыятэкстаў / М. Кажарновіч // Род. слова. – 2021. – № 7. – С. 47–50.
11. Краткий словарь ономастических терминов // Ономастика Беларусі. Антропонимия : учебник / А. М. Мезенко [и др.]. – Минск, 2017. – С. 384–394.
12. Краткий словарь ономастических терминов // Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум / А. М. Мезенко [и др.] ; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск, 2017. – С. 172–179.
13. Краткий словарь топонимических терминов // Ономастика Беларусі. Топонимия : учебник / А. М. Мезенко [и др.] ; под ред. А. М. Мезенко. – Минск, 2018. – С. 310–317.
14. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. ; сост.: Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев. – М. : [б. и.], 1998. – 54 с.
15. Основен систем и терминологија на словенската ономастика = Основная система и терминология славянской ономастики = Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik / редкол.: Ф. Безлај [и др.]. – Скопје : Макед. акад. на науките и уметностите, 1983. – 412 с.
16. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 198 с.
17. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 189 с.
18. Разумов, Р. В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии / Р. В. Разумов // Верхневолж. филол. вестн. – 2015. – № 2. – С. 14–19.
19. Рогалев, А. Ф. Этнотопонимия Беларусі: (на фоне этнической истории) / А. Ф. Рогалев. – Гомель : [б. и.], 1993. – 168 с.
20. Словник української ономастичної термінології / уклад.: Д. Г. Бучко, Н. В. Ткачова. – Харків : Ранок-НТ, 2012. – 255 с.
21. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская ; отв. ред. Г. В. Степанов. – М. : Наука, 1985. – 177 с.
22. Супрун, В. И. Размышления над ономастической терминологией / В. И. Супрун // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2011. – № 8 (62). – С. 133–138.
23. Турута, И. И. Эргонимы и прагматонимы: сходство и отличие / И. И. Турута // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Сер.: Мовознавство. – 2016. – № 11, вип. 22. – С. 159–170.
24. Шимкевич, Н. В. Об одном парадоксальном типе собственных имен (на примере названий объектов правового пространства н. п. Горный Щит, г. Екатеринбург) / Н. В. Шимкевич // Вопр. ономастики. – 2016. – Т. 13, № 1. – С. 151–170. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.1.009
25. Шур, В. В. Онім у мастацкім тэксце / В. В. Шур. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2006. – 215 с.
26. Onomastic terminology [Electronic resource] // The International Council of Onomastic Sciences. – Mode of access: <https://icosweb.net/publications/onomastic-terminology/> – Date of access: 18.01.2022.

References

1. Alifierchyk T., Vnukovich Yu. Ergotoponyms related to milling in the XVI–XVII centuries. *Rodnae slova* [Native Word], 2021, no. 1, pp. 41–46 (in Belarusian).
2. Biryła M. V. (ed.). *Onomastic dictionary of works by Yakub Kolas*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1990. 638 p. (in Belarusian).
3. Biryła M. V. Onomastic terminology. *Terminological collection*, 87–88. Minsk, 1993, pp. 25–40 (in Belarusian).
4. Vagner S. A. *Firmonyms of Belarus in structural-semantic, derivational and functional aspects*. Abstract of Ph. D. diss. Minsk, 2019. 25 p. (in Russian).
5. Valyniets T. P. The use of anthroponyms and toponyms in the works of G. Dolidovich. *Aktual'nyya prablemy funktsyyanavannya i razvitsya leksiki slavyanskikh mou: materyaly Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi, prysvechanoi 60-goddzyu universiteta, Mazyr, 7–8 kastychnika 2004 g.* [Actual problems of the functioning and development of the vocabulary of Slavic languages: materials of the International scientific conference, dedicated to 60th anniversary of the university, Mazyr, October 7–8, 2004]. Mazyr, 2004, pp. 145–148 (in Belarusian).
6. Gorozhanov Yu. Yu. Conceptual and terminological apparatus of ergonomics. *Mir yazykov: rakurs i perspektiva: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 22 aprelya 2015 g.* [The world of languages: foreshortening and perspective: proceedings of the VI International scientific practical conference, Minsk, April 22, 2015]. Minsk, 2015, vol. 3, pp. 11–15 (in Russian).
7. Danilovich M. A. Aspects of ethnolinguistic study of regional toponymy at the stage of collection. *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhavnaga universiteta imya Yanki Kupaly. Seryya 3, Filalogiya. Pedagogika. Psikhologiya = Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*, 2011, no. 3. Available at: <https://elib.grsu.by/katalog/165912-364929.pdf?d=true> (accessed 18.01.2022) (in Belarusian).
8. Derevyago A. N. *Onomastic space of poetry of the XX century: semantics of onyms, functional potential*. Ph. D. Thesis. Vitebsk, 2005. 122 p. (in Russian).
9. Dziatko D. Eastern Slavic dictionaries of onomastic terms and shared problems of metaterminography. *Visnik Lvivs'kogo universitetu. Seriya filologichna = Visnyk of Lviv University. Series Philology*, 2019, iss. 71, pt. 2, pp. 146–163 (in Belarusian). <http://dx.doi.org/10.30970/vpl.2019.71.10324>
10. Kazharnovich M. Onomastic linguistic picture of the world: on the material of Belarusian and Slovak media texts. *Rodnae slova* [Native Word], 2021, no. 7, pp. 47–50 (in Belarusian).
11. Mezenko A. M. [et al.]. A short dictionary of onomastic terms. *Onomastics of Belarus. Anthroponymy*. Minsk, 2017, pp. 384–394 (in Russian).
12. Mezenko A. M. [et al.]. A short dictionary of onomastic terms. *Belarusian Poozerie: culture – onomastics – society*. Vitebsk, 2017, pp. 172–179 (in Russian).
13. Mezenko A. M. [et al.]. A short dictionary of toponymic terms. *Onomastics of Belarus. Toponymy*. Minsk, 2018, pp. 310–317 (in Russian).
14. Varbot Zh. Zh., Zhuravlev A. F. (comp.). *A short conceptual and terminological reference book on etymology and historical lexicology*. Moscow, 1998. 54 p. (in Russian).
15. *The main system and terminology of Slavic onomastics*. Skopje, Macedonian Academy of Sciences and Arts, 1983. 412 p. (in Macedonian, in Russian, in German).
16. Podol'skaya N. V. *Dictionary of Russian onomastic terminology*. Moscow, Nauka Publ., 1978. 198 p. (in Russian).
17. Podol'skaya N. V. *Dictionary of Russian onomastic terminology*. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1988. 189 p. (in Russian).
18. Razumov R. V. On regulating onomastic terminology in the field of urbanonymy. *Verkhnevolszhskii filologicheskii vestnik = Verkhnevolszhi Philological Bulletin*, 2015, no. 2, pp. 14–19 (in Russian).
19. Rogalev A. F. *Ethnotoponymy of Belarus: (about of ethnic history)*. Gomel, 1993. 168 p. (in Russian).
20. Buchko D. G., Tkachova N. V. *Dictionary of Ukrainian onomastic terminology*. Kharkiv, Ranok-NT Publ., 2012. 255 p. (in Ukrainian).
21. Superanskaya A. V. *What is toponymy?* Moscow, Nauka Publ., 1985. 177 p. (in Russian).
22. Suprun V. I. Reflection on onomastic terminology. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2011, no. 8 (62), pp. 133–138 (in Russian).
23. Turuta I. I. Ergonyms and pragmatonyms: similarity and difference. *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu. Seriya: Movoznavstvo* [Bulletin of the University of Dnepropetrovsk. Linguistics Series], 2016, no. 11, iss. 22, pp. 159–170 (in Russian).
24. Shimkevich N. V. On one paradoxical type of proper names (with reference to the names of legal entities of the residential community of Gornyy Shchit, Ekaterinburg). *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*, 2016, vol. 13, no. 1, pp. 151–170 (in Russian). https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.1.009
25. Shur V. V. *Onym in the art text*. Minsk, Belaruski knigazbor Publ., 2006. 215 p. (in Belarusian).
26. Onomastic terminology. *The International Council of Onomastic Science*. Available at: <https://icosweb.net/publications/onomastic-terminology/> (accessed 18.01.2022).

Информация об авторе

Олиферчик Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, заведующий отделом славистики и теории языка. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, Минск, Республика Беларусь). E-mail: olif_tanya@tut.by

Information about the author

Tatsiana M. Aliferchyk – Ph. D. (Philol.), Head of the Department of Slavic Studies and Theory of Language. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: olif_tanya@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 316.022.4
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-219-228>

Поступила в редакцию 29.08.2022
Received 29.08.2022

Е. Н. Квилинкова

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы,
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

ГАГАУЗЫ В БЕЛАРУСИ: ФОРМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И СТЕПЕНЬ АДАПТАЦИИ

Аннотация. Исследуются гагаузы Беларуси – одна из малочисленных и дисперсно проживающих региональных групп этого этноса. Впервые как в белорусской этнологии, так и гагаузоведении объектом научного исследования стали гагаузы Беларуси. Выделяются периоды формирования данной этнической группы в Беларуси: советский и постсоветский. Анализируются используемые гагаузами Беларуси формы идентификации и степень их адаптации в белорусском социокультурном пространстве. Статья основана на данных полевых исследований, собранных лично автором в 2020–2022 гг.

Из полученных в ходе опроса сведений следует, что гагаузы чувствуют себя в Беларуси комфортно. Это связано с рядом факторов: присутствует социально-экономическая стабильность, отсутствует национальный вопрос, русский язык является одним из государственных языков, существуют стабильная заработная плата, обеспеченность жильем, есть будущее у детей и т. д. Отмечается, что исторически сложившаяся у населения Беларуси традиция межкультурного диалога и мирного сосуществования различных конфессий, а также проводимая государством национальная политика способствуют формированию значимости гражданской идентичности.

Ключевые слова: гагаузы Беларуси, миграция, идентичность, идентификация, язык, адаптация, страна проживания

Для цитирования: Квилинкова, Е. Н. Гагаузы в Беларуси: формы идентификации и степень адаптации / Е. Н. Квилинкова // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 3. – С. 219–228. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-219-228>

Elizaveta N. Kvilinkova

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus*

GAGAUZ IN BELARUS: FORMS OF IDENTIFICATION AND DEGREE OF ADAPTATION

Abstract. The article examines the Gagauz of Belarus – one of the small and dispersed regional groups of this ethnic group. For the first time, both in Belarusian ethnology and in Gagauz studies, the Gagauz of Belarus became the object of scientific research. The periods of formation of this ethnic group in Belarus are noted: Soviet and post-Soviet. The author analyzes the forms of identification used by the Gagauz of Belarus and the degree of their adaptation in the Belarusian socio-cultural space. This article is based on field research data collected personally by the author in 2020–2022.

From the data obtained during the survey, it follows that the Gagauz people feel comfortable in Belarus: the advantages of the Soviet era and socio-economic stability have been preserved here, there is no national question, the Russian language is one of the state languages, stable wages, housing, there is a future for children, etc. It is noted that the historically established tradition of intercultural dialogue and peaceful coexistence of various confessions among the population of Belarus, as well as the national policy pursued by the state, contribute to the formation of the significance of civic identity.

Keywords: Gagauz of Belarus, migration, identity, identification, language, adaptation, country of residence

For citation: Kvilinkova E. N. Gagauz in Belarus: forms of identification and degree of adaptation. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2023, vol. 68, no. 3, pp. 219–228 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-219-228>

Введение. Одной из живущих в Беларуси этнических общностей являются гагаузы – тюркоязычные и православные. Их этническое ядро представлено в Республике Молдова, где в 1994 г. создано автономное этнотерриториальное образование *Гагауз Ери* («Земля гагаузов»). Довольно большие по численности этнорегиональные группы существуют в Украине, Болгарии, Греции, где они являются частью местного населения и живут на протяжении длительного времени. В результате трудовой миграции значительные по численности современные гагаузские диаспоры образовались в России и Турции.

Для гагаузов Беларуси характерен ряд особенностей: малочисленность, дисперсное проживание, современный период формирования, отсутствие каких-либо общин или этнокультурных организаций и др. Процесс формирования в Беларуси гагаузской этнической группы можно поделить на два периода: советский (рост численности гагаузов происходил в результате внутриреспубликанской миграции) и постсоветский (переселение является следствием трудовой миграции).

Каждая этническая группа, оказавшаяся за пределами своего этнического ядра, вырабатывает свою стратегию адаптации и интеграции в соответствии с собственными жизненно важными установками, что представляет научный интерес и требует изучения. Кроме того, исследование малых по численности этнических групп является актуальным, поскольку позволяет более пристально взглянуть на тенденции протекающего в государстве процесса интеграции.

Что касается гагаузов Беларуси, то по вполне понятным причинам (ввиду своей малочисленности) данная этнорегиональная группа не являлась объектом научного исследования ни в белорусской этнологии, ни в гагаузоведении. Соответственно, отсутствуют научные работы по данной теме. Наиболее исследованными являются гагаузы Молдовы, Украины, Болгарии и Греции. Изучению этнорегиональных особенностей в области самосознания, этноязыковой идентификации и традиционной духовной культуры у этих групп гагаузов [2–4; 9–11] мы посвятили 30 лет научной деятельности в Академии наук Молдовы, результатом чего являются наши труды (более 400 научных работ, из которых 16 – индивидуальные монографии).

К изучению гагаузов Беларуси автор данной статьи приступил в 2020 г., переехав сюда по семейным обстоятельствам. Поскольку для гагаузов Беларуси характерны совершенно иные качественные характеристики, а также ввиду изменившихся внешних условий жизнедеятельности окружающей социальной среды, для их изучения потребовалось расширить и изменить ранее использовавшиеся нами классические методы сбора полевого материала [5]. Благодаря тому, что автор статьи является этнофором (носителем данной этнической культуры, осуществляющим сбор материала и его интерпретацию [16]), стало возможным установить доверительный контакт с представителями этой этнической группы и собрать полные сведения о причинах миграции и степени адаптации, жизнедеятельности и отношении местного населения к ним, выборе страны для постоянного проживания, способах интеграции в ней и т. д. Если говорить о гагаузах в качестве изучаемого объекта, то они принимали автора статьи как соэтника [9, с. 111, 122–123; 2, с. 158, 188, 428; 12, с. 15] (представителя этой же национальности) по нескольким признакам, среди которых самыми главными были принадлежность к этносу и знание родного языка.

Целью исследования являются анализ используемых гагаузами Беларуси форм идентификации и степень их адаптации в белорусском социокультурном пространстве.

В данной статье в научный оборот вводится новый полевой материал, собранный лично автором в 2020–2022 гг. Путем глубинного интервью нами было опрошено 46 респондентов разных возрастов из различных регионов Беларуси, проживающих как в городах (Минске, областных и районных центрах), так и сельской местности (деревнях и агрогородках). Собранный нами обширный полевой материал сдан в Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси [1, л. 1–288].

Основная часть. Точное число живущих в Беларуси гагаузов определить сложно. Согласно переписи населения Республики Беларусь за 2009 г., в стране проживало 204 гагауза, которые обосновались в основном в городах (147 чел. – городское население) [14, с. 3]. По результатам переписи 2019 г., гагаузы не вошли в топ-20 национальностей, живущих на территории Беларуси. Однако эти данные не отражают реальной их численности, так как основная часть гагаузов, переехавших в Беларусь в постсоветский период, по разным причинам сохраняет молдавское гражданство. Соответственно, они не отражены в переписи населения.

Согласно данным проведенного нами опроса, бо́льшая часть живущих в Беларуси гагаузов родом из Республики Молдова; незначительное их число родом из сел, расположенных в Одесской области Украины (примыкающих к Молдове). Гагаузы, «осевшие» в Беларуси в советский период, являлись в основном специалистами с высшим и средним специальным образованием [8, с. 379–385; 6, с. 111–117].

Среди гагаузов второй волны, переселившихся в Беларусь в постсоветский период, немало человек с высшим образованием, но в основном это люди со средним специальным и средним образованием. Прежде чем сюда переехать, многие из них более 10 лет успели поработать в качестве гастарбайтеров и в России, и в Турции.

Если в конце 1990-х гг. переселения гагаузов в эту страну имели единичный характер, то после 2000-х гг., особенно с начала второго десятилетия, их количество здесь заметно увеличилось. В Беларусь они переселялись целыми семьями с малыми детьми. Это свидетельствует не только о безвозвратном характере миграции, но и о том, что гагаузы изначально были настроены на скорейшую адаптацию и интеграцию в стране пребывания.

Характерной чертой этой волны переселенцев было то, что многие из них селились довольно компактно и в основном в деревнях (некоторые – в районных и областных центрах, реже – в Минске). Данные места выбирались ими для проживания не только по причине того, что их труд был востребован в сельском хозяйстве, но и потому, что эта среда была им привычна. Прежде на своей Родине они также жили в селах и занимались сельским хозяйством.

Постепенно в Брестской и Гомельской областях образовались небольшие анклавные группы по 5–7 семей: в Пинском районе (в д. Вулька-Городищенская и д. Купятичи); в Гомельском и Добрушском районах (в д. Гадичево, аг. Крупец, аг. Ленино). По имеющимся сведениям, в Добрушском районе Гомельской области *«есть карьер по добыванию песка для стекольного завода <...>. Там тоже работают гагаузы»* (д. Купятичи, Брестская обл.) [1, л. 255]. Некоторая часть гагаузов живет в Гомеле, а также в Минске и Минской области.

Что касается способов этнической идентификации у представителей небольших этнических групп, живущих за пределами своего государственного образования, то они нередко отражают стратегию их адаптации в стране проживания.

При рассмотрении особенностей этнической идентификации у гагаузов, проживающих за пределами своего этнического ядра, необходимо учитывать ряд факторов. Так, для гагаузов первой и второй волн характерны существенные различия в стратегии адаптации, которые проявляются в способах идентификации, отношении к родному языку, народным и семейным традициям, культурным ценностям и др. Используемые ими формы самоидентификации тесно связаны также с процессами внутри самой этнической общности, происходившими в советский и постсоветский периоды.

В советское время часть гагаузов, по тем или иным причинам оказавшаяся за пределами своей Родины (Молдовы), не афишировала свою этничность, «скрываясь» под идентификацией, связанной со страной происхождения, – молдаване. С одной стороны, это делалось для того, чтобы не вызывать ненужных вопросов о себе, так как сами они не обладали информацией о происхождении собственного этноса, поскольку история гагаузского народа не изучалась в школе, книг на эту тему не было. С другой стороны, контактирующее с ними местное население называло их «молдаване» (в соответствии с названием страны происхождения, что для них самих было понятно, так как Молдавия – это всем хорошо известная союзная республика, а о такой национальности, как гагаузы мало кто слышал: *«Сейчас все знают о гагаузах, а тогда никто не знал. Трудно было объяснить, кто такие гагаузы. Они не понимали, что в Молдавии могут быть и другие национальности. И еще одно было в советское время: если не коренной народ, а национальные меньшинства из других республик, то их могли называть “чурками”. Вот это настораживало, не хотелось оказаться “чуркой”»* (с. Конгаз, Молдова) [1, л. 90].

Учившиеся в белорусских вузах студенты-гагаузы о своей национальности не распространялись в кругу своих сокурсников. Даже своим девушкам, также учившимся с ними вместе, парни рассказывали об этом лишь некоторое время спустя, а иногда уже и после свадьбы, о чем нам поведали их жены: *«Когда мы познакомились, мой будущий муж мне не сказал о том, что он –*

гагауз. Потом об этом сказал. В то время для меня эта нация была непонятная...» (г. Борисов, Минская обл.) [1, л. 205]; «Он мне говорил, что из Молдавии. Так я и родителям своим сказала. О том, что он гагауз, а не молдаванин, я им потом сообщила. Мы поженились после 4-го курса, а все выяснилось через год – в конце 5-го курса на вручении дипломов. Мы сидели в зале, а там озвучивали, сколько человек по национальному составу окончили академию (БСХА. – Е. К.). Данные брали из паспортов. Назвали, сколько белорусов, грузин, вьетнамцев, немцев и других, а в самом конце сказали “и 1 гагауз”. Все удивились. Кто гагауз? И тут встает мой муж, а я сама не знала, что он гагауз. Об этом он не только мне не сказал. Все, кто с ним на курсе учился, никто об этом не знал. Его все называли “Пашка-молдаван”» (с. Конгаз, Молдова) [1, л. 100].

О том, что они гагаузы, рано или поздно коллегам становилось известно, хотя, по словам респондентов, они своей национальности не стеснялись: «Я говорил о том, что я – гагауз, и не стеснялся этого. В советские времена, когда проходили областные и районные партийные конференции, всегда оглашали численность делегации по национальному составу: столько-то белорусов, русских, украинцев... В конце “и другие – 1”. Мы всегда относились к пункту “и другие”. Там спрашивали: “Кто такие “и другие?””. Я вставал и говорил: “Другой – я”» (г. Борисов, Минская обл.) [1, л. 200].

В настоящее время гагаузы Беларуси не только в узком, но и в широком кругу с гордостью говорят о том, что они – гагаузы. С созданием в 1994 г. гагаузской автономии многое изменилось в сознании самих гагаузов (в том числе тех, кто поселился в Беларуси в советский период), в их отношении к собственной этнической идентичности. С образованием Гагаузии, развитием языка, истории и культуры гагаузского народа с экранов телевидения и в СМИ все больше стали говорить о них как о малочисленном и гордом народе, сумевшем сохранить свой язык и культуру: «С образованием Гагаузской автономии у гагаузов многое поменялось к своей национальности. Нас знают не только в бывшем Советском Союзе, но и весь мир знает о гагаузах. <...> Непонимание у людей вызывало то, что это тюркоязычный народ, исповедующий православие» (с. Конгаз, Молдова) [1, л. 90].

Известно, что наряду с другими компонентами культуры язык является одним из важных этнодифференцирующих признаков, выступает в качестве значимого маркера этнической идентичности. Именно он дает возможность человеку отождествлять себя как члена своей этнической группы и одновременно позволяет идентифицировать другого как чужого, как не принадлежащего к его собственной группе.

Для переселенцев советского периода характерны межнациональные браки (в основном гагаузско-белорусские). В их семьях гагаузский язык не использовался. Как следствие, их дети этого языка не знают. Они не только идентифицировали себя по матери, но и многие из них не воспринимали национальность отца, которая была всем непонятна. В результате поднятия статуса гагаузского этноса дети с гагаузскими фамилиями и корнями перестали стесняться национальности своего родителя. В настоящее время даже «выгодно» стало иметь эксклюзивные корни. И гагаузская фамилия уже рассматривается как элемент экзотики происхождения: «Не хочу менять свою девичью фамилию – Карá. Знаю, что папа хотел второго ребенка – сына. Наверное, я оставлю себе эту фамилию, хотя поначалу она мне не нравилась, и я даже ее стеснялась...» (г. Минск) [1, л. 210].

У гагаузов второй волны (постсоветского периода), благодаря относительной компактности проживания и моноэтническим бракам, родной язык сохраняет свою функциональную значимость, оставаясь привычным средством общения как в семье, так и между своими. Соответственно, у их детей в определенной степени сохраняется знание гагаузского языка, которое оказывает влияние на их менталитет и самоидентификацию. Переселенцы этого периода в той или иной степени продолжают придерживаться гагаузских народных традиций, национальной кухни и сохранять в семейно-брачных отношениях элементы патриархальности. Идентификация по принципу гражданства, которую по отношению к ним и в настоящее время используют местные белорусы, называя их «молдаване», вызывает у них некоторую реакцию. Но в целом они относятся к этому с пониманием.

Значимость для человека этнической идентичности ярко проявляется тогда, когда он находится за пределами своей Родины. Вполне объяснимо, что в иноэтничном окружении активизируется такая функция этничности, как «свой» – «чужой». Гагаузы стараются друг друга поддерживать, что облегчает процесс адаптации: *«Конечно, легче общаться со своими, между собой на гагаузском легче объясниться. Если какая-то проблема, пойдешь к своим, и становимся как родные, как одна семья»* (аг Крупец, Гомельская обл.) [1, л. 268].

Респонденты подчеркивали, что в сложных ситуациях они на своих всегда могут рассчитывать, свои помогут. Характеризуя гагаузов, респонденты в качестве одного из главных качеств указывали на традицию взаимопомощи и обязательность как врожденные черты у гагаузов:

«У нас люди могут быть очень дружными – если встретились, неважно из какого ты села. Если гагауз, то это значит, как брат, если нужно помочь, то все на помощь придут. Нет такого, что это мое или твое, за помощь деньги не возьмут. У нас более дружные люди: помогают друг другу, в беде не оставляют. И зря болтать не будут, если что-то пообещают, то сделают» (аг Ленино, Гом. обл.) [1, л. 221].

О социально-психологической адаптации мигрантов свидетельствуют интенсивность контактов с населением страны проживания, степень доверия к нему, а также включение их в круг своих близких родственников. У гагаузов смешанные браки широко распространены. Выросшее здесь второе поколение гагаузов выбирает представителей белорусской национальности в качестве брачных партнеров. Однако, как следует из ответов, здесь, за пределами своей Родины, гагаузам не хватает не только настоящих родственных связей и поддержки. Несмотря на доброжелательность и открытость белорусов, как отмечают респонденты второй волны, к ним у них нет такого доверия, как к своим гагаузам:

«С белорусами подружились, но все равно нет такого доверия. Здесь не могу довериться белорусам. Бывало довериться, а потом слышишь кому-то рассказали. Мы здесь дружим с молдаванами. Они живут немного далеко от нас...» (Гом. обл.) [1, л. 259].

«Мне здесь очень тяжело с друзьями. <...> Я здесь адаптирован, но в плане доверия этого нет. Здесь он говорит одно, делает другое, а гагауз если сказал, то он это сделает» (г. Минск) [1, л. 81].

По признанию респондентов, часто встречаться со своими соотечественниками не получается. Но если есть необходимость, то всегда найдется время, чтобы приехать и помочь:

«Если честно, то встречаемся мы нечасто. Все люди занятые и просто нет времени. Мы можем не встречаться, но если кому-то что-то нужно, то стоит только “свиснуть”, как гагаузы выстроятся в ряд. Мало ли какая помощь нужна. Все дружно помогают» (г. Гомель) [1, л. 243].

Поскольку гагаузы – это малочисленный народ, то и их отношения между собой больше похожи на родственные. Это характерно для тех гагаузов, которые находятся за пределами своей Родины. Взаимная поддержка в любых хозяйственных работах и ситуациях и в настоящее время является характерной чертой гагаузского села. Поэтому отсутствие здесь такого рода отношений, дистанцированность белорусов сказываются на процессе социально-психологической адаптации гагаузов. Здесь им пришлось ощутить и разницу отношений крестного родства у гагаузов и у местного населения:

«Иногда приходят мысли уехать назад. Иногда даже какая-то обида берет, что помощи нет, помочь некому, друзей нет, кумовьев таких, как там, нет, чтобы не просто кумовья. У нас там приезжают, помогают, там более дружные, могут прийти “на меджи” (помочь. – Е. К.). Иногда хочется оставить и уехать. <...> В целом вопрос в трудовой помощи. Мы ее не получаем, но они несут свою ответственность как крестные, они духовно воспитывают крестника. Но вместе пойти “междия папшоя” (помочь в уборке кукурузы. – Е. К.) и другое, вот этого нет. Тут каждый сам за себя. Посидели в гостях и уезжают. По-настоящему сильных родственных связей между кумовьями тут нет. Не так, как у нас, близко. У нас крестные именно как родители, а тут немного другое» (Гом. обл.) [1, л. 223].

«Иногда на душе тяжело и хочется отсюда уехать, все бросить и уехать на Родину. Чувствую, что я здесь чужая. Не хватает родственников, не хватает того, как там люди живут. Там живут дружно...» (Гом. обл.) [1, л. 259].

Однако прожив довольно длительное время в другом социокультурном пространстве за пределами своего этнического ядра, гагаузы постепенно трансформируются. Данные изменения, возникающие в результате влияния местной среды, становятся очевидными для них самих, когда они оказываются на Родине, в своем этническом пространстве. В результате там они ощущают себя не совсем своими: подзабылся родной язык; изменились взгляды, форма общения и менталитет; появились другие интересы и круг общения. Но и в новом пространстве, где живут гагаузы несколько десятков лет, они по ряду причин тоже не чувствуют себя целиком своими. Это отмечали респонденты, которые на малой родине прожили в два раза меньше, чем в Беларуси:

«Однозначно, что мне ближе гагаузы. Я так ощущаю. <...> Но я там тоже чужой, так как уже не совсем гагауз, и это ощущается: у меня речь другая, мышление другое. Здесь подходит пример с советскими немцами: они здесь были немцами – чужими, а туда в Германию приехали и стали русскими – тоже чужими. Какой-то элемент этого у меня тоже есть. Я приезжаю туда – в Гагаузию, и я не такой гагауз, как все они. Они красиво говорят на гагаузском языке...» (г. Минск) [1, л. 34].

«Да, я приезжаю уже в Молдавию только как в гости. Нахожусь там до трех дней, а потом меня уже тянет обратно, сюда. Переживаю <...> за хозяйство и за свой дом. Мы держим овец, пчел, кроликов, разную птицу. Хоть и остается человек ухаживать за хозяйством, тем не менее. Там меня уже мало кто знает. За эти 22 года, что я здесь, там уже выросло новое поколение. Они знают, что есть такой односельчанин, здороваются, но близко меня не знают, и уже не относятся ко мне как к родному...» (Гом. обл.) [1, л. 219].

Живя в другой стране, гагаузы сохраняют постоянное и тесное общение с родственниками и односельчанами. Ностальгируя по Родине, по родному языку, они слушают в Интернете гагаузскую музыку, смотрят новости о Гагаузии, сами выкладывают на YouTube свои ролики о том, как отмечают в Беларуси гагаузские народные праздники и др. [15]. Многие из них не только стараются почаще ездить на Родину, но и чувствуют в этом внутреннюю потребность.

Для уточнения степени адаптации гагаузов в Беларуси мы задавали респондентам следующие вопросы: «Не пожалели ли они о том, что переехали сюда жить?»; «Не хотят ли вернуться на Родину?» и др.

Как следует из ответов, для многих из них выбор страны для постоянного проживания напрямую связан с вопросом о будущем их детей. Переселяясь в Беларусь, они учитывали не только наличие психологически комфортных для себя условий, но и перспективы для своих детей.

Российские этносоциологи, изучив систему жизненных ценностей и идеалов гагаузов, а также их представления о важнейших чертах нравственного облика человека, пришли к выводу о том, что «такие базовые традиционные жизненные ценности гагаузов, ключевые черты их духовного облика, как семья, почтительное отношение к родителям, трудолюбие остаются значимыми, передаваясь из поколения в поколение» [13, с. 29]. Для гагаузов семья и семейные ценности стоят на первом месте:

«Будущее свое и своих детей я вижу здесь» (д. Купятичи, Брест. обл.) [1, л. 121].

«В любом случае, назад мы не думаем возвращаться. Жалко там дом, жалко Родину. А так здесь для детей есть перспектива. Мы – родители и в первую очередь думаем о детях: их нужно воспитать, устроить. Будущее своих детей я вижу здесь, в стабильной стране, чтобы они были тут, и тогда я буду за них спокоен. А когда мы постареем, там будет видно, и кто его знает...» (д. Купятичи, Брест. обл.) [1, л. 116].

Ответы, данные многими респондентами, свидетельствуют о том, что свой выбор страны постоянного проживания они уже сделали:

«Мои родственники все уехали из Молдавии в Россию, а некоторые живут тут, в Беларуси. Там осталась бабушка – мама сестра и брат. Большие там у меня никого нет. А ехать назад? Я тут уже больше полжизни живу. Как я могу оставить все то, что создал тут, и уехать назад?! Это совсем не просто!» (г. Гомель) [1, л. 248].

«Нет, вернуться назад не хочется. Здесь мы уверены в завтрашнем дне, что придет конец месяца, и мы получим заработную плату, а там нет работы. Там один член семьи должен постоянно ездить на заработки, по-другому никак. И это уже не семья, дети растут с бабушка-

ми и дедушками. А тут: ну, тяжело; по хозяйству некому помочь – родителей нет рядом. Но вечером ты заходишь в свой дом, ты со своей семьей, все как-то по-другому» (аг Крупец, Гом. обл.) [1, л. 268].

Небольшая часть гагаузов довольно успешно занимается здесь бизнесом, поэтому о переезде в Молдову не думает. У многих из них двойное гражданство – молдавское и российское (г. Березино, Минск. обл.) [1, л. 162–163]:

«Муж жил в России 7 лет, зарабатывал. Он знает, какая там жизнь. И я там успела с ним пожить 1 год, но мне там не понравилось. А тут живет его сестра, тут для него было больше перспективы, тут больше знакомых и спокойствия больше. Для него там перспектива была работать в Москве на стройке. А здесь мы решили открыть магазин. Так лучше магазином заниматься, чем на стройке работать» (г. Гомель) [1, л. 255].

Некоторые из гагаузов сочетают свой небольшой семейный бизнес с занятием сельским хозяйством. В Беларуси они занимаются привычной для себя деятельностью, в том числе разведением овец, в чем увидели преимущество перед Молдовой:

«Заниматься овцами здесь было совсем не сложно, так как здесь зелени больше, чем у нас в Молдавии. Поэтому здесь можно было держать не 50 овец, а больше 100 голов, доить их и делать брынзу. Здесь есть для них все: поля, зелень, корм. Поэтому, так как я привык работать на земле, то их можно было выращивать. <...> Земля одинакова, что там, что тут. Но где бы ты ни был, везде нужно работать» (г. Гомель) [1, л. 249].

Все гагаузы второй волны отмечали, что они здесь адаптировались без особых усилий. Этому способствовали общая религиозная принадлежность, близкая культурная дистанция, а также то, что они – билингвы. Русский язык многие из них обозначают как родной. При этом часть респондентов воспринимала Беларусь в качестве второй Родины, но многие говорили о том, что эта страна для них все же не Родина, а место их постоянного проживания:

«Беларусь – это моя вторая Родина, а Молдавия – это первая Родина. Она так и остается. Мы туда ездим, но все равно обратно тянет, мы здесь уже привыкли, обосновались, уже скоро у нас здесь будет свой дом. Уже легче получается» (аг Крупец, Гом. обл.) [1, л. 268].

«Моя Родина – Молдавия, всегда так было, потому что я там родился. А Беларусь (здесь живет с 2002 г. – Е. К.) – это вторая Родина, потому что я тут живу, но все равно я каждый год езжу в Молдавию. <...> Здесь я нашел общий язык со многими людьми и общаюсь без проблем. Где-то нужно уступить, промолчать... Тут я чувствую себя хорошо, только не хватает гагаузского языка и своих людей» (г. Гомель) [1, л. 249].

«Моя Родина – в Гагаузии, а в Белоруссии мы работаем, живем (с 2013 г. – Е. К.), детей растим. Наверное, можно сказать, что Белоруссия – моя вторая Родина» (д. Купятчи, Брест. обл.) [1, л. 119].

«По отцу я – белорус, но я вырос в Гагаузии, и всегда считал и считаю себя истинным гагаузом. <...> Родина – это Гагаузия, а Беларусь – это страна, в которой я живу. Я в Беларуси с 2009 г., но не могу сказать, что это моя Родина» (г. Гомель) [1, л. 242].

«Гагаузия – это Родина. Родина там, где человек родился. <...> Так сложилось, что гагаузов раскидало время» (г. Марына Горка, Минск. обл.) [1, л. 71].

«Беларусь для меня – это страна спокойствия, уюта, душевного комфорта. Я отсюда не хочу уезжать, мне здесь нравится. Здесь я строю дом... Здесь нет суеты. <...> Здесь более уважительное отношение к людям (хотя есть по-разному), здесь дети мои могут гулять и за них не нужно особо переживать, так как нет преступности, да и сам по себе народ не злобный. Это очень нравится. И глаз радуют чистота и порядок. Здесь уже друзьями обзавелись, есть круг общения».

Сказать, что Беларусь стала второй Родиной – сейчас так сказать не могу (здесь живет с 2013 г. – Е. К.), так как это процесс, но я чувствую, что такое становление происходит. Думаю, что построенный дом что-то к этому добавит, дети здесь учатся – это добавит, женятся на местных девушках, от них появятся внуки – это тоже добавит. И этот процесс будет происходить до тех пор, пока не наполнится смыслом. Это динамичный процесс» (г. Березино, Минск. обл.) [1, л. 162–163].

Приведенные выше фрагменты интервью свидетельствуют о высокой степени адаптации гагаузов в Беларуси. Но есть и трудности, с которыми они столкнулись. Прежде всего, это сложности с получением в Беларуси вида на жительство и гражданства. Так, например, из-за законодательных ограничений одному из врачей-гагаузов – специалисту ортопеду, окончившему здесь ординатуру и интернатуру, – пришлось выехать в Россию, где он и обосновался. Поскольку у него «не было оснований для получения вида на жительство», ему пришлось изменить свои планы, хотя он хотел жить и работать в Беларуси.

Другая сложность у части гагаузов возникла в связи с вопросом о переезде из одной области Беларуси в другую. По данным проведенного нами опроса, некоторые семьи, живущие в анклав в Брестской области, предприняли попытку переселиться в Гомельскую область. Видимо, в силу определенных причин эта область стала для гагаузов более притягательной: возможно, ввиду более низкой стоимости жилья при покупке в частную собственность, более привычного климата, большей концентрации в этом регионе соотечественников и др. Некоторые из них даже купили дома в Гомельской области и попытались там закрепиться, но пока безуспешно. По словам респондентов, проблема заключалась в том, что в данном регионе заработная плата невысокая. Это создает большие сложности с получением живущими там переселенцами белорусского гражданства, одним из условий которого является обеспечение прожиточного минимума на всех членов семьи. А для тех, кто живет по виду на жительство, медицинские услуги в Беларуси платные. В результате кто-то из гагаузов выехал в Европу на заработки и собирается продать свой дом в Гомельской области. Кому-то предложили в Молдове хорошо оплачиваемую работу и жилье, и они эмигрировали, так как заработная плата здесь оказалась не той, на которую рассчитывал глава семьи, «чтобы достойно содержать свою семью» (г. Гомель) [1, л. 252]. Те же гагаузы, которые получили белорусское гражданство, оказались ограниченными в посещении своей Родины и родственников из-за пандемии и приграничного конфликта. Они высказывали желание иметь двойное гражданство, т. е. сохранять за собой молдавское гражданство, которое позволяло бы им беспрепятственно ездить на Родину и навещать своих родных.

Заключение. Гагаузы в Республике Беларусь являются частью гагаузского народа, проживающего за пределами своего этнического ядра. Они обладают всеми свойственными ему этническими признаками и идентифицируют себя как гагаузы. Для основной части гагаузов этничность – это, прежде всего, гагаузский язык и традиции; родственный круг, друзья, односельчане и соотечественники; общность мировоззрения и черт национального характера; народные праздники, национальные блюда и напитки; гордость за свой народ, за его успехи и достижения; переживание за будущее автономии, желание хоть как-то помочь своим соотечественкам...

Граждане Молдовы, решившиеся покинуть места своего традиционного обитания и переселившиеся в Беларусь, выбрали для себя страну проживания. Важным для них было не только найти работу и самореализоваться, но и создать нормальные условия для своих детей, обеспечить им какую-то перспективу, которую они не видели у себя на Родине. Эту возможность они увидели в Беларуси, на благо которой трудятся, внося свой вклад в социально-экономическое развитие страны.

Исторически сложившаяся у населения Беларуси традиция межкультурного диалога и мирного сосуществования различных конфессий, а также проводимая государством национальная политика [7, с. 168–179] способствуют формированию значимости гражданской идентичности. Результаты этого процесса отчетливо проявляются у гагаузов Беларуси.

Принятие частью респондентов Беларуси как своей второй Родины часто связывалось ими с вопросом о материальных возможностях обеспечения семьи, перспективой для детей, возможностью создать им достойные условия для жизни и самореализацией. Вместе с тем переход страны проживания в категорию Родина – это сложный процесс, который зависит от ряда социально-бытовых и психологических факторов (наличия работы, которую мигрант рассматривает как свою, стабильного заработка; собственного жилья; появления друзей и родственников из числа местного населения и др.), а также от индивидуальных особенностей человека, количества прожитых в этой стране лет и многого другого. Однако до тех пор, пока родители живы, Родина связывается респондентами с родительским домом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Материалы полевых исследований Е. Н. Квилинковой за 2020–2022 гг. по теме «Гагаузы Беларуси» // Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси. – Ф. 6. Оп. 14. Д. 270–318. Л. 1–288.
2. Квилинкова, Е. Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы: (народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен) / Е. Н. Квилинкова. – Кишинев, 2016. – 731 с.
3. Квилинкова, Е. Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии: (сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора) / Е. Н. Квилинкова. – Chişinău : Pontos, 2005. – 308 с.
4. Квилинкова, Е. Н. Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов / Е. Н. Квилинкова. – Кишинев, 2014. – 472 с.
5. Квилинкова, Е. Н. Методика и практика этнологических исследований : науч.-метод. пособие / Е. Н. Квилинкова ; науч. ред. А. Вл. Гурко. – Минск, 2020. – 224 с.
6. Квилинкова, Е. Н. О социокультурной интеграции гагаузов в белорусское пространство / Е. Н. Квилинкова // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX–XXI стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы : матэрыялы Рэсп. навук. канф., Гомель, 14 кастр. 2021 г. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Гомел. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. Р. Яшчанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2021. – С. 111–117.
7. Квилинкова, Е. Н. Общее и особенное в формировании национальной идентичности в Беларуси и Молдове: от дискурсивных практик к социальным приобретениям / Е. Н. Квилинкова // Беларуская этнаграфія, этналогія і антрапалогія : зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. – Мінск, 2022. – Вып. 1. – С. 168 – 179.
8. Квилинкова, Е. Н. Понятие «Родина» у первой волны гагаузов Беларуси / Е. Н. Квилинкова // Наука, образование, культура : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 31-й годовщине Комрат. гос. ун-та, Комрат, 11 февр. 2022 г. : сб. ст. / Комрат. гос. ун-т. – Комрат, 2022. – Т. 2. – С. 379–385.
9. Квилинкова, Е. Н. Православие – стержень гагаузской этничности / Е. Н. Квилинкова. – Комрат ; София, 2013. – 872 с.
10. Квилинкова, Е. Н. Соционормативная культура гагаузов: традиции и трансформации / Е. Н. Квилинкова. – Кишинев, 2020. – 344 с.
11. Квилинкова, Е. Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности / Е. Н. Квилинкова. – Кишинев : Business-Elita, 2007. – 840 с.
12. Млечко, Т. П. Диаспора: деривационные процессы на фоне эволюции феномена / Т. П. Млечко // Мир рус. слова. – 2013. – № 1. – С. 14–23.
13. Остапенко, Л. Традиционные ценности гагаузов вчера и сегодня / Л. Остапенко, И. Субботина // Rev. de Etnologie și Culturologie. – 2019. – Vol. 25. – P. 29–38.
14. Население по национальности и родному языку [Электронный ресурс] : перепись населения Респ. Беларусь 2009 г. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/perepis_2009/5.8-0.pdf. – Дата доступа: 05.01.2022.
15. Хэй хэй у гагаузов в Беларуси [Электронный ресурс] // YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=gddcCUFaHuA>. – Дата доступа: 25.05.2022.
16. Этнофор // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: https://communication_psychology.academic.ru/1092/Этнофор. – Дата доступа: 15.08.2022.

References

1. Materials of field research by E. N. Kvilinkova for 2020–2022 on the topic “Gagauz of Belarus”. *Archive of the Institute of Art History, Ethnography and Folklore of the National Academy of Sciences of Belarus*. F. 6. Op. 14. D. 270–318. L. 1–288 (in Russian).
2. Kvilinkova E. N. *Gagauz in the ethno-cultural space of Moldova: (folk culture and ethnic self-consciousness of the Gagauz through the prism of the connection of times)*. Chisinau, 2016. 731 p. (in Russian).
3. Kvilinkova E. N. *Gagauz of Moldova and Bulgaria: (comparative study of calendar rituals, terms of kinship and folklore)*. Chisinau, Pontos Publ., 2005. 308 p. (in Russian).
4. Kvilinkova E. N. *The cult of the wolf among the Gagauz through the prism of ethnocultural symbols*. Chisinau, 2014. 472 p. (in Russian).
5. Kvilinkova E. N. *Methods and practice of ethnological research*. Minsk, 2020. 224 p. (in Russian).
6. Kvilinkova E. N. On the socio-cultural integration of the Gagauz into the Belarusian space. *Belarus’ u gistarychnai retraspektyve XIX–XXI stagoddzyau: etnakul’turnyya i natsyyanal’na-dzyarzhauyya pratsesy: materyyaly Respublikanskai navukovoi kanferentsyi (Gomel’, 14 kastychnika 2021 g.)* [Belarus in the historical retrospective of XIX–XXI stages: ethno-cultural and national-dzyarzhau practices: materials of the republican scientific conference (Gomel, 14 October 2021)]. Gomel, 2021, pp. 111–117 (in Russian).
7. Kvilinkova E. N. General and special in the formation of national identity in Belarus and Moldova: from discursive practices to social acquisitions. *Belaruskaya etnagrafiya, etnalogiya i antrapalogiya: zbornik navukovykh artykulau* [Belarusian ethnography, ethnology and anthropology: collection of scientific papers]. Minsk, 2022, iss. 1, pp. 168–179 (in Russian).
8. Kvilinkova E. N. The concept of “Motherland” among the first wave of the Gagauz of Belarus. *Nauka, obrazovanie, kul’tura: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 31-i godovshchine Komratskogo*

gosudarstvennogo universiteta, Komrat, 11 fevralya 2022 g.: sbornik statei [Science, education, culture: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 31st anniversary of the Comrat State University, Comrat, February 11, 2022: collection of articles]. Comrat, 2022, vol. 2, pp. 379–385 (in Russian).

9. Kvilinkova E. N. *Orthodoxy is the core of the Gagauz ethnicity*. Comrat, Sofia, 2013. 872 p. (in Russian).

10. Kvilinkova E. N. *Socio-normative culture of the Gagauz: traditions and transformations*. Chisinau, 2020. 344 p. (in Russian).

11. Kvilinkova E. N. *Traditional spiritual culture of the Gagauz: ethno-regional features*. Chisinau, Business-Elita Publ., 2007. 840 p. (in Russian).

12. Mlechko T. P. Diaspora: derivational processes against the phenomenon of evolution. *Mir russkogo slova = The World of the Russian Word*, 2013, no. 1, pp. 14–23 (in Russian).

13. Ostapenko L., Subbotina I. Traditional values of Gagauz people in the past and present. *Revista de Etnologie și Culturologie = Journal of Ethnology and Culturology*, 2019, vol. 25, pp. 29–38 (in Russian).

14. Population by nationality and native language: population census of the Republic of Belarus for 2009. *National Statistical Committee of the Republic of Belarus*. Available at: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/perepis_2009/5.8-0.pdf (accessed 01.05.2022) (in Russian).

15. Hei hei among the Gagauz in Belarus. *YouTube*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=gddeCUFaHuA> (accessed 25.05.2022) (in Gagauz).

16. Ethnofor. *Academic Dictionaries and Encyclopedias*. Available at: https://communication_psychology.academic.ru/1092/Этнофор (accessed 15.08.2022) (in Russian).

Информация об авторе

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, Минск, Республика Беларусь). E-mail: cvilincova@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-7168-8506>

Information about the author

Elizaveta N. Kvilinkova – D. Sc. (Hist.), Associate Professor, Leading Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: cvilincova@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-7168-8506>

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3«20»+82.0
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-229-247>

Паступіў у рэдакцыю 14.11.2022
Received 14.11.2022

К. В. Часнакова

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
Мінск, Беларусь*

АСЭНСАВАННЕ АПОВЕСЦЕЙ АЛЕСЯ КАЖАДУБА “РУСАЛКА” І ДЖУЗЭПЭ ТАМАЗІ ДЗІ ЛАМПЕДУЗЫ “СІРЭНА” З ПАЗІЦЫІ ТЭОРЫ АРХЕТЫПАЎ

Анотацыя. Аналізуюцца расказы беларускага пісателя Алеся Кожедуба «Русалка» і італьянскага пісателя Джузепе Томазі дзі Лампедузы «Сирена» з мэтай выяўлення архетыпічнай асновы, адрозных жанравых-тэматычных і мастацтвазнаўчых асаблівасцей. Камплексны падыход да аналізу літаратурных прадзвіненых забяспечылі такія метады, як міфопэзітычны, герменевтычны, культурна-історыічны і кампаратывны. Пісатели воплотылі архетип Великой Матери в образах хтонических существ (сирены и русалки). Последовательный анализ образов и сюжетов рассказов позволил определить круг универсальных образов, составляющих «архетипическое ядро» этих произведений (Герой/Ребенок/Воин, Тень, Вождь/Мудрец, Любовник (или тот, кто способен любить), Путешествие и др.), а также уточнить особенности их жанров, проследить влияние художественных приемов на характеры персонажей и определенное развитие сюжетных линий.

Ключевые слова: архетип, теория архетипов, миф, мифология, белорусская литература, итальянская литература, метод интерпретации, метод сравнительного анализа, классификация архетипов, коллективное бессознательное

Для цитирования. Часнакова, К. В. Асэнсаванне аповесцей Алеся Кажадуба “Русалка” і Джузэпэ Тамазі дзі Лампедузы “Сірэна” з пазіцыі тэорыі архетыпаў / К. В. Часнакова // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 3. – С. 229–247. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-229-247>

Ekaterina V. Chesnokova

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus*

UNDERSTANDING OF THE STORIES “THE MERMAID” BY ALES’ KAZHADUB AND “THE SIREN” BY GIUSEPPE TOMASI DI LAMPEDUZA FROM THE POSITION OF THE THEORY OF ARCHETYPES

Abstract. The article analyzes the stories “The Mermaid” by the Belarusian writer Ales’ Kazhadub and “The Siren” by the Italian writer Giuseppe Tomasi di Lampedusa for the purpose of revealing in them the character of the archetypal basis, distinctive genre-thematic and artistic-visual features. A comprehensive approach to the analysis of the literary works was provided by such methods as mythopoetic, hermeneutic, cultural-historical and comparative. The writers embodied the archetype of the Great Mother in the images of chthonic creatures (a siren and a mermaid). A consistent analysis of the images and plots of the stories made it possible to define a circle of universal images that made up the “archetypal core” of the given works (the Hero/the Child/the Warrior, the Shadow, the Leader/the Wise, the Lover (or one who is capable of love), the Journey, etc.), and also to clarify the features of their genres, to trace the influence of artistic methods on the character of the characters and certain development of the plot lines.

Keywords: archetype, theory of archetypes, myth, mythology, Belarusian literature, Italian literature, method of interpretation, method of comparative analysis, classification of archetypes, collective unconscious

For citation: Chesnokova E. V. Understanding of the stories “The Mermaid” by Ales’ Kazhadub and “The Siren” by Giuseppe Tomasi di Lampedusa from the position of the theory of archetypes. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2023, vol. 68, no. 3, pp. 229–247 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-229-247>

Уводзіны. Нягледзячы на даволі вялікую колькасць даследаванняў творчасці Т. дзі Лампедузы ў замежным літаратуразнаўстве (А. Бачэлі [1], Дж. Буцы [2], Д. Гілмур [3], Дж. Ланца Тамазі [4], Г. Тадзіні [5] і інш.), тэма інтэрпрэтацыі міфаў у яго творах застаецца недастаткова асветленай ні ў замежным, ні ў айчынным літаратуразнаўстве. Адна з мэт даследавання – выяўленне архетыповых вобразаў і сімвалаў у аповесці “Сірэна”. Правядзенне такога аналізу з’яўляецца актуальным, паколькі жыццё і творчая дзейнасць Т. дзі Лампедузы вывучаюцца ў курсе лекцый па італьянскай літаратуры ў вышэйшых навучальных установах. Таму ажыццяўленне такога роду даследавання накіравана на тое, каб больш падрабязна вывучыць творчую спадчыну Т. дзі Лампедузы і дапоўніць спіс ужо існуючых работ падобнага характару, каб у далейшым атрыманыя вынікі маглі быць выкарыстаны ў адукацыйным працэсе.

Асноўная частка. Тамазі дзі Лампедуза – італьянскі пісьменнік арыстакратычнага паходжання. Пра яго было вядома няшмат да публікацыі рамана “Леопард” (1958). Т. дзі Лампедуза нарадзіўся ў Палерма ў 1896 г. Удзельнічаў у разгроме Капарэта¹, быў захоплены ў палон, але праз нейкі час змог збегчы і вярнуцца ў Італію. Т. дзі Лампедуза жыў у раскошным асабняку ў цэнтры Палерма. Пасля Другой сусветнай вайны, у якой будучы вядомы пісьменнік таксама прымаў удзел, яго дом быў цалкам разбураны [2]. Цікава, што менавіта гэты факт пісьменнік апіша ў адным са сваіх твораў (“Сірэна”).

Сіцыліец па паходжанні, ён шчыра любіў гэты край, цікавіўся яго гісторыяй і ўвасабляў свае пачуцці ў мастацкіх тэкстах. Яго цікавасць да псіхалагічнага аспекту асобы адлюстравалася ў рамана “Леопард”, які вызначаецца як сацыяльна-псіхалагічны [2].

Літаратурнай спадчыне Т. дзі Лампедузы належаць раманы “Леопард”, апублікаваны ў 1958 г., зборнік “Апавяданні” (“Racconti”, 1961), аповесць “Лігея” (“Ligheia” або “Il Professore e la Sirena” (“Прафесар і сірэна”), яшчэ адна назва “La Sirena” (“Сірэна”)), а таксама шматлікія артыкулы і эсэ, якія былі знойдзены сярод рукапісаў пісьменніка: “Лекцыі пра Стэндаля” (“Lezioni su Stendhal”, 1959, 1977), “Уводзіны ў французскую славеснасць XVI стагоддзя” (“Invito alle Lettere francesi del Cinquecento”, 1979), “Англійская літаратура. Ад вытокаў да XVIII стагоддзя” (“Letteratura inglese. Dalle origini al Settecento”, 1989) [1; 3].

Аповесць “Лігея”, вядомая таксама пад назвамі “Сірэна” і “Прафесар і сірэна”, лічыцца адным з самых вядомых шырокаму колу чытачоў і любімым твораў самога пісьменніка. Сюжэтная гісторыя твора разгортваецца ў Турыне, у перыяд фашысцкага панавання (1938). Адноўчы ў кавярні ўвагу маладога журналіста арыстакратычнага паходжання з Сіцыліі Паола Карбера дзі Саліна прыцягвае дзіўны пажылы джэнтльмен. Пасля некалькіх сустрэч ён даведваецца, што гэта знакаміты прафесар і сенатар Разарыё Ла Чура, які вызначаўся асцярожнасцю ў зносінах з малазнаёмымі людзьмі. Але праз некаторы час журналісту пашчасціла заваяваць давер прафесара і паміж імі ўсталяваліся цёплыя адносіны. Гэты давер і становіцца адпраўным пунктам для пачатку аповеду аб мінулых прыгодах прафесара, калі ён быў маладым і апынуўся ў доме свайго сябра ў мястэчку Аўгуста, каб лепш падрыхтавацца да ўніверсітэцкага конкурсу на пасаду выкладчыка. Адноўчы раніцай, калі ён чытаў услях грэчаскія вершы, адбылася сустрэча, якая змяніла яго назаўсёды, – сустрэча з сірэнай Лігеяй. Іх адносіны былі непрацяглымі і мелі платанічны характар. Адноўчы, калі надышоў момант развітання, Лігея сказала маладому Ла Чура: “Non dimenticherai” (“Ты не забудзешся”) [7, с. 453]. І гэтую фразу сірэны прафесар узгадвае ў канцы гісторыі, калі кідаецца ў мора падчас плавання на караблі, каб зноў сустрэць незвычайнае і моцнае каханне, якое калісьці змяніла ўсё яго жыццё.

У аповесці ўмоўна можна акрэсліць два ўзроўні: першы – рэалістычны, які робіць гісторыю больш праўдападобнай, другі – фантастычны, які складае аснову твора. Абодва яны арганічна пераплецены паміж сабой. Гэта адбываецца дзякуючы адсылкам з першай часткі, звязаным з асабістай гісторыяй прафесара, якая распавядаецца ў другой палове аповесці.

Таксама адрозніваецца і мова дзвюх частак, што яшчэ раз падкрэслівае розніцу паміж імі. Напрыклад, у маналогам сенатара Ла Чура выкарыстоўваецца паэтычная танальнасць, якая спрыяе больш моцнаму выяўленню ўражання ад непаўторнага пачуцця і больш адэкватнаму

¹ Іншая назва “Дванаццатая бітва пры Ізонца” (кастрычнік – снежань 1917 г.) – шырокамаштабнае наступленне аўстра-германскіх войскаў на пазіцыі Каралеўскага італьянскага войска ў ваколіцах італьянскага горада Капарэта падчас Першай сусветнай вайны [6].

адлюстраванню стану яго ўнутранага свету. Лірычнасць і паэтычнасць раскрываюць казачны і сюррэалістычны характар аповеду старога. Дадзены прыём не знайшоў адабрэння з боку некаторых літаратурных крытыкаў (напрыклад, Г. Тадзіні [5], Дж. Буцы [2], А. Бачэлі [1] і інш.), якія палічылі гісторыю “*appesantito da uno spirito libresco*” (“абцяжаранай адным толькі кніжным духам”), іншымі словамі, адарванай ад жыцця, нерэалістычнай з пункту гледжання мовы.

Гісторыя разгортваецца ў двух прасторава-часавых пластах, у якіх галоўнымі героямі з’яўляюцца міфічная Сіцылія – месца, дзе жывуць богі і героі, і Турын 1938 г., дзе два персанажы сустракаюцца ў адной кавярні. Галоўны герой Разарыё Ла Чура – буржуазнага паходжання, выкладчык універсітэта, аматар класічнай культуры – сустракае маладога журналіста Паола Карбера, нашчадка арыстакратычнай сіцылійскай сям’і.

Сіцылія ў творы паказана кантрасна. У першай частцы пры апісанні вострава і яго жыхароў пісьменнік адзначае адсталасць дадзенага рэгіёна, ляготу і іншыя недахопы сіцылійскага насельніцтва. Апісанне ў другой частцы мае элегічны характар. Востраў выглядае бласлаўным месцам. Менавіта ў прыродзе герой знаходзіць сэнс існавання, сябра і саюзніка – сірэну, якая сама з’яўляецца часткай прыроды, сапраўдным яе стварэннем, што выйшла з бездані сіцылійскага мора, істотай, што не мае нічога агульнага з чалавечай сутнасцю.

Першапачаткова ў міфах сірэны прадстаўлялі смяротную небяспеку для маракоў сваёй прыцягальнай песняй, але Т. дзі Лампедуза кардынальна змяніў дадзены вобраз, і сірэна (Лігея) становіцца гімнам жыцця, прыгажосці, мастацтва і ўсіх узнёслых ідэалаў і каштоўнасцей. У цэлым, гісторыя, апісаная ў аповесці “Сірэна”, – гэта прытча і пра жыццё як радасны і шчаслівы час, не пазбаўлены, аднак, фізічных і духоўных пакут, і пра смерць як пра адзіны спосаб пазбегнуць усіх гэтых пакут, якія выпадаюць чалавеку на працягу жыцця.

У творы выяўляецца экзістэнцыяльны крызіс аўтара, сутнасць якога заключаецца ў спробе разгадаць вечнае супрацьстаянне жыцця і смерці. Т. дзі Лампедуза хварэў на рак лёгкіх, доўга, але безвынікова змагаючыся з хваробай. Пасланне аўтара ў тым, што нават калі жыццё ў цэлым было шчаслівым, у ім усё роўна прысутнічалі боль і расчараванні, а смерць прыходзіць, каб вызваліць чалавека ад пакут. Як сказана вышэй, аповесць “Сірэна” была любімым творам самога аўтара. Магчыма, гэта сведчыць аб перажываннях Т. дзі Лампедузы ў апошнія гады жыцця, калі ён ведаў, што смерць ужо блізка, але, успамінаючы яркія моманты біяграфіі, вырашыў ператварыць сваю ўнутраную барацьбу ў выдатную і нерэальную гісторыю, дзе вечнае жыццё перамагае смерць. Смерць – усяго толькі крок да вечнага жыцця, неўміручасці. Тэма марнасці быцця і смерці нязменна прысутнічае ў творах Т. дзі Лампедузы і асабліва ярка выяўляецца ў аповесці “Сірэна”, бо працу над ёй аўтар скончыў літаральна за некалькі тыдняў да смерці.

Аповед вядзецца ад першай асобы, ад імя маладога журналіста Паола дзі Карбера, які выпадкова знаёміцца з прафесарам Разарыё Ла Чура ў бары і з той пары пры кожнай сустрэчы выслухоўвае яго споведзь: ён распавядае пра сваё жыццё і, у прыватнасці, аб незабыўнай прыгодзе. Даволі поўны партрэт прафесара прадстаўлены журналістам-апаведальнікам, які назірае за ім збоку і нават звяртаецца ў кантору, каб даведацца пра яго мінулае: “*Un signore di età molto avanzata, infagottato in un cappotto vecchio con colletto di un astrakan spelacchiato. <...> Aveva bruttissime mani, nocchierute, rossastre con le unghie tagliate dritte e non sempre pulite*” (“Вельмі стары мужчына, захутаны ў старое паліто з лысым каракулевым каўняром”) [7, с. 426]. У яго былі вельмі брыдкія рукі, вузлаватыя, рудаватыя з прамастрыжанымі ногцямі і не заўсёды чыстыя: “*<...> Fosse nato ad Aci-Castello (Catania) in una povera famiglia della piccolo borghesia, come mercè una stupefacente attitudine allo studio del greco ed a forza di borse di studio e pubblicazioni erudite avesse ottenuto a ventisette anni la cattedra di letteratura greca all’Università di Pavia*” (“Нарадзіўся ў Ачы-Кастэла (Катанія) у беднай сям’і дробнай буржуазіі, у выніку дзіўных здольнасцей да вывучэння грэчаскай мовы і дзякуючы стыпендыі і навуковым публікацыям ён атрымаў ва ўзросце дваццаці сямі гадоў кафедру грэчаскай літаратуры ва ўніверсітэце Павіі”) [7, с. 428]. Журналіст знайшоў багатую інфармацыю пра поспехі прафесара ў сферы адукацыі, нават калі ён быў малады, то дэманстравалі вялікія здольнасці ў вучобе і быў вельмі эрудзіраваным чалавекам: “*L’onore di una nazione e un faro di tutte le colture*” (“Гонарам нацыі і свяцілам навукі сусветнага маштабу”) [7, с. 428]. Характар прафесара праяўляецца праз яго ўчынкі і думкі, якімі

ён часам дзеліцца з журналістам. Стары з’яўляецца персанажам статычным і застаецца верным сваім ідэям да канца гісторыі, а апошнім учынкам пацвярджае складзенае раней уяўленне пра яго.

Апавядальнік – Паола дзі Карбера – другі галоўны герой твора. Ён амаль што роўны Разарыё Ла Чура і наладжвае з ім даверлівыя і вельмі блізкія стасункі. Гэты персанаж сам прыводзіць звесткі адносна свайго ўзросту, імя, прафесіі і сацыяльнага становішча: “Mi chiamo Paolo Corbera, sono nato a Palermo dove mi sono laureato in legge; adesso lavoro qui alla redazione della “Stampa” <...> alla licenza liceale ho avuto “cinque più” in greco” (“Мяне завуць Паола Карбера, я нарадзіўся ў Палерма, дзе скончыў юрыдычны факультэт; цяпер я працую тут у рэдакцыі “Стампа” <...> у сярэдняй школе меў “тры з плюсам” па грэчаскай”) [7, с. 429–430]. Так малады журналіст прадставіў сябе Ла Чуру і адразу абазначыў, што не валодае такімі фенаменальнымі здольнасцямі да навукі, як прафесар. Высакароднае паходжанне маладога журналіста, пра якое ён выказваецца так: “Ero proprio un Corbera di Salina, anzi il solo esemplare superstite di questa famiglia: tutti i fasti, tutti i peccati, tutti i canoni inesatti, tutti i pesi non pagati, tutte le Gattopardie insomma erano concentrate in me solo” (“Я сапраўды быў Карбера дзі Саліна, сапраўды адзіным уцалелым экзэмплярам гэтай сям’і: уся слава, усе грахі, усе нявыплачаныя пазыкі, усе “Леопарды”, адным словам, былі канцэнтраваны ўва мне адным”) [7, с. 431] проціпастаўляецца нізкаму паходжанню прафесара, яго сярэднестатыстычныя поспехі ў вучобе – геніяльнасці прафесара. Варта адзначыць, што Т. дзі Лампедуза згадвае свой жа раман “Леопард” (“Tutte le Gattopardie”), прысвечаны тэме заняпаду арыстакратычнага роду, яго вялікай каштоўнасці і неабходнасці захавання фізічную неўміручасць.

Аповесць Т. дзі Лампедузы пабудавана такім чынам, што ўвага чытача засяроджваецца на галоўным героі – прафесары. Аднак аўтар апісвае таксама дынамічнасць вобраза Карберы не толькі праз тое, што ён схільны да цалкам відавочных змен, але і праз тое, што робіць яго сведкам падобнай гісторыі. Карбера практычна становіцца спадчыннікам ведаў аб існаванні іншага чароўнага свету. Раскрыты яму сакрэт літаральна кроіць яго жыццё на “да” і “пасля”. Магчыма, дадзенай канцоўкай аўтар падкрэслівае нязначнасць чалавечых праблем, клопатаў, мітусні ў параўнанні з жыццём вечным. Кантраст чароўнага (несмяротнага) і смяротнага тут выкарыстоўваецца, каб падкрэсліць ідэі прафесара і ісціны, якімі ён падзяліўся з маладым журналістам і якія паўплывалі на яго ранейшыя погляды і перакананні.

Лігея – жаночы персанаж у дадзенай гісторыі, імя якога паслужыла назвай усяму твору, таму аўтар ставіць яе на больш высокі ўзровень у параўнанні з усімі астатнімі персанажамі. Лігея прысутнічае ўсюды, дзе ёсць прафесар. У той частцы гісторыі, дзе яе няма фізічна, яна прысутнічае нябачна ў словах і думках Ла Чура, які распавядае пра яе чароўнае і адначасова жывёльнае паходжанне. Чытач знаходзіць пацвярджэнне гэтаму пры апісанні першай сустрэчы Лігеі з тады яшчэ маладым Ла Чура. Яна паўстае з “il volto liscio di una sedicenne” з “due piccole mani”, “le labbra pallide”, “denti aguzzi e bianchi, come quelli dei cani”, “i disordinati capelli color di sole”, “gli occhi verdi apertissimi, sui lineamenti d’infantile purezza” (з “гладзенькім тварыкам зусім юнай дзяўчыны”, “танючкімі ручкамі”, “бледнымі вуснамі”, “востранькімі бялюткімі зубкамі, як у сабакі”, “зблытанымі валасамі колеру сонца”, “вялізнымі зялёнымі вачыма і нявінным дзіцячым тварыкам”) [7, с. 446].

Супрацьстаянне чароўнай і жывёльнай прыроды сірэны праходзіць праз усю аповесць і пацвярджае той факт, што гераіня не з’яўляецца звышнатуральнай істотай, яна проста “una sirena” з “una coda biforcuta” (“сірэна” з “раздвоеным хвостом”) [7, с. 447]. Сенатар апісвае дадзеную істоту з характэрнай лірычнай інтанацыяй, згадваючы голас і пах яе цела. Акрамя гэтага, прафесар апісвае паводзіны сірэны, тое, якім чынам яна прымала ежу: “Essa non mangiava che roba viva: spesso la vedevo emergere dal mare, il torso delicato luccicante al sole, mentre straziava coi denti un pesce argentato che fremeva ancora il sangue le rigava il mento” (“Харчавалася Лігія толькі жывымі істотамі”; “я неаднаразова назіраў, як, вынырнуўшы з вады, яна раздзірала зубамі яшчэ жывую серабрыстую рыбку; яе шаўкавістае цела пералівалася на сонцы, а кроў размалёўвала тонкімі струменьчыкамі падбародак”) [7, с. 449]. Прафесар адзначае, што Лігея была жывёлай, але адначасова з гэтым ён таксама падкрэслівае боскасць сірэны: “Essa faceva parte, tuttavia, della sorgiva di ogni coltura, di ogni sapienza, di ogni etica e sapeva esprimere questa sua primigenia

superiorità in termini di scabra bellezza” (“Яна была часткай адзінай крыніцы ўсеагульнай культуры, усеагульных ведаў, усеагульнай маральнасці і ўвасабляла гэту першародную перавагу ў сваёй грубаватай прыгажосці”) [7, с. 450]. Пра сябе ж Лігея кажа: “<...> Sono immortale perché tutte le morti confluiscono in me da quella del merluzzo di dianzi a quella di Zeus, e in me radunate ridiventano vita non più individuale e determinata, ma panica e quindi libera” (“Я несмяротная, таму што ўсе смерці зліваюцца ўва мне – ад смерці той рыбки да смерці Зеўса. Злучыўшыся ўва мне, яны зноў становяцца жыццём, толькі не асобным і абмежаваным, а самародным і, значыць, свабодным”) [7, с. 450].

У аповесці прысутнічае тая частка міфа аб сірэне, у якой распавядаецца пра завабліванне мужчын, аднак у дадзенай гісторыі гэты факт не мае негатыўнай канатацыі. Адказваючы ўзаемнасцю сірэне, мужчыны знаходзяць неўміручасць. Гісторыя ведае толькі аднаго чалавека, які адмовіўся прыняць гэты “язычніцкі дар”. Тут гаворка ідзе пра Адысея, аўтар нагадвае, што толькі ён (Адысей) змог устаяць перад чароўным спевам сірэн. Стаўшы абраным сірэнай, прафесар вырашае не прытрымлівацца дадзенага прыкладу. Так ён супрацьпастаўляе сябе міфалагічнаму герою: “Non io certo sarò il secondo a non ubbidire al suo richiamo, non rifiuterò questa specie di Grazia pagana che mi è stata concessa” (“Я не зраблюся другім чалавекам, які не адгукнецца на кліч Лігеі; я не адкіну падараванай мне язычніцкай Міласці”) [7, с. 452]. Прафесар успрымае сустрэчу з сірэнай не як цяжкае выпрабаванне, спакусу, а як вялікі дар язычніцкіх багоў і разумее, што такое здараецца толькі аднойчы ў жыцці.

Калі звярнуцца да катэгорыі статычнасці або дынамічнасці персанажа, то сірэна, як і прафесар, з’яўляецца персанажам статычным. Яна валодае абсалютнай шчырасцю, сталасцю, змны свет зусім на яе не ўплывае: яна і прафесар – быццам два паралельныя сусветы, якія аднойчы выпадкова перакрываюцца. Разам з тым прафесар і журналіст – персанажы, схільныя да змен. Першы – пасля сустрэчы з сірэнай, другі – пасля аповеду прафесара, прычым ён не сумняваецца ў праўдзівасці гэтай гісторыі і становіцца паўнапраўным спадчыннікам споведзі. Ла Чура пасля сваёй смерці пакідае журналісту ў спадчыну грэчаскі кратар з выявай сірэн, які Карбэра захоўваў у сваім доме. Аднак падчас вайны дом быў разбураны, а кратар знішчаны, ацалеў толькі яго фрагмент: “<...> Il frammento più grosso si vedono i piedi di Ulisse legato all’albero della nave” (“<...> Самы вялікі з іх уяўляў сабой ногі Адысея, прывязанага да мачты”) [7, с. 453]. Герой захаваў гэты фрагмент як памяць пра свайго выпадковага знаёмага і як знак таго, што яму таксама, хоць і ўскосна, давялося наблізіцца да боскага стварэння – сірэны.

У аповесці таксама прысутнічаюць другародныя персанажы, якія сустракаюцца як у асноўнай гісторыі, якая разгортваецца ў Турыне, так і ў самім аповедзе прафесара, які датычыцца Сіцыліі і сустрэчы з сірэнай. Напрыклад, у самым пачатку чытач знаёміцца з “дзяўчынай № 1” і “дзяўчынай № 2” у момант, калі першая выпадкова даведваецца пра існаванне другой і пра тое, што журналіст мае рамантычныя адносіны з імі абедзвюма. Пра дзяўчын Ла Чура выказваецца вельмі грэбліва, аўтар нават вырашыў не даваць ім імёны, каб падкрэсліць, па-першае, безаблічнасць гераінь, а па-другое, вялікую колькасць падобных асоб жаночага полу. У параўнанні з Лігеяй, істотай чароўнай, яны літаральна кавалкі “гнілой плоці”, і Ла Чура шчыра дзівіцца, як можна мець з імі блізкасць.

У творы прысутнічаюць іншыя персанажы – сталыя наведвальнікі кафэ “Limbo” (“Лімб”) на вуліцы По, дзе сустракаюцца Ла Чура і Карбэра, палкоўнікі, суддзі, выкладчыкі, якія выйшлі на пенсію. Яны з’яўляюцца часткай антуражу, інтэр’ерам гэтага кафэ. Таксама афіцыянт, яшчэ адзін персанаж, які паведамляе журналісту, хто такі насамрэч ёсць спадар у старэнькім паліто, што ён ніхто іншы, як сенатар Разарыё Ла Чура. Станоўчы персанаж – Бэціна, гувернантка сенатара, якая даглядае яго і з’яўляецца адзінай жанчынай у яго асяроддзі. Таксама чытач даведваецца пра тое, што ў прафесара ёсць прыцель Карабэнэ, дзякуючы якому і адбылася гэтая незвычайная гісторыя ў жыцці Ла Чура. Гэты прыцель сенатара стаў прычынай, па якой Разарыё Ла Чура апынуўся ў мястэчку Аўгуста летам 1887 г. Карабэнэ прапануе прафесару паехаць у Аўгусту, каб правесці лета, вывучаючы старажытнагрэчаскіх паэтаў. Таму варта адзначыць станоўчы ўплыў дадзенага персанажа на развіццё гісторыі, бо дзякуючы яму Ла Чура сустрэў сірэну. Яшчэ адзін другародны персанаж – фермер, які прыносіць ежу прафесару. Яго функцыя акрэсліваецца праз

некалькі старонак, дзе пацвярджаецца наяўнасць інтэртэкстуальнасці: алюзія на оперу Моцарта “Дон Жуан” і падабенства фермера з Лепарэла. Гэтая сцэна мусіць падкрэсліць праўдзівасць гісторыі сенатара, таму што такім чынам у яго з’яўляецца сведка, нават нягледзячы на тое, што той не бачыў сапраўднай сірэны цалкам, толькі галаву і плечы. Фермер жэстам ухваліў Ла Чура і пайшоў, падумаўшы, што той мае блізкія стасункі з нейкай мясцовай дзяўчынай. Такія паводзіны селяніна можна трактаваць так: аўтар падкрэслівае розніцу паміж смяротнымі, прадстаўніком якіх з’яўляецца фермер з яго спажывецкім стаўленнем да жыцця, і несмяротным стварэннем – сірэнай, прадстаўніком чароўнага свету, які селянін не здольны быў зразумець, паколькі сірэна ўсё ж не чалавек, а прадстаўнік марской фаўны, а значыць, у поўным сэнсе нармальнай жанчынай яе складана назваць. Хоць катэгорыя нармальнасці/ненармальнасці даволі складаная і часта суб’ектыўнае паняцце, несумненна, што Лігея – біпалярная і шматгранная гераіня, якая з’яўляецца ўвасабленнем антытэз, такіх, як звер і багіня, 16-гадовая дзяўчынка, дачка Каліёпы і мудрая Маці, смерць і жыццё. Спіс персанажаў працягваецца згадваннем пра Марыю, хатнюю прыслужніцу, якая працавала на прафесара да Бэціны. Марыя здрадзіла сенатару, выкраўшы каштоўны падарунак Лігеі, каб потым закласці яго ў ламбард. Учынак Марыі падкрэслівае ганебнасць зямных істот у процівагу стварэнням свету фантастычнага.

У аповесці шмат сімвалаў і архетыпаў. На думку Цветана Тодарава, французскага літаратуразнаўцы, нават у творах фантастычнага жанру можна знайсці сімвалы і юнгаўскія архетыпы. Па яго словах [8], характэрная рыса фантастычнай гісторыі – выкарыстанне метафары і літаральнага перабольшання. Фантастыка ўзнікае там, дзе метафарычны сэнс становіцца літаральным. Напрыклад, “*ho amato quanto cento dei vostri Don Giovanni messi insieme per tutta la vita*” (“я кахаў так, як цэлая сотня вашых Дон Жуанаў не кахала за ўсё сваё жыццё”) [7, с. 448]. Тут прасочваецца сувязь паміж фантазіяй і сімвалам, якая разумеецца як ускосны сэнс. Сенатар увесь час кажа пра важнасць духу: “*Povera gente, del resto: come potrebbero avvertirlo questo spirito se non hanno mai avuto occasione di sentirlo*” (“Што з іх узяць: хіба могуць гэтыя небаракі ўлавіць гэты дух, калі не мелі нават магчымасці адчуць яго”) [7, с. 434]; “*I miei sputi sono simbolici e altamente culturali*” (“Мае пляўкі глыбока сімвалічныя і высокакультурныя”) [7, с. 430]; “*Madre saggissima*” (“Прамудрая Маці”) [7, с. 452] і г. д. Сімвалічную інтэрпрэтацыю можна назваць высакародным працэсам, бо яна не дае чалавеку раскрыць яго жывёльную прыроду, якая атаясамліваецца з літаральнай інтэрпрэтацыяй і з’яўляецца занадта відавочнай. Сімвалічны падыход спрыяе ўжыванню герменеўтычнага метаду пры аналізе твора, паколькі дапамагае прааналізаваць тэкст найбольш глыбока. Фраза Святога Паўла: “Літара забівае, дух ажыўляе” асацыіруецца з выказваннем сенатара. Яна лішні раз пацвярджае важнасць ідэі духу: “*Paolo... Sei fortunato di chiamarti come il solo apostolo che avesse un po’ di cultura e una qualche infarinatura di buone lettere*” (“Паола... Табе пашанцавала, ты носіш імя адзінага апостала, нададзенага хоць якой-небудзь культурай і некаторым літаратурным талентам”) [7, с. 430]. Нагадаем аб прафесійнай прыналежнасці Разарыя Ла Чура, які быў выдатным прафесарам. Аўтар такім чынам дэманструе перавагу духу над целам, духоўнага над фізічным, што паказана ў тэксце кароткім апісаннем старога з “маршчыністым тварам і грузлым целам”: “*Il volto rugoso, il corpo pesante*” [7, с. 431], але з жывым і светлым розумам. У гэтым таксама бачны пэўны кантраст паміж недасведчанасцю маладога чалавека і мудрасцю старога прафесара, неўміручасцю духу і смяротнасцю цела.

Тэорыя архетыпаў К. Г. Юнга дазваляе зрабіць аналіз дадзенага твора больш глыбокім, бо сімвалы, выкарыстаныя пісьменнікам, адлюстроўваюць змест калектыўнага несвядомага, уласцівага яго псіхіцы [9]. Пад калектыўным несвядомым разумеецца нейкае характэрнае для ўсіх людзей сховішча першабытных ведаў і прымітыўнага розуму. У “Сірэне” маюць месца архетыпы характарныя і сюжэтныя. Адным з прыкладаў сюжэтных архетыпаў з’яўляецца архетып Падарожжа [10–12]. Гэтае падарожжа ў пераносным сэнсе можна інтэрпрэтаваць і прымяніць да розных узроўняў дадзенай гісторыі. Найбольш значнымі з’яўляюцца падарожжы двух герояў да праўды і свабоды. Журналіст, дзякуючы сваім адносінам з сенатарам, набывае незвычайны вопыт, пачынаючы ўласнае падарожжа да адкрыцця новага свету. Прафесар, сенатар – гэта своеасаблівы скарб, які журналіст мусіць адшукаць, а менавіта – культура, мудрасць і многае іншае. Недасягальнай для звычайных людзей з’яўляецца і надзвычайная адукаванасць прафесара – адна

з крыніц натхнення, што асвятляе шлях Карбэры. Тут гаворка ідзе пра архетып Вучня. Для Паола сенатар – ўвасабленне Правадніка падчас падарожжа. Падобныя адносіны былі паміж Разарыё Ла Чура і сірэнай. Як несмяротная багіня яна ўводзіць сенатара ў свет метафізічных перажыванняў, дзе ён набывае незвычайны вопыт, ажыццяўляе падарожжа скрозь смерць, каб дасягнуць неўміручасці. Сірэна таксама ўвасабляе архетып Правадыра прафесара ў сферы любоўных адносін, з’яўляючыся яго палюбоўніцай. Між тым сірэна – станоўчы жаночы вобраз, у той час як яго негатыўны аспект выявіўся ў пачатку аповеду ў вобразах дзяўчат № 1 і № 2. Гісторыя таксама прасякнута антытэзамі. Супрацьлеглыя канцэпцыі, якія часта выкарыстоўваюцца ў выказваннях сенатара і Лігеі, напрыклад, смерць і неўміручасць, звер і багіня, поўнач і поўдзень, пацвярджаюць архетыповы падыход, а значыць, барацьбу супрацьлегласцей.

Т. дзі Лампедуза апісаў прафесара як вучонага, які спецыялізуецца на вывучэнні эліністычнай эпохі і, дзякуючы гэтаму, сам звяртаецца да філасофіі таго перыяду, а менавіта да пантэізму, увасобіўшы ў тэксе яго асноўную ідэю (зліццё Бога і свету, Бог ва ўсім). Лігея сцвярджае: “<...> Sono immortale perché tutte le morti confluiscono in me da quella del merluzzo di dianzi a quella di Zeus, e in me radunate ridiventano vita non più individuale e determinata, ma panica e quindi libera” (“<...> Я несмяротная, таму што ўсе смерці зліваюцца ўва мне – ад смерці той рыбкі да смерці Зеўса. Злучыўшыся ў Лігеі, яны зноў становяцца жыццём, толькі не асобным і абмежаваным, а самародным і, значыць, свабодным”) [7, с. 450].

Паводле тэорыі архетыпаў К. Г. Юнга, адраджэнне цесна звязана з уваскрэшэннем. Архетып Вады, рэалізаваны праз вобраз мора, – сімвал адраджэння. Вада – гэта ўрадлівасць і дабро. Як несмяротны бог, кожную ноч яно (сонца) тоне ў вадзе, сваёй маці, і кожную раніцу адраджаецца зноў. Кіруючыся дадзенымі ідэямі, аўтар прыводзіць свайго героя, Разарыё Ла Чура, да такой развязкі: ён кідаецца ў мора, каб вярнуцца ва ўлонне маці і стаць несмяротным, як сонца, якое адраджаецца кожны дзень.

Матыў смерці часта фігуруе ў працэсе аповеду. Як было адзначана раней, кафэ пад назвай “Лімб” з’яўляецца месцам сустрэчы двух герояў і асноўным фонам гісторыі. “Лімб” азначае “чыснец”. На наш погляд, аўтар так назваў кафэ ўсвядомлена. Прафесар, не малады ўжо мужчына, быццам праходзіць своеасаблівае ачышчэнне праз споведзь перад журналістам, праз успамін усяго добрага і дрэннага, што здаралася з сенатарам на працягу яго жыцця. Варта адзначыць, што на першым плане бачны ашаламляльны кантраст паміж сапраўдным – Турын, зіма – месцам і часам, дзе разгортваецца галоўная падзея, і мінулым – Сіцылія, лета – востравам багоў, дзе апісаны лета і мора. Такім чынам, Турын намалюваны змрочным падземным светам, Аідам, або пячорай без адзінага променя святла, у той час як мора і сонца сімвалізуе выхад з гэтай пячоры¹. Разарыё Ла Чура быў адзіным у сваім асяроддзі, хто быў удастоены спазнаць ісціну, але аказалася цяжка перадаць гэтую праўду зняволеным у цемры невуцтва людзям, не рызыкуючы пры гэтым уславіцца вар’ятам.

Знаўца прыгажосці і ўладальнік сапраўдных ведаў аб свеце, Разарыё Ла Чура, так і не змог адаптавацца да зямнога жыцця. Гэта прывяло яго да аскетычнага ладу жыцця, які бярэ пачатак не ад адрачэння, а ад немагчымасці адчуваць прымітыўныя чалавечыя задавальненні. У аповедзе ўсе падзеі нібы зводзяцца ў адно, а фрагментарная рэальнасць становіцца ілюзорнай. Чалавеку ўласціва аўтаматычна ўхіляцца ад таго, што яму незразумела; невядомае выклікае недавер і нават страх. Калі сутнасць нейкай з’явы чалавеку не зразумела, а тлумачэнне супярэчыць устаноўленым правілам і нормам, ён інтэрпрэтуе ўсё гэта як трызненне ці ўсё ж спрабуе напоўніць вытлумачэнне з’явы блізкімі і зразумелымі паняццямі. Такі спосаб мыслення навіязаны грамадствам, якое асуджае іншадумства, часта кваліфікуючы яго як вар’яцтва. Так адбылося ў выпадку зносін прафесара і журналіста, але, на шчасце для прафесара, малады чалавек аказаўся, па выказванні самога прафесара, “siciliano di specie migliore” (“самым годным сіцылійцам”), таму што яму “riuscito a compiere la sintesi di sensi e di ragione” (“давялося дасягнуць сінтэзу пачуццяў і розуму”) [7, с. 442]. Хлопец нават і не засумняваўся ў псіхічным здароўі пажылога чалавека. А тое, што было яму незразумела, ён патлумачыў уласнай абмежаванасцю. Варта ўзгадаць казкі

¹ Гаворка ідзе пра пячоры Платона. Міф пра пячоры часта выкарыстоўваецца ў мастацкай літаратуры, напрыклад, Артур Кларк “Месячны пыл” (1961), Жазэ Сарамга “Пячора” (2000) і інш. [13].

або фантастычныя гісторыі, якія з’яўляюцца носбітамі таемных ісцін і ў якіх вар’яцтва пераплятаецца з метафізічным вопытам. Уяўленне тут – гэта акно, якое дае ўнікальны пейзаж. У апаведзе, там, дзе сіль мора і неба зліваюцца, узнікае зліццё бінарнага сэнсу рэчаў. Аб’екты антытэзы практычна злучаюцца і становяцца часткамі цэлага.

Цікавы факт, што ўяўленні пра тое, як выглядаюць сірэны, адрозніваюцца. Звернемся да слоўнікаў: “Сірэна – 1) пераважна мн. У старажытных грэкаў – міфічная марская істота, якую малявалі ў выглядзе жанчыны (часам з птушынымі нагамі) або птушкі з жаночай галавой, спевам заваблівае маракоў у небяспечныя, згубныя для іх месцы” [14]; “Сірэна – 3) міфал. Марскія паўбагіні, якіх апісвалі ў выглядзе жанчын з рыбіным хвостом; спевам сваім прыцягвалі маракоў на падводныя камяні” [15]. Першае азначэнне найбольш блізкае да таго, якім чынам сірэн малявалі ў гамераўскую эпоху, а менавіта як марскіх німф з цэлам птушкі і галавой жанчыны. Т. дзі Лампедуза апісаў гэтую істоту па-свойму: “<...> Sotto l’inguine, sotto i glutei il suo corpo era quello di un pesce, revestito di minutissime squame madreperlacee e azzurre, e terminava in una coda biforcuta” (“<...> Ніжэй ягадзіц і лабка яе цэла было пакрыта бісерам, перламутравай рыбінай лускай і завяршалася раздвоеным хвостом”) [7, с. 447]. Паколькі ў даўнейшыя часы на поўдні Італіі былі сканцэнтраваны грэчаскія калоніі, то і элементы грэчаскай культуры таксама распаўсюдзіліся на суседнія тэрыторыі. Культ сірэн і іх шанаванне ўкараніліся ў свядомасці мясцовага насельніцтва, з цягам часу трансфармаваўшыся ў вобраз “марской Дзевы Мары”, заступніцы рыбакоў і мараплаўцаў. Незадоўга да напісання апавесці “Сірэна” Т. дзі Лампедуза наведаў мясцовасць Аўгуста, што на поўдні Італіі (Сіцылія), і змясціў у яе дэкарацыі сваіх персанажаў, галоўным з якіх зрабіў сірэну, упісаўшы іх у кантэкст міфа аб гэтых істотах.

У аснове вобраза сірэны знаходзіцца дваістасць: яна і жывёла, і несмяротная багіня, носбіт такіх элементаў касмалагічнай мадэлі, як вада, зямля і неба. Акрамя гэтага, вобраз сірэны ўвасабляе архетыповы саюз Эраса і Танатаса. Гэтае ўзаемадзеянне любові і смерці, якое натхняе прадстаўнікоў мастацтва розных эпох, упершыню было выразна акрэслена З. Фрэйдам у яго працы “Па той бок прынцыпу задавальнення” (1920) [16]. Таксама Сірэна атаясамліваецца з юнгаўскім вобразам прамудрай Маці. Яна ўвасабляе ў сабе два аспекты: станоўчы, што дапамагае, натхняе, і жахлівы, што атручвае і паглынае. Станоўчы бок паказвае на шчодрасць сірэны, якую яна працяўляе да прафесара, а менавіта ўвасабляе ў жыццё яго “sete di sonno” (“прагу забыцця”) [7, с. 450] З адмоўнага боку Лігея ўвасабляе сабой жорсткую маці, якая паглынае, як мора: яна дорыць смерць разам з неўміручасцю.

Архетып Маці таксама атрымаў увасабленне ў вобразе Сіцыліі, што сімвалізуе страчанае ўлонне маці, страчаны Рай, па якім сумуе герой. Знаходзячыся ў Турыне, у гарадскім асяроддзі, у непрывабнай рэальнасці Ла Чура ўспамінае Сіцылію, незвычайную гісторыю і супрацьпастаўляе яе таму, што мае цяпер. Сіцылія – гэта зямля, якая ўяўляе іншае вымярэнне і відавочна кантрастуе з гарадской строгацю Турына. Сіцылія атаясамліваецца з Лігеяй. Лігея – вечна маладая і вечная маці, Вялікая Багіня, валадарка воднай стыхіі, адначасова добрая і жорсткая Маці. Вобразы Сіцыліі і Лігеі цесна пераплецены, гэтаму спрыяе архетып Маці, увасоблены праз гэтыя два вобразы. Вяртанне да Лігеі, як і да Сіцыліі-маці, з’яўляецца непазбежным, таму настальгія, памяць пра згубленае шчасце, пра страчаны рай не пакідаюць героя. Вяртанне да вытокаў – адзіны спосаб дасягнуць спакою.

“Сірэна” (“Прафесар і сірэна”, “Лігея”) – гэта гісторыя, якая вызначаецца глыбінёй сэнсу. Яе асаблівасць вызначаецца ўжо тым фактам, што галоўная рэалістычная гісторыя з’яўляецца фонам для гісторыі другога ўзроўню, якая становіцца абсалютна фантастычнай і нават сюррэалістычнай. Манера апаведу часта змяняецца і вагаецца паміж праўдападобным і нерэальным. У творы пераважае маналагічная форма тэксту – гаворка прафесара, які расказвае сваю фантастычную гісторыю. Апавед ад першай асобы надае гісторыі пераканаўчасці. Выкарыстанне ў тэксце трох граматычных форм часу можна растлумачыць наступным чынам. Першая частка гісторыі, асноўная частка апавесці, утрымлівае пераважна дзеясловы ў форме прошлага і цяперашняга часу, а другая, заключная, – адсылкі да будучага праз выкарыстанне дзеясловаў у форме будучага часу. Такім чынам, бесперапыннае ваганне паміж мінулым, сучасным і будучым вызначае канцэпцыю вечнасці, якая пераклікаецца з тэкстам і звязваецца з метафізічным вопы-

там. Выкарыстанне процілеглых па сэнсе пар слоў спрыяе стварэнню гарманічнага адзінства. Напрыклад, смерць і неўміручасць – гэта дзве крайнасці адной сутнасці (яны непарушна злучыліся ў вобразе сірэны). Іншымі словамі, метады аповеду, выкарыстаныя аўтарам, накіраваны на тое, каб пацвердзіць заяўленыя ім канцэпцыі. Кожнае слова ў аповесці старанна падабрана аўтарам для таго, каб стварыць гарманічны сінтэз на памежжы фантастычнага і рэалістычнага пластоў твора.

Чым бліжэй пісьменнік падыходзіў да канца свайго існавання, тым ярчэй выяўляў сваю фантазію і творчасць у літаратурных тэкстах. Ён па-майстэрску пераплятае ілюзіі з міфамі, традыцыямі і архетыпамі, якія склаліся ў падсвядомасці італьянскага народа на працягу стагоддзяў яго існавання. Тамазі дзі Лампедуза выкарыстаў усё сваё ўменне і сродкі аповеду, даступныя для стварэння элегіі смерці, смерці ўяўнай, павярхоўнай, што з’яўляецца толькі парогам перад дасягненнем неўміручасці. Відавочна, што аўтар адчувае пагарду да тых умоў жыцця, у якіх чалавечы індывід вымушаны існаваць. Сваё стаўленне пісьменнік прадэманстраваў праз характар Разарыё Ла Чура. У найвышэйшай ступені “сімвалічныя пляўкі” прафесара (“I miei spiti sono simbolici e altamente culturali” – “Мае пляўкі глыбока сімвалічныя і высокакультурныя” [7, с. 434]) трэба ўспрымаць як рэакцыю на ўсё тое, што адбываецца вакол: на хворых і ўбогіх чалавечых істот, асуджаных на разбэшчанасць з прычыны сваёй смяротнай прыроды. Акрамя неувцтва ўсіх наведвальнікаў “Лімба”, існуе іншы сусвет, здольны задаволіць любое жаданне, падарыць метафізічны вопыт. У ім прафесар і знаходзіць прытулак і суцяшэнне. Межы свядомасці пашыраюцца, нават руйнуюцца, і прырода ўяўляецца бясконцым быццём. Час – ненадзейнае, нават ілжывае паняцце, і адзінае ўспрымання часу – гэта ўспрымання вечнасці, калі мінулае, сучаснасць і будучыня ўтвараюць абсалютнае адзінства. У метафізічным вопыце не існуе ні смерці, ні нараджэння. Невыпадкова словы “вечны” і “вечнасць” даволі часта сустракаюцца ў тэксце. У метафізічным успрыманні смерць – гэта толькі канцэпцыя, форма без зместу. Цікавы і зварот Т. дзі Лампедузы да платонаўскай тэорыі ідэй, паводле якой толькі душа здольная спазнаць ідэі.

У беларускай літаратуры існуе шмат твораў, дзе ўзгадваюцца русалкі. Напрыклад, І. Ф. Штэйнер, беларускі літаратуразнаўца, у рабоце “Русалка-спакусніца: анталогія ўсходнеславянскай баллады” [17] аб’яднаў прысвечаныя ім паэтычныя творы наступных пісьменнікаў: М. Багдановіча, Я. Баршчэўскага, В. Дуніна-Марцінкевіча, Я. Купалы, А. Міцкевіча, М. Чарота, Я. Чачота і інш.

Аповесць А. Кажадуба “Русалка” была абрана ў якасці аднаго з аб’ектаў даследавання, каб супаставіць яе з аповесцю Т. дзі Лампедузы “Сірэна” і выявіць агульнае і адметнае ў вобразах і ўяўленнях пра сірэну і русалак прадстаўнікоў італьянскай і беларускай культур.

Алесь Кажадуб (Аляксандр Канстанцінавіч Кажадуб) нарадзіўся 27 верасня 1952 г. у г. Ганцавічы Брэсцкай вобласці. У 1975 г. адбыўся яго дэбют у літаратуры: у часопісе “Малодосць” было апублікавана яго першае апавяданне “У канцы лета”. У 1977–1981 гг. ён працаваў рэдактарам літаратурна-драматычных перадач Беларускага тэлебачання, што знайшло адлюстраванне ў творах пісьменніка. Сапраўднай жа школай творчага майстэрства сталі Вышэйшыя літаратурныя курсы ў Маскве, дзе ён вучыўся з 1983 па 1985 г. і пасля заканчэння якіх заняўся творчай працай. Апавяданне і аповесць сталі любімымі жанрамі пісьменніка і склалі кнігі “Тарадок” (1980), “Размова” (1985), “Лесавік” (1987), “Дарога на замчышча” (1990), “Святы калодзеж” (1994) і інш. Праблемы, якія ўзнімае пісьменнік у сваіх творах, датычацца маральнага здароўя грамадства, духоўнага свету сучасніка, узаемаадносін бацькоў і дзяцей, жыцця вёскі і клопатаў вясцоўцаў, стану навакольнага асяроддзя. Некаторыя яго творы прысвечаны Палессю – “Мае рэкі”, “Ваўкалак”, “Высока сонейка, высока”, “Лесавік” і г. д. У часопісе “Малодосць” у 2008 г. была надрукавана аўтабіяграфічная аповесць “Без настальгіі”, у якой ужо прызнаны майстар мастацкага слова прыгадвае сваю малодосць і працу ў Мінску. У 2015 г. выйшла кніга “Здарэнне на Нікіцкай” (на мове арыгінала – “Случай на Никитской”) [18].

Аповесць “Русалка” А. Кажадуба была апублікавана ў часопісе “Малодосць” у 2005 г. і ўяўляе сабой твор, у якім пісьменнік своеасабліва выкарыстоўвае міфалагічныя сюжэты і вобразы. Свядома да інтэрпрэтацыі старажытнагрэчаскіх міфаў, Бібліі (Наваліс, Кітс, Байран і інш.), а таксама да нацыянальных легенд і паданняў (Ф. дэ ла Мот Фуке, К. Брэнтана, А. фон Арнім, Э. Т. А. Гофман, А. Міцкевіч і інш.) пачалі звяртацца пісьменнікі эпохі рамантызму (XIX ст.).

Гэта з’ява мела месца як рэакцыя на ідэалогію, асветніцкія прынцыпы XVIII ст. і сацыяльныя зрухі стагоддзя. Новая хваля інтарэсу да міфаў з’явілася ў літаратуры ў першым дзесяцігоддзі XX ст., што было абумоўлена пачаткам новай эпохі ў літаратуры і мастацтве – мадэрнізму. Факт фарміравання неаміфалагізму ў межах мадэрнізму тлумачыцца крызісам пазітывізму, расчараваннем у аналітычных шляхах пазнання і неабходнасцю стварэння цэласнага і валявога героя, якога бачылі ў міфах. У другой палове XX – пачатку XXI ст. у так званую эпоху постмадэрнізму пісьменнікі пачалі інтэрпрэтаваць старажытнагрэчаскія міфы, пераказваючы іх ад асобы аднаго з герояў (Л. Малерба, Г. Панас, Дж. Арчар і інш.), а таксама працягваючы традыцыю выкарыстання вобразаў і сюжэтаў нацыянальнай міфалогіі і фальклору (Т. дзі Лампедуза, Я. Сіпакоў, А. Наварыч і інш.).

Канцэпцыя дадзенай работы патрабуе прааналізаваць адзін з твораў беларускай літаратуры, які пераклікаецца з творам італьянскага пісьменніка Т. дзі Лампедузы “Сірэна”. Для гэтага намі была абрана аповесць “Русалка” беларускага пісьменніка А. Кажадуба.

Гісторыя пачынаецца з таго, як сябры Васіль, Кастусь і Аляксандр (галоўны герой аповесці) прыехалі на радзіму аднаго з іх (Васіля), каб зняць стужку пра традыцыйнае святкаванне Купалля.

Вобразы Кастуся і Васіля раскрываюцца амаль што з першых радкоў твора. Так, Кастусь паўстае перад чытачом палкім аматарам жанчын. Першае пытанне, якое ён задае Васілю па прыездзе на яго радзіму, гэта: “А дзе дзяўчаты?” [19, с. 53]. Увогуле аповед вядзецца ад першай асобы, ад асобы Аляксандра, які апісвае сваіх сяброў і прыгадвае некаторыя падзеі з іх жыцця. Тут аўтар тэксту карыстаецца такім кампазіцыйным прыёмам, як рэтраспекцыя, які характарызуецца тым, што лінейны аповед перарываецца ўспамінамі галоўнага героя і гэтыя ўспаміны ўяўляюць сабой кароткія гісторыі, што спрыяюць лепшаму разуменню сітуацыі, у якой апынуліся героі, ці раскрываюць іх характары і тлумачаць іх паводзіны. У цэлым усіх персанажаў чытач успрымае праз прызму бачання галоўнага героя. Напрыклад, Аляксандр успамінае, што “колькі я не ездзіў з Кастусём у камандзіроўкі, заўсёды ён сярод дзяўчат” [19, с. 56], і распавядае пра адзін выпадак, калі яны разам убачылі прыгожую бландзінку і Кастусь лёгка і проста падышоў да яе знаёміцца. Акрамя гэтага, галоўны герой гаворыць, што Кастусь, “працуючы на тэлебачанні, лічыў, што свет круціцца выключна вакол ягонае асобы, і таму капрызіў з любой нагоды” [19, с. 53]. Такім чынам, дадзены персанаж гарадскога паходжання (“лес сёння ён [Кастусь] убачыць упершыню ў жыцці” [19, с. 59]), аператар, фатограф, працуе на тэлебачанні, самаўпэўнены, нават эгацэнтрычны (вельмі любіць сябе), капрызлівы, аматар жаночай увагі, да кожнай дзяўчыны ён ведае падыход, але ў той жа час пыхотны. Цікава, што аўтар малюе вобраз Кастуся як супярэчлівай і неадназначнай асобы: з аднаго боку, ён выключна гарадскі чалавек, які добра ведае тэхніку і выдатна ёй карыстаецца (ён аператар і фатограф), але ў той жа час ён цікавіцца русалкамі. Нават галоўны герой пытаецца ў сябе: “Але чаму пра русалак загаварыў Кастусь, дзіця горада, абвешаны фотаапаратамі і кінакамерамі, у якога ў галаве адны дзеўкі, і зусім не русалкі?” [19, с. 55]. Увогуле, род яго дзейнасці спрыяе такой лініі паводзін: ён фатограф, чалавек творчы, з тонкай душэўнай арганізацыяй і адчувае рэчаіснасць крыху не так, як іншыя людзі. Ён бачыць прыгажосць там, дзе яе не заўважаюць астатнія, але Кастусь кожны раз занадта захоплены пошукам новай дзяўчыны, таму можа падацца, што герой даволі распушчаны чалавек, які кіруецца моцнымі жаданнямі ці патрэбамі цела. Усе прыведзеныя вышэй характарыстыкі героя дазваляюць сцвярджаць, што вобраз Кастуся ўвасабляе архетып Каханка, згодна з класіфікацыяй Р. Мура [20], і ценявы бок архетыпа Блазна, паводле тэорыі К. Пірсан [12].

Васіля Аляксандр апісвае як “сапраўднага палешука” (нарадзіўся ў вёсцы Церабеі “на мяжы Украіны і Беларусі”, “на берагах Гарыні”), таму што ён “быў, па-першае, негаваркі, а па-другое, упарты” [19, с. 53]. Акрамя таго, “Васіль зрабіўся вядомым фалькларыстам, выкладаў ва ўніверсітэце” [19, с. 53]. Сяброў ён пасяліў у сваёй роднай хаце, і яго бацькі вельмі добра прынялі гасцей: “Адна з жанчын заўзята шуравала ў печы вілкамі, другая ставіла на стол талеркі, трэцяя несла з сенцаў жбан з кіслым малаком. Бацька Васіля стаяў з бутэлькай у руцэ і не ведаў, ці наліваць у чаркі ці пачакаць, пакуль госці рассядуцца за сталом” [19, с. 56]. Наконт Васіля складваецца ўражанне, што ён вялікі аматар выпіць: па-першае, як толькі яны прыехалі ў яго родныя мясціны, іх сустрэў аднавясковец і, верагодна, сябар Васіля Мікола, капітан ДАІ, і яны прапусцілі

па чарцы, па-другое, дома зноў выпілі ў гонар прыезду, і, па-трэцяе, “Вайтовіч (“наш славуты фалькларыст” [19, с. 54]) яго падтрымаў, калі дысертцыю Васіля не прынялі да абароны. З кім бы ён дэгуставаў мясцовыя напоі, калі б Васіль не абараніўся” [19, с. 58]. Яшчэ Васіль пачаставаў Аляксандра “першаком” з прыватнага бровара, а русалка так і сказала галоўнаму герою пра Васіля: “П’яніца ён...” [19, с. 70]. Васіль апісваецца як “мажны” з “лысаватай галавой” мужчына. Ён быў жанаты, але яго жонка засталася ў горадзе. Аднак Васіль не супраць знайсці сабе дзяўчыну на час святкавання Купалля і, калі яму нагадваюць пра яго сямейнае становішча, ён адказвае: “Гэта што – я зноў застаюся адзін? <...> Моладзь у лес, старыя за стол” [19, с. 59]. Васілю таксама вельмі падабаецца спяваць, але “голас Васіля не трапляў у такт <...> Ён заўсёды так спяваў – спазняючыся ці апераджаючы іншыя галасы” [19, с. 58]. Знаходзячыся ў нецвярозым стане, Васіль змог убачыць русалку, якую звычайныя людзі назіраць не маглі, і размаўляў з ёй даволі груба. Такім чынам, Васіль – мясцовы ўраджэнец, фізічна моцны, прамы і нешматслоўны, гасцінны і добры са сваімі таварышамі, просты і бяхітрасны, але, нягледзячы на наяўнасць інтэлекту (фалькларыст, выкладчык ва ўніверсітэце і кандыдат навук), праяўляе агрэсію і гатовы да дэманстрацыі грубай сілы, пра што сведчаць пагрозы ў адрас русалкі і гісторыя пра тое, як мясцовыя жыхары (Васіль у тым ліку) аднойчы пазбавілі вёску ад ведзьмы, спаліўшы яе хату разам з ёй самой. Прыняўшы пад увагу дадзенае апісанне, дапушчальна прыняць яго як увасабленне архетыпа Ваяра.

Галоўны герой твора Аляксандр, як і яго сябар Васіль, паходзіць з Палесся: “Мае Ганцавічы знаходзяцца паміж Баранавічамі, Слуцкам і Пінскам” [19, с. 53–54]. Пра яго можна сказаць, што ён спакойны і сціплы чалавек (“роля генерала на вяселлі не падабалася мне нават у маладосці” [19, с. 54]). Аляксандр не вельмі адкрыты і ўпэўнены ў сабе. Пісьменнік выкарыстоўвае прыём вобразнага проціпастаўлення герояў (Аляксандра і Кастуся) для дэманстрацыі станоўчых якасцей Аляксандра. Галоўны герой не раз здзіўляўся таму, як Кастусю ўдаецца атрымліваць толькі станоўчыя адказы ад усіх дзяўчат, да якіх ён падыходзіў знаёміцца. Дзякуючы прыёму рэтраспекцыі, чытач даведваецца, што Аляксандр – двайны цэзка свайму дзеду знахару і вельмі падобны на яго знешне. Аднавяскоўцы дзед Аляксандра прыйшлі паглядзець на ўнука такога незвычайнага чалавека, паколькі ведалі, што “ўнукам уся сіла перадаецца”. І вось у лесе ў чароўную ноч падчас свята Івана Купалы менавіта Аляксандра русалка абрала сваім спадарожнікам. Галоўны герой твора – носьбіт мудрасці папярэдніх пакаленняў сваіх продкаў, ён унікальны чалавек, які гэтага не ўсведамляў, а толькі адчуваў на ўзроўні нейкіх жывёльных пачуццяў, інстынктаў. Русалка кажа Аляксандру: “А ты наш. <...> Няўжо ніколі не здагадаўся?”. “Ён паглядзеў у неміргаючыя вочы русалкі – і ўсё зразумеў” [19, с. 62]. Такім чынам, Аляксандр, чалавек добры, сціплы, на першы погляд зусім звычайны, аказаўся асобай, якая валодае звышнатуральнай сілай. Ён змагаецца са спакусай, бо, па словах русалкі, калі паміж імі адбудзецца фізічнае збліжэнне, яны згубяць сваю чароўную моц. І кожны раз, калі Аляксандр жадае проста дакрануцца да гэтай казачна прыгожай істоты, яна адразу нагадвае яму пра неспрыяльныя наступствы. На наш погляд, так выяўляецца здольнасць галоўнага героя ўплываць на падзеі: ад яго выбару залежыць, што будзе далей. Архетып Чараўніка з класіфікацыі К. Пірсан [12] таксама часткова знайшоў сваё адлюстраванне ў вобразе Аляксандра, які можа трансфармаваць рэальнасць, дасягаючы ўсё больш высокіх узроўняў усведамлення.

Факт абуджэння індывідуальнай свядомасці галоўнага героя, вылучэння індывідуальнай псіхікі з калектыўнага несвядомага (тое, што ён “усё зразумеў”, спазнаў сваю ўнікальнасць і сілу) дазваляе сцвярджаць, што ў вобразе Аляксандра атрымлівае ўвасабленне архетыпа Дзіцяці (К. Г. Юнг). Згодна з класіфікацыяй Дж. Кэмпбэла, галоўны персанаж таксама мае рысы архетыпа Героя, паколькі ён вымушаны пакінуць звыклы яму свет і адправіцца на сустрэчу прыгодам і рознага роду выпрабаванням у свет, які можна вызначыць як незвычайны [10].

Аповесць называецца “Русалка”, што сведчыць пра адметную ролю вобраза дадзенай міфалагічнай істоты. Як і ў творы Т. дзі Лампедузы “Сірэна”, яна (сірэна) з’яўляецца адным з ключавых персанажаў гісторыі. Цікава, што ў італьянскай культуры ў цэлым і ў творчасці Т. дзі Лампедузы ў прыватнасці сірэна апісваецца як істота боскага паходжання: менавіта Лігея лічылася дачкой музы Каліёпы, і сам Ла Чура ставіўся да яе з вялікай павагай. Вядома, што ў некаторых

паўднёвых рэгіёнах Італіі русалак шанавалі як вышэйшых стварэнняў. Іх незвычайна прыгожыя галасы манілі да сябе маракоў, і яны, зачараваныя песнямі сірэн, разбіваліся аб скалы. Той факт, што русалка выбірала таго ці іншага мужчыну сабе ў палюбоўнікі, нейкім чынам узвышаў яго над астатнімі. У выпадку з прафесарам Ла Чурай любоўная сувязь, якая аднойчы мела месца з міфалагічнай істотай, стала прычынай практычна пустэльніцкага ладу жыцця, таму што ён не мог нават глядзець на звычайных жанчын пасля такога дару язычніцкіх багоў, як Лігея. Нагадаем, што Т. дзі Лампедуза апісвае сірэну як вельмі прыгожую шаснаццацігадовую (на знешні выгляд) дзяўчыну з рыбіным хвастом, хаця ўвогуле ў міфалогіі сірэна была напалову жанчынай і напалову птушкай.

У славянскай міфалогіі найбольш вядомымі з’яўляюцца два віды русалак: рачныя (рэдка марскія, што абумоўлена арэалам распаўсюджання славянскіх плямёнаў), якія былі напалову дзяўчынамі, напалову рыбінамі, і лясныя, якія выглядалі як звычайныя маладыя жанчыны, адзеннем для іх служылі вельмі доўгія і прыгожыя валасы. Адваротным з’яўляецца стаўленне да русалак у славянскай культуры (у прыватнасці, у беларускай) у параўнанні з заходняй (італьянскай). Па-першае, на нашых землях русалак лічылі душами тапельніц, што выклікае хутчэй жах і негатыўнае стаўленне да гэтых істот. Па-другое, найбольш распаўсюджанымі былі лясныя русалкі, у якіх не было рыбінага хваста і якія жылі ў лесе, вадзілі карагоды і віселі (ці сядзелі) на галінах дрэў. Але яны таксама спакушаюць мужчын і могуць замілаваць іх да смерці. Лічылася, што асабліва небяспечнымі для чалавека русалкі былі на русальным тыдні (тыдзень пасля свята Тройцы) і ў купальскую ноч. Такім чынам, у славянскай традыцыі русалак баяліся і стараліся пазбягаць сустрэчы з імі.

У аповесці А. Кажадуба “Русалка” героі Аляксандр, Кастусь і Васіль, прыехаўшы на радзіму апошняга на святкаванні Купалля, адразу цікавяцца пра тое, дзе русалкі. Як для вялікага аматара дзявочай прыгажосці, гэтае пытанне асабліва важна для Кастуся. Але ў ходзе развіцця сюжэта, русалка паказваецца менавіта Аляксандру. У дадзеным творы русалка паўстала перад вачыма галоўнага героя такой: “Яна была сярэдняга росту. Распушчаныя валасы, схопленыя сырамятным раменьчыкам, хваляю спадалі да паясніцы. На клубках спадніца з лісця аеру. Маленькія грудзі аголеныя. Босыя ногі. Колер яе вачэй у месячным святле вызначыць было цяжка” [19, с. 61]. Крыху пазней высветлілася, што вочы ў яе зялёныя, што ёй дзевятнаццаць год і імя яе Маша. І яшчэ: “Яна была настолькі прыгожая, што мне страшна было на яе глядзець. Чысты твар, празрыстыя вочы, рэзка акрэсленыя крылцы прамога носа, пажадлівая лінія вялікага рота, маленькія грудзі. Каля куточкаў вачэй сетачка ледзь прыкметных зморшчын. На выгляд, ды і па манерах яна мне здавалася гімназісткай з пазамінулага стагоддзя” [19, с. 67]. На першы погляд, звычайная дзяўчына, але пры дапамозе зёлак, у якіх яна вельмі добра разбіралася, русалка змяняла свядомасць галоўнага героя, уплывала на яго стан і на ўспрыманне навакольнага асяроддзя. Напрыклад, па-першае, непрыкметна рукою зняла заслону з вачэй Аляксандра, і ён пачаў добра бачыць у цемры. Па-другое, русалка прапаноўвае герою пакупацца ў рацэ, каб вымыць з яго атруту (гарэлку, якую ён дэгуставаў з Васілём), таму што свядомасць павінна быць незатуманенай. Па-трэцяе, прапанаваўшы Аляксандру пэўныя травы, яна робіць так, што ён можа лятаць і нават хутка перамяшчаецца ў часе: ажыццяўляе палёт на радзіму дзеда і прапаноўвае русалкі паляцець яшчэ далей, а таксама падарожжа Аляксандра ў мінулае, дзе ён убачыў свайго дзеда. Усе гэтыя падзеі з’яўляюцца больш ці менш яўнымі алюзіямі на творы М. В. Гогаля (“Ноч перад Калядамі” і “Майская ноч, або Тапельніца”) і М. А. Булгакава (“Майстар і Маргарыта”), якія прыгадваюць самі героі, калі выбіраюць, куды б яны маглі паляцець.

Жаночыя вобразы аповесці – Каця і Вера – служаць для лепшага раскрыцця мужчынскіх персанажаў. Каця – выпускніца педагагічнага ўніверсітэта, прыгожая маладая рудаваалосая дзяўчына – адказвае ўзаемнасцю Кастусю на яго праявы сімпатыі і зацікаўленасці. Менавіта яе вобраз паказвае на такія рысы характару Кастуся, як мужнасць, рызыкаўнасць і дабрыня: “[Пайсці у лес] з Кастусём не баюся”, – гаворыць Кацярына [19, с. 58]. Аляксандар адказвае: “Кастусь, канечне рызыкаўны хлопец...” [19, с. 59]. І затым Кацярына “сэрцам адчувае”, што “ён [Кастусь] харошы”. Мяркуем, што функцыя такога жаночага персанажа, як Вера, заключаецца ў дэманстрацыі таго, наколькі Кастусю ўсё роўна, з кім бавіць час – з ёй або з Кацяй, таму што ён

сімпацізуе абедзвюм, і дзяўчаты адказваюць тым жа. Акрамя гэтага, Кацярына ў адным з эпізодаў выступіла індикатарам, які праявіў такую якасць характару Васіля, як легкадумнасць: “Кастуся ўсе кахаюць, – гмыкнуў Васіль. – Ты вось мяне пакахай”. Каця адказвае: “У вас у горадзе жонка.” – “Дык тое ў горадзе...” [19, с. 59]. Гэта значыць, што Васіль не супраць завязаць інтрыжку на час знаходжання ў гэтых краях.

А. М. Андрэеў лічыць, што ўсе творы сусветнай мастацкай літаратуры, прызнаныя вялікімі, апісваюць працэс станаўлення ад чалавека да асобы, ад натуры да культуры: “Асоба знаходзіцца ў цэнтры ўвагі мастацтва. Асоба кажа пра асобу, для асобы і сродкамі, уласцівымі асобе. Вобраз служыць адначасова сродкам пазнання і перадачы выключна чалавечай інфармацыі і ў той жа час адлюстроўвае саму сутнасць існавання асобы. Цэласнасць з’яўляецца ўласцівасцю не толькі ладу, але і таго, што змяшчаецца ў вобразе асобы” [21, с. 15, 30]. У літаратуры фарміруецца асаблівае бачанне асобы, яе мастацкае ўвасабленне. Мастацкая канцэпцыя асобы дынамічная: кожная новая эпоха і кожны новы творчы метады прапануе новыя арыенціры і, такім чынам, прыўносіць змены ва ўжо існуючую канцэпцыю. Дадзеная канцэпцыя знаходзіць мастацкую рэалізацыю ў стварэнні пэўных тыпаў герояў, выяўляецца ў светапогляднай пазіцыі пісьменніка і ў яго творчым метады і стылі.

Аналізуючы аповесць А. Кажадуба “Русалка”, апішам спецыфіку канцэпцыі асобы дадзенага твора. Галоўным героем з’яўляецца Аляксандр, ад яго імя вядзецца апавед, але аўтар не раскрывае чытачу ніякай падрабязнай інфармацыі пра героя. Усё, што распавядаецца пра Аляксандра, гэта тое, што ён родам з Палесся (Ганцавічы), прыехаў “з самой Масквы” на малую радзіму свайго таварыша Васіля, які выкладае ва ўніверсітэце і абараніў дысертацыю па фалькларыстыцы. Сам Аляксандр успамінае нейкага Генадзя Іванавіча Вайтовіча, кажучы пра яго “наш славуты фалькларыст”. Дадзеная інфармацыя дазваляе выказаць здагадку, што і сам галоўны герой мае дачыненне да вышэйзгаданай сферы дзейнасці. У працэсе развіцця сюжэта таксама становіцца вядома пра ўнікальную і магічную сілу Аляксандра, якую ён атрымаў у спадчыну ад свайго дзеда. Паколькі апавед вядзецца ад асобы галоўнага героя, чытач атрымлівае дастаткова інфармацыі аб іншых персанажах, але скласці сваё ўяўленне пра самога Аляксандра можна толькі дзякуючы нешматлікім прыкладам рэтраспекцыі, выказванням яго таварышаў пра яго ці па словах і ўчынках самога галоўнага героя. Аднак пасля чытання дадзенага мастацкага тэксту складаецца ўражанне, што ўсе дзеючыя героі з’яўляюцца фрагментамі адной асобы, якая і павінна быць увасабленнем цэнтральнага персанажа Аляксандра. Яму не хапае ўпэўненасці ў сабе, ненадакучлівай настойлівасці ў зносінах з дзяўчатамі (любыя праявы зацікаўленасці Аляксандра да Каці і русалкі Машы і жадання пагутарыць перарываліся). Кастусь увасабляе ў сабе гэтыя якасці, ён любімчык у жанчын і носьбіт рыс, характэрных архетыпу Каханка. Аляксандр – даволі сціплы, ураўнаважаны і мяккі чалавек, а Васіль – увасабленне архетыпа Ваяра, валодаючы прамалінейнасцю, ён часам выяўляе ганарыстасць і грубасць. Жаночыя вобразы, на нашу думку, тут задуманы як увасабленне феміннага боку асобы галоўнага героя (архетып Анімы): Кацярына і Вера – зямныя жаночыя пачатак, русалка – звышнатуральны, але разам яны дапаўняюць вобраз галоўнага героя, робячы яго цэласным, спрыяючы яго станаўленню ад чалавека да асобы, ад цела да духу, г. зн. здабыццю Самасці (К. Г. Юнг).

У аповесці прысутнічаюць адсылкі да твораў М. В. Гогаля (развязка аповесці: быццам русалка Аляксандру прыснілася, а ён быў з рэальнай дзяўчынай) і М. А. Булгакава (палёт, аголенасць, свавольствы істоты з іншага свету, купанне – вада выконвае функцыю ачышчэння). Акрамя гэтага, у дадзеным літаратурным тэксце мае месца фрагментарнасць апаведу (выкарыстанне прыёму мантажу), якая заключаецца ў рэзкай змене апісаных эпізодаў. У нейкай ступені ў аповесці прысутнічае плюралізм, які выяўляецца ў рознабаковым успрыманні таго, што адбылося: галоўным героем (знутры) і яго таварышамі (збоку). Напрыклад, у канцы гісторыі Васіль кажа Аляксандру, каб ён быў больш асцярожны, бо дзяўчына Маша, з якой галоўнага героя ўбачыў Васіль, – васьмікласніца з суседняй вёскі, і што гэтая сувязь можа дрэнна скончыцца, у той час як Аляксандр ведаў, што гэта была русалка. Або версія Кастуся, Кацярыны і Веры пра тое, што сярод бяхмарнага неба грывнуў гром і пачалася навальніца, а галоўны герой на ўласныя вочы бачыў, што гэта русалка напалохла яго сяброў. Адсутнасць аўтарытэтаў праяўляецца ў выглядзе дэсакралі-

зацы міфалагічнага вобраза русалкі. Аўтар як бы спускае яе з недаступных для простага смяротнага чалавека вышынь іншасвету, называючы яе Машай. Аднак у гэтым імені, на нашу думку, мае месца адсылка да Дзевы Марыі, вобраз якой увасабляе архетып Вялікай Маці (у хрысціянскай традыцыі – жанчына, якая дала жыццё Божаю сыну). У класіфікацыі архетыпаў К. Г. Юнга архетып Маці ў літаратурных творах можа быць выяўлены вобразамі хтанічных істот, якім уласна і з’яўляецца русалка. Свядома зрабіўшы міфалагічную істоту героем твора, А. Кажадуб увавобіў архетып (Вялікай) Маці ў яе вобразе. Акрамя гэтага архетыпа, вобраз русалкі – увасабленне архетыпа Эраса і Танатаса. У ёй спалучаецца прыродная сексуальнасць і бязлітаснасць, здольнасць забіць: “Хочаш, каго-небудзь утаплю?” – кажа русалка [19, с. 69]; або “Зараз пацалую цябе – і памром” [19, с. 75]. Аднак характэрным з’яўляецца сам вобраз русалкі ў творах беларускага і італьянскага пісьменнікаў, яго падабенства і адрозненні (табл. 1).

Табліца 1. Адрозненні паміж вобразами сірэны Лігеі і русалкі Машы

Table 1. Differences between the images of the siren Ligeia and the mermaid Masha

Т. дзі Лампедуза “Сірэна”	А. Кажадуб “Русалка”
<i>Імя</i>	
Лігея	Маша
<i>Архетып (Вялікай) Маці</i>	
Боскае паходжанне (дача Каліёпы), выключна станоўчае стаўленне, павага, пакланенне, любоў усяго жыцця галоўнага героя прафесара Ла Чура (мае месца фізіялагічны кантакт). Нягледзячы на яе паходжанне, герой кажа пра яе, што гэта “проста русалка з раздвоеным хвостом”. Падкрэсліваецца яе паўжывёльная прырода.	Паходжанне дэманічнае (душа скончыла жыццё самагубствам дзяўчыны), не з’яўляецца аб’ектам духоўнай глыбокай пашаны, а толькі цялеснай пажадлівасці, збоку людзей стаўленне негатыўнае: аспярога, недавер, часам грэбаванне. Галоўны герой Аляксандр праводзіць з ёй святочную купальскую ноч (адсутнасць фізіялагічнага кантакту).
<i>Архетып Правадыра</i>	
У сферы любоўных адносін.	У іншай рэальнасці.
<i>Знешні выгляд</i>	
Лігея	Маша
Паўстае ў абліччы “шаснаццацігадовай дзяўчыны”, якая “выйшла з мора” з “дзвюма маленькімі рукамі”, “бледнымі вуснамі”, “з вострымі і белымі зубамі, як у сабак”, “валасамі колеру сонца”, “вельмі вялікімі зялёнымі вачамі” і “дзіцячымі чыстымі рысамі”.	“Яна была сярэдняга росту. Распушчаныя валасы, схопленыя сырамятным раменьчыкам, хваляю спадалі да паясніцы. На клубках спадніца з лісця аеру. Маленькія грудзі аголеныя. Босыя ногі. Колер яе вачэй у месячным святле вызначыць было цяжка” [19, с. 61]. Пазней галоўны герой заўважае, што вочы ў яе зялёныя, і даведваецца, што ёй дзевятнаццаць год.
У італьянскай міфалогіі толькі марскія істоты.	У беларускай міфалогіі рачныя і лясныя істоты.
Завабліваюць маракоў і рыбакоў сваім чудаўным голасам (духоўны пачатак).	Завабліваюць мужчын сваім аголеным целам (цялеснае, жывёльны пачатак).
Паказваюцца людзям у асноўным у летнія месяцы.	Паказваюцца людзям на русальным тыдні (тыдзень пасля Святой Тройцы) і на Купалле.
Несмяротная.	Смяротная.

Нягледзячы на тое, што ў беларускай культуры такая істота, як русалка, успрымаецца негатыўна, у аповесці А. Кажадуба гэты персанаж не з’яўляецца адмоўным. У аповесці адсутнічае антаганіст: галоўнаму герою ніхто ні ў чым не перашкаджае, ён ні з кім не варагуе і г. д. Такім чынам, архетып Цені ў адрозненне ад раней разгледжаных твораў беларускіх і італьянскіх аўтараў не атрымаў свайго ўвасаблення. Цікава, што ў аповесці “Сірэна” таксама адсутнічае вораг галоўнага героя. Аднак ёсць падставы меркаваць, што пісьменнікам апісаны працэс сутыкнення зямнога і звышнатуральнага “я” цэнтральнага персанажа. Гэта зноў нагадвае раман М. А. Булгакава “Майстар і Маргарыта”, а менавіта выказванне Маргарыты, калі ў эпизодзе пасля балю яны з майстрам апынуліся ў падвальчыку, у якім раней былі шчаслівыя і з якога, можна сказаць, усё пачыналася: “<...> Я страціла сваю прыроду, памяннула яе на новую” [22; 23, с. 360]. У нейкай ступені Аляксандр таксама змяніў сваю прыроду: яму адкрылася нешта новае – магічная сіла, пра якую ён раней не падазраваў: “Таворачы з русалкаю, я адчуваў сябе звычайным

чалавекам. Але варта было мне перавесці позірк на каго-небудзь з людзей, што бегалі па поплыве, як я рабіўся чужым гэтаму племені. Ува мне змагаліся зямны і нябесны пачаткі...” [19, с. 71]. Русалка сказала яму: “<...> Мы сустрэліся не выпадкова. <...> Гэта бывае аднойчы ў жыцці” [19, с. 62]. Гэта значыць, што асноўная задача персанажа – знайсці сябе, прыйсці да Самасці, што ён і робіць у працэсе развіцця сюжэта.

У аповесці маюць месца такія ўніверсальныя архетыпы, як Вада (згадка буйных рэк, напрыклад, Прыпяць, Днепр, Сож). Цікавай з’яўляецца сцэна купання галоўнага героя ў лясным возеры, вада якога выканала функцыю ачышчэння і нават хрышчэння, што азнаменавала перараджэнне героя. Падобную функцыю выконвае агонь купальскіх вогнішчаў. Рытуал пераскоквання вогнішча накіраваны на ачышчэнне: “Вогнішча палала на беразе ракі. Трашчала сухое голле, выкідваючы ўгору слупы іскры. Агнявыя бліскавіцы выхоплівалі ў цемры твары, якія смяяліся. Хлопцы тоўпіліся вакол вогнішча, баючыся скакаць праз высокі агонь. Я ўвайшоў у сярэдзіну вогнішча. Агонь абцякаў маё цела, не дакранаючыся да яго, толькі патрэскавалі валасы” [19, с. 68]. У цэлым гэтая сцэна выклікае асацыяцыі з Пеклам, дзе палае д’ябальскі агонь, а дэман смяюцца, назіраючы за пакутамі грэшных душ. Аднак тут аўтар, па-першае, падкрэслівае ўнікальнасць героя (Аляксандр увайшоў у агонь і застаецца цэлым), па-другое, яго адвагу (хлопцы баяцца, а ён не), па-трэцяе, такім чынам Аляксандр праходзіць хрышчэнне яшчэ і агнём. У такім значэнні вада і агонь з’яўляюцца ўніверсальнымі вобразамі – архетыпамі.

Варта таксама звярнуць увагу на тэму спакушэння ў аповесці “Русалка”. Звычайна спакуса мае ў сваёй аснове як фальклорныя, так і біблейскія крыніцы. Праз спакусу, якую можна разглядаць як цягу да якога-небудзь дзеяння, раскрываюцца як станоўчыя, так і адмоўныя ўласцівасці чалавека. Сур’ёзным выпрабаванням могуць падвяргацца воля чалавека, цвёрдасць духу, яго маральныя якасці. Заахвочвальнымі матывамі спакусы часта выступаюць кліч плоці або, іншымі словамі, “сатанінскае насланне”. Плоцевыя спакусы цесна звязаны з духоўным светам чалавека, яны маюць карані ў яго прыродзе. Так, Аляксандр ледзь стрымлівае цялеснае жаданне, глядзячы на прыгожую русалку, і яму ўдаецца прайсці першае выпрабаванне – спакусу целам. Аднак яго яшчэ чакае выпрабаванне золатам, якое ён таксама ўстойліва вытрымаў, не спакусіўшыся на скарбы, якія, здавалася б, належалі яму па праве (дзядулева спадчына). Асобнай увагі заслугоўвае адсылка да біблейскай гісторыі, якая выявілася ў тым, што сярод каштоўных камянёў і манет, закапаных у садзе дзеда Аляксандра, знаходзілася залатая статуэтка Юды. Аляксандр зацікавіўся тым, як яна магла трапіць да яго дзеда, і просіць русалку адправіць яго ў мінулае, каб дазнацца, што яго дзед, стаўшы ахвярай здрады, вымушаны быў ратавацца, забіўшы чалавека. Важна, што аўтар абраў вобраз Юды, які здрадзіў Ісусу Хрысту ўсяго толькі за трыццаць сярэбранікаў. У аповесці ад статуэткі, адлітай з золата, у сваю чаргу адмаўляецца галоўны герой, перапыніўшы тым самым распаўсюджванне зла, выкліканага чалавечай сквапнасцю: “Мы залатому ідалу молімся, а ён усім здрадзіць. Я таму і пакінуў апостала пад дрэвам, што няма чаго Юду па белым свеце шлындаць” [19, с. 78].

Творчы метада, у межах якога была напісана аповесць А. Кажадуба “Русалка”, вызначаецца намі як рэалізм. Факт звароту пісьменніка да міфалогіі і фальклору, выкарыстанне прыёму “абытаўлення” цуду, спецыфічны хранатоп (цыклічнасць) і элементы карнавалізацыі¹ дазваляюць сцвярджаць, што дадзены твор мае рысы магічнага рэалізму.

Дзеянне аповесці разгортваецца падчас народнага свята Купалля. Аўтар рыхтуе чытача да ўспрымання незвычайнай гісторыі, некалькі разоў падкрэсліваючы факт перасячэння нейкай мяжы. Напрыклад, Васіль тлумачыць таварышам, куды яны прыехалі: “Тут праходзіць мяжа Столінскага раёна <...> Бачыш дуб? Вось па ім мяжа праходзіць”; “Ягоная [Васіля] вёска стаяла на мяжы Украіны і Беларусі” [19, с. 53]; “Мае Ганцавічы знаходзяцца паміж Баранавічамі, Слуцкам і Пінскам” [19, с. 53–54]; “Зямлю межамі перагарадзілі. <...> Лічылася, што русалка не магла перайсці праз мяжу на полі” [19, с. 55]. Героі літаральна адразу рыхтуюцца аказацца ў таямнічай атмасферы легенд і традыцый купальскай ночы. Яны павінны перайсці гэтую мяжу і апынуцца ў іншым сусвеце. Звычайным і непрыкметным для астатніх герояў, але не для Аляксандра,

¹ Семіятычная тэорыя карнавала, выкладзеная М. М. Бахціным у яго кнізе пра Рабле (1965) [24].

з’явілася тое, што “дзіця горада” Кастусь, даведаўшыся, што яны дабраліся да месца (радзімы Васіля), першае, пра што пытаецца: ці водзяцца тут русалкі? Гэта значыць, што ў іншых умовах здалося б фантастычным і абсалютна нерэальным, цяпер, у дадзены час і ў дадзеным месцы, становіцца будзённым. Такім чынам, на нашу думку, праяўляецца адзін з элементаў карнавалізацыі, які мае светапоглядны характар: героі прымаюць як данасць усё, што звязана з “карнавалам”, і ўсе яго падзеі перажываюцца імі ў “паўрэальнай-паўфантастычнай” атмасферы народнага свята.

Яшчэ адным элементам карнавалізацыі, які выявіўся ў аповесці, з’яўляецца тое, што людзі, у звычайных некарнавальных умовах ізаляваны ад аднаго жыццёва-бытавымі бар’ерамі, уступаюць “на плошчы” (карнавальным свяце) у вольныя, чыстыя (без дыстанцыі) адносіны чалавека да чалавека і да свету. Героі твора вельмі непадобныя адзін на аднаго:

Васіль – фалькларыст, выкладчык універсітэта, кандыдат навук;

Кастусь – фатограф і аператар, гарадскі жыхар, супрацоўнік тэлекампаніі;

Аляксандр (пра яго фактычна вядома мала) выступае сувязным звяном паміж светамі раней згаданых герояў (Васіля і Кастуся);

Кацярына – маладая і прыгожая дзяўчына з рудымі валасамі і зялёнымі вачыма, працуе настаўніцай у вясковай школе;

Вера – разведзеная маці трохгадовага дзіцяці, пакінутага на апеку бабулі і дзядулі;

Русалка – ключавы персанаж гісторыі – дзевятнаццацігадовая прыгажуня, якую заахвоціла падасці менавіта да Аляксандра тое, што ён здаўся ёй падобным да яе каханага, якога таксама звалі Аляксандрам і які быў “залётным афіцэрам”, “фацэтам”. Але, разгледзеўшы маладога чалавека, русалка сказала расчаравана: “А ты зусім не падобны” [19, с. 67]. Тым не менш галоўны герой аказаўся тым, хто ёй быў патрэбны.

Усе яны ўзаемадзейнічаюць адзін з адным на працягу прыблізна адных сутак, і пасля заканчэння свята наўрад ці іх зносіны працягнуцца, бо купальская ноч скончыцца, чараўніцтва і чары знікнуць, наступіць світанак, які верне герояў з казачнага свету і свету летуцення ў рэальнае жыццё, кожнага да сваіх звычайных спраў і, магчыма, яны ніколі больш не ўспомняць пра падзеі гэтай ночы.

Хранатоп у аповесці з’яўляецца спецыфічным. Па-першае, па прычыне таго, што купальская ноч традыцыйна лічыцца чароўнай, межы прасторы і часу могуць змяняцца. Так, напрыклад, дзякуючы магічнай сіле, русалка і Аляксандр маюць магчымасць перамяшчацца ў часе і прасторы з неверагоднай хуткасцю і паспяваюць злётаць на радзіму дзеда галоўнага героя, каб знайсці закапаны ім скарб, перамясціцца ў мінулае, каб даведацца, якім чынам дзед здабыў частку скарбу. Але пасля ўсіх прыгод героі “плаўна прызямліліся на тое ж месца, з якога адляталі” [19, с. 75].

Архетып Лёсу і атрымаў сваё ўвасабленне ў вобразе могілак, у прыватнасці, магільны дзеда, а іменна апісанне традыцыі шанавання памерлых продкаў праз наведванне месцаў пахавання і іх акультураванне: “Мы пафарбавалі ў чорны агароджу і жалезны крыж на магілье” [19, с. 63]. “<...> памянулі радню” [19, с. 64]. Аўтар, змяшчаючы герояў у падобнага роду лакацыі, укладае ў іх вусны пэўныя разважанні аб мінулым, сучаснасці і будучыні, прама ці ўскосна ўздзейнічаючы на чытача, прымушаючы яго адчуваць розныя пачуцці і эмоцыі (магчыма, падобныя пачуццям і эмоцыям герояў твора).

Такім чынам, варта адзначыць, што аповесць А. Кажадуба “Русалка”, апублікаваная ў 2005 г., уяўляе сабой своеасаблівую інтэрпрэтацыю міфаў пра русалак і рытуалы святкавання Купалля ў XXI ст. Дадзенае свята аб’ядноўвае цывілізацыі заходніх і ўсходніх славян і мае карані ў нашай агульнай працывілізацыі. Яго вобразы, такія як агонь і вада, што ачышчаюць плоць не толькі чалавечую, але і зямную, сталі ўніверсальнымі архетыпамі.

Наяўнасць у тэксце аповесці адсылак да біблейскай гісторыі, да некаторых твораў А. Міцкевіча, М. В. Гоголя і М. А. Булгакава, наяўнасць фрагментарнасці апавядання, множнасці пунктаў гледжання і, як вынік, адсутнасць аўтарытэтаў і непахісных ісцін, на якіх можна грунтавацца, дазваляюць нам зрабіць выснову, што аповесць А. Кажадуба “Русалка” напісана з выкарыстаннем прынцыпаў постмадэрнізму. А такія характарыстыкі, як выкарыстанне міфалагічных і фальклорных вобразаў і сюжэтаў, прымяненне аўтарам прыёму “абытаўлення” цуду, стварэнне

спецыфічнага хранатопу і элементаў карнавалізацыі даюць магчымасць сцвярджаць, што дадзены мастацкі тэкст А. Кажадуба можна аднесці да такога творчага метаду, як магічны рэалізм.

У табл. 2 прыведзены кароткі параўнальны аналіз архетыпаў у творах беларускага пісьменніка А. Кажадуба “Русалка” і італьянскага пісьменніка Т. дзі Лампедузы “Сірэна”.

Табліца 2. **Архетыповыя вобразы аповесцей Т. дзі Лампедузы і А. Кажадуба**

Table 2. **Archetypal images of the stories of T. di Lampedusa and A. Kazhadub**

Архетып \ Мастацкі твор	Т. дзі Лампедуза “Сірэна”	А. Кажадуб “Русалка”
Вялікая Маці	+	+
Правадыр	+	+
Ваяр	–	+
Каханак (ці той, хто здольны кахаць)	+	+
Самасць	–	+
Аніма/Анімус	+	+
Падарожжа	+	+
Эрас і Танатас	+	+
Агонь	–	+
Вада	+	+
архетып Памяці і Лёсу	–	+

Такім чынам, з табл. 2 вынікае, што архетыповая аснова аповесцей беларускага пісьменніка А. Кажадуба “Русалка” і італьянскага пісьменніка Т. дзі Лампедузы “Сірэна” шмат у чым супадае. У абодвух творах рысы архетыпаў (Вялікай) Маці, Правадыра, Анімы, Эраса і Танатаса ўвасоблены ў вобразах ключавых персанажаў – русалкі і сірэны. Архетып Каханка ў аповесці А. Кажадуба прадстаўлены ў вобразе Кастуся, у той час як у Т. дзі Лампедузы – у вобразе маладога прафесара Ла Чура. Такі ўніверсальны архетып, як Вада ўвасобіўся ў гісторыі італьянскага пісьменніка ў вобразе марской стыхіі, якая дае і забірае жыццё; у творы беларускага пісьменніка – гэта ачышчальныя воды рэк і ляснага возера. У сюжэце абодвух твораў выкарыстаны таксама архетып Падарожжа: з гэтага пачынаюцца прыгоды галоўных герояў і іх шлях да станаўлення.

Высновы. Паэтыцы аповесці Т. дзі Лампедузы “Сірэна” ўласцівыя такія рысы, як адсутнасць цэласнай мадэлі свету, суб’ектыўнасць, песімістычны светапогляд, якія адпавядаюць асноўным прынцыпам мадэрнізму. Ідэя абсурднасці і трагізму жыцця, а таксама супрацьстаянне рэчаіснасці і пошук сапраўднага быцця з’яўляюцца рысамі такога творчага метаду, як экзістэнцыялізм. З выкарыстаннем іншых тэндэнцый напісана аповесць А. Кажадуба “Русалка”. Такія характарыстыкі твора, як фрагментарнасць, плюралізм, адсутнасць непакінутых ісцін і аўтарытэтаў, алузіі і адсылкі да твораў іншых пісьменнікаў дазваляюць сцвярджаць аб яго прыналежнасці да постмадэрнісцкай эстэтыкі з рысамі, уласцівымі такому творчаму метаду, як магічны рэалізм (выкарыстанне міфалагічных ці фальклорных сюжэтаў і вобразаў, спецыфічны хранатоп, элементы карнавалізацыі і інш.).

Творы беларускага аўтара А. Кажадуба “Русалка” і італьянскага аўтара Т. дзі Лампедузы “Сірэна” маюць розныя культурныя складнікі, напісаны ў розныя часы, непадобныя па творчым метаде, але такія блізкія па наяўнасці архетыповых вобразаў, што сведчыць пра прысутнасць у падсвядомасці пісьменнікаў аднолькавых правобразаў, якія ў ходзе творчага працэсу набываюць розныя формы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Bocelli, A. Tomasi di Lampedusa / A. Bocelli // Il Mondo. – 1961. – 17 Ott. – P. 3.
2. Buzzi, G. Invito alla lettura di Tomasi di Lampedusa / G. Buzzi. – Milano : Mursia, 1991. – 180 p.
3. Gilmour, D. L'ultimo gattopardo: vita di Giuseppe Tomasi di Lampedusa / D. Gilmour ; trad. F. Cavagnoli. – Milano : Feltrinelli, 1989. – 238 p.
4. Lanza Tomasi, G. Introduzione a «Opere» di Giuseppe Tomasi di Lampedusa / G. Lanza Tomasi. – Milano : Mondadori Ed., 1995. – 1871 p.

5. Todini, G. Tomasi di Lampedusa / G. Todini // Belfagor. – 1970. – Vol. 25, N 2. – P. 163–184.
6. Битва при Капоретто [Электронный ресурс] // Первая мировая война. – Режим доступа: <https://www.firstwar.info/battles/index.shtml?19>. – Дата доступа: 23.03.2022.
7. Racconti italiani del Novecento / a cura di E. Siciliano. – 3 ed. – Milano : Mondadori, 1990. – 1524 p.
8. Тодоров, Ц. Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров ; пер. с фр. Б. Нарумова. – М. : Дом интеллект. кн., 1999. – 143 с.
9. Человек и его символы : [пер. с англ.] / К. Юнг [и др.]. – М. : Серебр. нити ; СПб. : АСТ, 1997. – 367 с.
10. Кэмпбелл, Д. Тысячеликий герой / Д. Кэмпбелл ; [пер. с англ. О. Ю. Чекчурина]. – М. [и др.] : Питер, 2016. – 347 с.
11. Фрай, Н. Анатомия критики : очерк первый / Н. Фрай // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М., 1987. – С. 232–263.
12. Pearson, C. The twelve archetypes [Electronic resource] / C. Pearson // The Iniversity of Texas at Austin. – Mode of access: https://www.uiltexas.org/files/capitalconference/Twelve_Character_Archetypes.pdf. – Date of access: 12.07.2022.
13. Платон. Миф о пещере [Электронный ресурс] / Платон // Новый Акрополь. – Режим доступа: http://www.newacropol.ru/alexandria/philosophy/philosofs/plato/uchenie_plato/plato3/. – Дата доступа: 05.04.2022.
14. Сирена // Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1940. – Т. 4. – С. 191.
15. Сирена [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/33421. – Дата доступа: 30.03.2022.
16. Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия : пер. с нем. / З. Фрейд. – М. : Прогресс ; Литера, 1992. – 568 с.
17. Русалка-спакусніца: анталогія ўсходнеславянскай балады / аўт. прадм. і ўклад. І. Ф. Штэйнер. – Гомель : Гомел. дзярж. ун-т, 2004. – 250 с.
18. 27 верасня 2017 г. – 65 гадоў з дня нараджэння Алеся (Аляксандра Канстанцінавіча) Кажадуба (1952), пісьменніка, публіцыста [Электронны рэсурс] / подгот. А. Ю. Кулан // Краязнаўства Берасцейшчыны. – Рэжым доступу: <http://kb.brl.by/index.php/heritage/item/1277-27-verasnya-2017-g-65-gadou-z-dnya-naradzhennya-alesya-alyaksandra-kanstantsinavichakazhaduba-1952-pismennika-publitsysta/1277-27-verasnya-2017-g-65-gadou-z-dnya-naradzhennya-alesya-alyaksandra-kanstantsinavichakazhaduba-1952-pismennika-publitsysta>. – Дата доступу: 23.06.2022.
19. Кажадуб, А. Русалка : апавесць / А. Кажадуб // Маладосць. – 2005. – № 6. – С. 53–78.
20. Moore, R. King, warrior, magician, lover: rediscovering the archetypes of the mature masculine [Electronic resource] / R. Moore, D. Gillette. – [San Francisco] : Harper, 1991. – Mode of access: https://fb2bookfree.com/uploads/files/2020-10/1602541833_king-warrior-magician-lover_-rediscovering-the-archetypes-of-the-mature-masculine.pdf. – Date of access: 05.05.2022.
21. Андреев, А. Н. Целостный анализ литературного произведения : учеб. пособие / А. Н. Андреев. – Минск : НМЦентр, 1995. – 144 с.
22. Булгакаў, М. А. Майстар і Маргарыта [Электронны рэсурс] / М. А. Булгакаў // Беларуская палічка : беларус. электрон. б-ка. – Рэжым доступу: https://knihi.com/Michail_Bulhakau/Majstar_i_Marharyta.html. – Дата доступу: 17.08.2022.
23. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. – М. : Выш. шк., 1989. – 557 с.
24. Карнавалізацыя [Электронный ресурс] // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Коженикова, П. А. Николаева. – М., 1987. – Режим доступа: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/literature/articles/54/karnavalizaciya.htm>. – Дата доступа: 11.07.2022.

References

1. Bocelli A. Tomasi di Lampedusa. *Il Mondo*, 1961, 17 Ottobre, p. 3.
2. Buzzi G. *Invito alla lettura di Tomasi di Lampedusa*. Milan, Mursia, 1991. 180 p.
3. Gilmour D. *L'ultimo gattopardo: vita di Giuseppe Tomasi di Lampedusa*. Milan, Feltrinelli, 1989. 238 p.
4. Lanza Tomasi G. *Introduzione a «Opere» di Giuseppe Tomasi di Lampedusa*. Milan, Mondadori Ed., 1995. 1871 p.
5. Todini G. Tomasi di Lampedusa. *Belfagor*, 1970, vol. 25, no. 2, pp. 163–184.
6. Battle of Caporetto. *World War I*. Available at: <https://www.firstwar.info/battles/index.shtml?19> (accessed 23.03.2022) (in Russian).
7. Siciliano E. (ed.). *Racconti italiani del Novecento*. 3rd ed. Milan, Mondadori, 1990. 1524 p.
8. Todorov T. *Introduction to fantasy literature*. Moscow, House of the intellectual book, 1999. 143 p. (in Russian).
9. Jung C., Henderson J. L., von Franz M.-L., Jaffé A., Jacobi J. *Man and his symbols*. New York, Doubleday, 1964. 320 p.
10. Campbell J. *The Hero with a thousand faces*. 3rd ed. Novato, New world library, 2008. 418 p.
11. Frye N. Anatomy of criticism: essay one. *Foreign aesthetics and theory of literature of the XX–XX centuries: treatises, articles, essays*. Moscow, 1987, pp. 232–263 (in Russian).
12. Pearson C. Twelve archetypes to help us find ourselves and transform our world. *The Iniversity of Texas at Austin*. Available at: https://www.uiltexas.org/files/capitalconference/Twelve_Character_Archetypes.pdf (accessed 12.07.2022).
13. Platon. Allegory of the Cave. *New Acropolis*. Available at: http://www.newacropol.ru/alexandria/philosophy/philosofs/plato/uchenie_plato/plato3/ (accessed 05.04.2022) (in Russian).
14. Siren. *Explanatory dictionary of the Russian language. Vol. 4*. Moscow, 1940, p. 191 (in Russian).
15. Siren. *Academic Dictionaries and Encyclopedias*. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/33421 (accessed 30.03.2022) (in Russian).
16. Freud S. *Beyond the pleasure principle*. Moscow, Progress Publ., Litera Publ., 1992. 568 p. (in Russian).

17. Shtainer I. F. (comp.). *Temptress mermaid: an anthology of Eastern Slavic ballads*. Gomel, Gomel State University, 2004. 250 p. (in Belarusian).

18. The 27th of September 2017. 65 years from the date of birth of Ales' (Aljaksandr Kanstancinavich) Kazhadub (1952), writer, publicist. *Local history of Brest region*. Available at: <http://kb.brl.by/index.php/heritage/item/1277-27-verasnya-2017-g-65-gadou-z-dnya-naradzhennya-alesya-alyaksandra-kanstantsinavicha-kazhaduba-1952-pismennika-publitsysta/1277-27-verasnya-2017-g-65-gadou-z-dnya-naradzhennya-alesya-alyaksandra-kanstantsinavicha-kazhaduba-1952-pismennika-publitsysta> (accessed 23.06. 2022) (in Belarusian).

19. Kazhadub A. Mermaid: a short story. *Maladosts' [Youth]*, 2005, no. 6, pp. 53–78 (in Belarusian).

20. Moore R., Gillette D. *King, warrior, magician, lover: rediscovering the archetypes of the mature masculine*. [San Francisco], Harper, 1991. Available at: https://fb2bookfree.com/uploads/files/2020-10/1602541833_king-warrior-magician-lover_-rediscovering-the-archetypes-of-the-mature-masculine.pdf (accessed 05.05.2022).

21. Andreev A. N. *Holistic analysis of a literary work*. Minsk, NMTsentr Publ., 1995. 144 p. (in Russian).

22. Bulgakov M. A. Master and Margarita. *Belaruskaja palichka: Belarusian electronic library*. Available at: https://knihi.com/Michail_Bulhakau/Majstar_i_Marharyta.html (accessed 17.08.2022) (in Belarusian).

23. Bulgakov M. A. *Master and Margarita*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 557 p. (in Russian).

24. Carnivalization. *Literary encyclopedic dictionary*. Moscow, 1987. Available at: [6247/%D0%9A%D0%90%D0%A0%D0%9D%D0%90%D0%92%D0%90%D0%9B%D0%98%D0%97%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF](https://www.encyclopedia.com/literature/encyclopedia/literature/carnivalization) (accessed 11.07.2022) (in Russian).

Информация об авторе

Чеснокова Екатерина Вячеславовна – младший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: catisnot@gmail.com

Information about the author

Ekaterina V. Chesnokova – Junior Scientific Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: catisnot@gmail.com

ПРАВА

LAW

УДК 342
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-248-254>

Поступила в редакцию 30.12.2022
Received 30.12.2022

Г. А. Василевич

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ОРГАНЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ И ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК СУБЪЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Аннотация. Анализируется деятельность органов представительной и исполнительной власти по обеспечению конституционной законности в государстве. Подчеркивается, что в этом направлении нельзя рассчитывать только на Конституционный Суд, поскольку и иные субъекты власти, в том числе органы общей компетенции, несут соответствующие обязанности. Внесен ряд предложений по совершенствованию законодательства и практики. Особое внимание акцентируется на выстроенной системе органов представительной власти, на вершине которой – Всебелорусское народное собрание. Ключевая идея современного конституционного курса – укрепление народовластия, расширение представительства народа в органах государственного управления.

Ключевые слова: конституционный контроль, конституционная законность

Для цитирования: Василевич, Г. А. Органы представительной и исполнительной власти как субъекты конституционного контроля / Г. А. Василевич // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2023. – Т. 68, № 3. – С. 248–254. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-248-254>

Grigoriy A. Vasilevich

Belarusian State University, Minsk, Belarus

BODIES OF REPRESENTATIVE AND EXECUTIVE POWER AS SUBJECTS OF CONSTITUTIONAL CONTROL

Abstract. The article analyzes the activities of representative and executive power bodies to ensure constitutional legality in the state. It is emphasized that in this direction can not rely only on the Constitutional Court, as other subjects of power, including bodies of general competence, have the corresponding duties. A number of proposals were made to improve the legislation and practice. Special attention is focused on the built up system of bodies of representative power, at the top of which now is the All-Belarusian People's Assembly. The key idea of the modern constitutional course is to strengthen the rule of the people, to expand the representation of the people in the bodies of state administration.

Keywords: constitutional control, constitutional legality

For citation: Vasilevich G. A. Bodies of representative and executive power as subjects of constitutional control. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2023, vol. 68, no. 3, pp. 248–254 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-248-254>

Введение. Исходя из значимости Конституции как системообразующего акта, в ее верховенстве и защите заинтересованы все государственные органы, должностные лица и граждане. Тем более, что после республиканского референдума 27 февраля 2022 г. положения Конституции согласно ст. 7 имеют прямой характер действия. Эта позиция подкреплена указанием в части третьей названной статьи на то, что государство, все его органы и должностные лица, организации и граждане действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства. Одобрение народом Конституции, помимо всех прочих факторов, означает, что государственные органы, должностные лица и граждане взяли на себя обязательство создать новую, более совершенную, базирующуюся на Конституции государственно-правовую систему, где

текущее законодательство и практика его применения соответствуют конституционным принципам и нормам.

Таким образом, анализируя Конституцию и текущее законодательство, можно сделать вывод, что ее правовой охраной занимаются различные государственные органы, должностные лица. Следовательно, в таких условиях возрастает роль всех органов государственной власти, а не только Конституционного Суда, в утверждении верховенства и прямого действия Конституции. Например, в укрепление конституционной законности значительный вклад вносят Министерство юстиции (при осуществлении регистрации ведомственных актов и актов органов местного управления и самоуправления), Министерство иностранных дел (при подготовке текстов международных договоров Республики Беларусь), органы прокуратуры (при осуществлении надзорной деятельности) и другие инстанции. Именно они занимаются повседневной работой по обеспечению законности в государстве. До Конституционного Суда доходят лишь самые сложные для разрешения спора вопросы.

Именно поэтому идеальной является ситуация, при которой все субъекты конституционно-правовых отношений, в том числе органы общей компетенции, реализуя свои полномочия, стремятся укреплять конституционную законность в государстве [1, с. 15]. Это может быть осуществлено посредством принятия решений с учетом прямого действия конституционных норм (принципов), их приоритета либо внесения через уполномоченные субъекты инициативных предложений в Конституционный Суд о проверке конституционности нормативного правового акта.

Основная часть. Ключевая идея современного конституционного курса – укрепление народовластия, расширение представительства народа в органах государственного управления.

Обеспечению единства правоприменительной практики, равенства всех перед законом служит также деятельность по разъяснению (толкованию) актов текущего законодательства. Особое место занимают акты толкования, издаваемые судебными инстанциями [2, с. 183]. Если толкование Конституции в настоящее время относится к компетенции Конституционного Суда, то разъяснение норм иных актов законодательства может быть осуществлено в порядке официального аутентического или делегированного толкования. Здесь еще сохраняются некоторые проблемы, требующие своего решения: необходимо иметь в виду, что процедура толкования должна соответствовать требованиям нормотворческого процесса со всеми его атрибутами, включая соответствующую форму акта и его публикацию, соблюдение принципа непридания акту толкования обратной силы, если в результате нового поворота понимания акта появляются основания для юридической ответственности. Когда в результате толкования акта ограничиваются права и свободы, возникают новые обязанности, акт толкования должен вводиться в действие не ранее дня опубликования.

Необходимо определить круг субъектов, чье обращение по поводу толкования нормативного подконституционного акта подлежит обязательному рассмотрению органом, принявшим (издавшим) акт. В данном случае речь не идет об индивидуальных обращениях. На них в соответствии с Законом «Об обращениях граждан и юридических лиц» всегда должны быть даны ответы не только органом, принявшим (издавшим) акт, но и по его поручению – иным субъектом, в том числе может быть и отказано в даче официального толкования. Стоило бы детально регламентировать процедуру обращения и дачи разъяснения, когда с инициативой о даче официального толкования обращаются такие субъекты, как органы местного управления и самоуправления, общественные организации (например, профсоюзные организации в лице их руководящих органов), органы контроля и надзора. В таком случае ответ на обращение о даче толкования должен дать субъект власти, издавший акт, либо по его поручению уполномоченный им орган. В Конституции, регламентах палат Парламента, некоторых иных актах решен вопрос о законодательной инициативе, определен круг возможных ее субъектов. В доктрине под правом законодательной инициативы понимается право уполномоченного субъекта внести законопроект, которому соответствует обязанность Парламента (нижней палаты) его рассмотреть (необязательно принятие предложенного проекта).

После принятия Конституции 15 марта 1994 г. в силу того, что она была ориентирована на формирование новой политической и социально-экономической систем, между Основным Законом и актами текущего законодательства было много расхождений, пробелов и иных дефектов, которые устранялись посредством активной нормотворческой деятельности Главы государства, Парламента и Конституционного Суда. Благодаря этому по прошествии определенного времени (например, это можно связать с обновлением кодексов в 1998–1999 гг.) были устранены явные расхождения между Конституцией и текущим законодательством. В настоящее время, как отмечено в заключительных (переходных) положениях Конституции в редакции референдума 27 февраля 2022 г., предстоит работа по приведению законодательства в соответствие с конституционными изменениями. Но более сложная работа может заключаться в разрешении спорных ситуаций, когда нет очевидных расхождений между ними.

Положения Конституции получают свое развитие в подконституционных актах: законах, указах, постановлениях Правительства, ведомственных актах и т. д. Основной вектор содержания таких актов определяют органы представительной власти при принятии законов и решений местных Советов депутатов. Они ближе к народу как единственному источнику государственной власти в силу особенностей их формирования (путем прямых или косвенных выборов). В нашем государстве сформирована мощная и потенциально эффективная система органов представительной власти. Можно утверждать о наличии представительной ветви власти. К ней относятся Всебелорусское народное собрание (ВНС), Глава государства, Парламент, местные Советы депутатов (более 1300). Все они осуществляют активную нормотворческую деятельность и, как отмечается в литературе, представительная власть призвана отражать интересы народа [3, с. 17]. С целью обеспечения народного контроля за деятельностью своих представителей в Конституции сохранена идея императивного мандата, что выражается в праве избирателей отозвать своего депутата, несмотря на попытки исключить данную норму из Основного Закона.

Доминирующим субъектом власти становится ВНС. Согласно ст. 89-1 Конституции, Всебелорусское народное собрание, являясь высшим представительным органом народовластия Республики Беларусь, определяет стратегические направления развития общества и государства, обеспечивает незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие. Обратим внимание на то, что обеспечение незыблемости конституционного строя предполагает, на наш взгляд, соответствующую роль ВНС в утверждении конституционной законности. Конкретизация полномочий ВНС в этом направлении осуществлена в ст. 89-3 не только посредством принятия решений стратегического характера, но и посредством наделяния полномочиями по решению кадровых вопросов (избрание руководства и судей Конституционного Суда, Верховного Суда), а также правом давать обязательные для исполнения поручения государственным органам и должностным лицам, получать информацию от государственных органов и должностных лиц. Подкрепляется весомый статус ВНС нормой ст. 89-5, согласно которой решения Всебелорусского народного собрания являются обязательными для исполнения и могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов. Такая редакция статьи допускает отмену актов даже Главы государства. Полагаем, что в Законе «О Всебелорусском народном собрании» было бы полезно очертить круг вопросов, которые относятся к национальной безопасности. Не отвергая широкий подход к определению данного понятия, который содержится в Концепции национальной безопасности (имеется в виду демографическая безопасность, экологическая безопасность и т. п. как составляющие национальной безопасности), применительно к ст. 89-5 национальную безопасность можно было бы воспринимать в более узком плане с учетом той дифференциации, которая отражена в ст. 23 Конституции, где речь идет отдельно о национальной безопасности, общественном порядке, правах и свободах и др.

Особый статус Всебелорусского народного собрания подчеркивается также тем, что оно принимает решение о смещении Президента с должности в случае систематического или грубого нарушения им Конституции.

В актах Всебелорусского народного собрания будет воплощаться суверенная воля народа. На наш взгляд, тем самым укрепляется народный суверенитет, углубляются отношения между народом и государством, на важность которых справедливо обращено внимание [4, с. 196–201].

Согласно ст. 79 Конституции, Президент Республики Беларусь является Главой государства, гарантом Конституции Республики Беларусь, прав и свобод человека и гражданина. Среди важнейших обязанностей, которые зафиксированы в тексте приносимой им присяги при вступлении в должность, есть указание соблюдать и защищать Конституцию Республики Беларусь (ст. 83). Среди иных полномочий, которые определены в ст. 84, отметим следующие: право отменять акты Правительства (причем здесь избран более широкий подход: допускается отмена не только актов, противоречащих Конституции, но и по иным мотивам); непосредственно или через создаваемые им органы осуществлять контроль за соблюдением законодательства местными органами управления и самоуправления; право приостанавливать решения местных Советов депутатов и отменять решения местных исполнительных и распорядительных органов в случае несоответствия их законодательству. Безусловно, определение несоответствия решений органов местного самоуправления должно осуществляться в прямой связи с конституционными принципами и нормами.

Обеспечению законности содействуют полномочия палат Парламента при реализации ими не только законотворческой, но и контрольной функции, которая направлена на обеспечение верховенства Конституции и законов. Иногда можно было слышать о якобы отсутствии у Парламента контрольных полномочий. Но это не соответствует действительности.

Парламент имеет существенные правовые основания для осуществления контрольной функции. В частности, это проявляется в праве: 1) заслушивать субъекты, обладающие правом законодательной инициативы, о предлагаемом законопроекте и одновременном анализе ситуации по исполнению действующего законодательства (без этого трудно убедиться в необходимости принятия нового закона); 2) принять новый закон о бюджете и утвердить отчет об исполнении республиканского бюджета за прошедший год (ст. 135 Конституции); 3) утверждать программу деятельности Правительства, высказать ему недоверие или отказать в доверии; 4) проводить парламентские слушания (форма деятельности, состоящая в заслушивании сообщений и мнений членов Парламента, представителей государственных органов и общественных объединений, экспертов и специалистов по конкретной проблеме или вопросу, относящемуся к компетенции палаты); 5) Совета Республики анализировать деятельность местных Советов депутатов, принимать меры по развитию местного самоуправления; отменять решения местных Советов депутатов, не соответствующие законодательству; принимать решение о роспуске местного Совета депутатов в случае систематического или грубого нарушения им требований законодательства и в иных случаях, предусмотренных законом; 6) проводить один раз в месяц заседания для вопросов парламентариев и ответов Правительства; 7) парламентариев обратиться с запросом к Премьер-министру, членам Правительства, руководителям государственных органов; запрос должен быть включен в повестку дня палаты, ответ на запрос надлежит дать в течение двадцати сессионных дней в порядке, установленном палатой Парламента; 8) реагировать не только на запрос, но и на полученный ответ на обращение и предложение депутата Палаты представителей и члена Совета Республики; 9) рассматривать указы Президента о введении чрезвычайного положения, военного положения, полной или частичной мобилизации (полагаем, что такого рода постановления Совета Республики, как и постановления палат об утверждении своих регламентов, приобретают статус нормативных правовых актов и могут быть предметом проверки в Конституционном Суде). Перечисленные и иные контрольные полномочия Парламента, его палат, конечно же, осуществляются, основываясь на конституционном тексте. Тем самым утверждается конституционная законность.

Схожие полномочия имеют местные Советы депутатов. Они закреплены в ст. 121–122 Конституции, Законе «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», Законе «О статусе депутатов местных Советов депутатов». Вместе с тем потенциал органов местного самоуправления может быть усилен [5, с. 375–395]. В частности, следует обеспечить большее их влияние на занятие должностей и освобождение от должности руководителей местных исполнительных органов, наделив местные Советы депутатов правом отзыва своего согласия на занятие должности в связи нарушением конституционного законодательства, тем самым будет обеспече-

на эффективная система сдержек и противовесов, что уже предусмотрено на республиканском уровне. Было бы уместно обеспечить по местному радио и телеканалам прямую трансляцию открытых заседаний местных Советов депутатов и местных исполнительных органов, когда рассматриваются вопросы, имеющие общественную заинтересованность. Программы социально-экономического развития, принимаемые на местном уровне, должны приобрести статус базовых документов, для реализации которых принимаются иные решения местного уровня. Эти меры могут содействовать укреплению законности.

Правительство как центральный орган государственного управления наделено Конституцией и Законом «О Совете Министров Республики Беларусь» широкими полномочиями в социально-экономической сфере. На него также возлагаются обязанности по обеспечению законности и правопорядка в обществе. Так, в частности, согласно ст. 107 Конституции оно принимает меры по обеспечению прав и свобод граждан, защите интересов государства, национальной безопасности и обороноспособности, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью; обеспечивает исполнение Конституции, решений Всебелорусского народного собрания, законов, актов Президента; отменяет акты министерств и иных подчиненных ему республиканских органов государственного управления; вносит Президенту предложения об отмене решений местных исполнительных и распорядительных органов в случае несоответствия их законодательству.

Позитивно можно оценить норму п. 23 Регламента Совета Министров, согласно которой вопросы исполнения решений Совета Министров Республики Беларусь рассматриваются ежеквартально на заседаниях Президиума Совета Министров Республики Беларусь. Важна при этом эффективность такого анализа.

Особо выделим Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23.09.2006 г. № 1244 (ред. от 14.03.2018 г.) «Об обязательной юридической экспертизе нормативных правовых актов» (вместе с «Инструкцией о порядке осуществления обязательной юридической экспертизы нормативных правовых актов»).

Инструкцией регулируется порядок проведения обязательной юридической экспертизы (далее – юридическая экспертиза) нормативных правовых актов Национального банка, Комитета государственного контроля, Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз, Управления делами Президента Республики Беларусь, Национальной академии наук Беларуси, министерств, иных республиканских органов государственного управления, областных, Минского городского Советов депутатов, облисполкомов, Минского горисполкома, местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов базового уровня.

Согласно Инструкции, нормативные правовые акты, принятые (изданные) Национальным банком, Комитетом государственного контроля, Следственным комитетом, Государственным комитетом судебных экспертиз, Управлением делами Президента Республики Беларусь, Национальной академией наук Беларуси, министерствами, иными республиканскими органами государственного управления, направляются ими в Министерство юстиции для проведения юридической экспертизы не позднее трех рабочих дней со дня, следующего за днем их принятия (издания), а нормативные правовые акты, принятые (изданные) нормотворческими органами совместно, – одним из принявших (издавших) нормативный правовой акт нормотворческих органов в такой же срок.

Областные, Минский городской Совет депутатов, облисполкомы, Минский горисполком представляют принятые нормативные правовые акты в Министерство юстиции на юридическую экспертизу не позднее трех рабочих дней со дня, следующего за днем их принятия.

Местные Совет депутатов, исполнительные и распорядительные органы базового уровня представляют принятые нормативные правовые акты в главное управление юстиции соответствующего облисполкома на юридическую экспертизу не позднее трех рабочих дней со дня, следующего за днем их принятия.

Таким образом, проведение экспертизы указанного слоя нормативных актов также призвано обеспечить их соответствие Конституции и законам.

Ведомственное нормотворчество характеризуется упрощенным порядком подготовки, подзаконностью и дополняющим характером по отношению к актам более высокого уровня. В качестве цели подзаконного правового регулирования называют адаптацию общих типичных правовых норм законов при сохранении их сути. Утверждается, что из законов нельзя делать подробные инструкции, детализация и конкретизация законов должны осуществляться в ведомственных нормативных актах [6, с. 15].

Как уже отмечалось, важную роль в укреплении законности играют органы прокуратуры. Одним из наиболее действенных актов прокурорского реагирования является протест. Протест на противоречащий закону акт приносится прокурором в орган, издавший этот акт, или в вышестоящий орган, правомочный принять по нему решение. В таком же порядке приносится протест на противоречащие закону акт или действие должностного лица. Что касается возможности отклонения протестов прокурора на нормативный правовой акт, в том числе со стороны вышестоящей инстанции, то, на наш взгляд, Генеральный прокурор вправе обратиться с предложением о проверке конституционности (законности) акта в Конституционный Суд. Такой вывод можно сделать на основании Закона «О прокуратуре Республики Беларусь», а также ст. 60 и 116-1 Конституции [7, с. 86].

Заключение. Конституция Республики Беларусь, ее принципы и нормы интегрируют национальную правовую систему, в основе которой находятся органы государственной власти, совокупность источников права (нормативные правовые акты, международные договоры и др.), правовая идеология и правовое сознание. Точное и единообразное применение положений Основного Закона обеспечивает равенство граждан перед законом и судом. Необходима кропотливая работа нормотворческих и правоприменительных органов по непосредственной реализации ее предписаний. При этом следует понимать, что забота о конституционной законности – дело не только такого специализированного органа, как Конституционный Суд, но и всех органов государственной власти, должностных лиц. Предложения, которые высказываются в доктрине по совершенствованию законодательства и практики, нацелены на оказание содействия в этом.

Список использованных источников

1. Василевич, Г. А. Конституционное правосудие : учеб. пособие / Г. А. Василевич. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – 278 с.
2. Абдрасулов, Е. Б. Толкование закона и норм Конституции: теория, опыт, процедура / Е. Б. Абдрасулов. – Алматы : Оркенист, 2002. – 400 с.
3. Коврякова, Е. В. Народное представительство. Вчера, сегодня, завтра / Е. В. Коврякова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – 271 с.
4. Эбзеев, Б. С. Народный суверенитет / Б. С. Эбзеев // Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности: к 20-летию Основного Закона России / Л. В. Андриченко [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой. – М., 2013. – С. 196–205.
5. Местное самоуправление в Беларуси и зарубежных странах / Г. А. Василевич [и др.] ; под общ. ред. Г. А. Василевича, Г. Г. Куневича. – Минск : Право и экономика, 2022. – 399 с.
6. Ведомственное нормотворчество: теория и практика применения / под ред. М. А. Лапиной, В. А. Баранова. – М. : Проспект, 2014. – 236 с.
7. Василевич, Г. А. Правовые основы нормотворческой деятельности органов исполнительной власти / Г. А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2021. – 154 с.

References

1. Vasilevich G. A. *Constitutional justice*. Minsk, Publishing center of the Belarusian State University, 2014. 278 p. (in Russian).
2. Abdrasulov E. B. *Interpretation of the law and norms of the Constitution: theory, experience, procedure*. Almaty, Orkenist Publ., 2002. 400 p. (in Russian).
3. Kovryakova E. V. *People's representation. Yesterday, today, tomorrow*. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2020. 271 p. (in Russian).
4. Ebzeev B. S. National sovereignty. *The Constitution of the Russian Federation: from the image of the future to reality: to the 20th Anniversary of the Fundamental Law of Russia*. Moscow, 2013, pp. 196–205 (in Russian).

5. Vasilevich G. A., Kiseleva T. M., Kunevich G. G., Maslovskaya T. S., Shakhnovskaya I. V. *Local self-government in Belarus and foreign countries*. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2022. 399 p. (in Russian).

6. Lapina M. A., Baranov V. A. *Departmental rule-making: theory and practice of application*. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 236 p. (in Russian).

7. Vasilevich G. A. *Legal foundations for the rule-making activity of executive authorities*. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2021. 154 p. (in Russian).

Информация об авторе

Василевич Григорий Алексеевич – член-корреспондент, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 8, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail : Gregory_1@tut.by

Information about the author

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding Member, D. Sc. (Law), Professor, Head of the Constitutional Law Department, Faculty of Law. Belarusian State University (8 Leningradskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: Gregory_1@tut.by

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 3301.1
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-255-264>

Поступила в редакцию 03.04.2023
Received 03.04.2023

Н. В. Маковская

Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилев, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА БЕЛОРУССКИХ РАБОТНИКОВ

Аннотация. Представлены результаты исследования особенностей организации труда белорусских работников, которая уже претерпела изменения в контексте цифровой трансформации и инновационного развития экономики и требует определенного совершенствования в Республике Беларусь. Организация труда представлена с позиции методологии экономики труда и методов социологического анализа. Представлены новые методические подходы к мониторингу организации труда на основе социологических методов и экономико-математического инструментария. Анализируются факторы, влияющие на состояние организации труда и условий работы на рабочих местах. Анализ и оценки получены с использованием экспертной базы данных мнений белорусских работников. Результаты исследования показали, что существует ряд национальных особенностей в организации труда, которые связаны с причинами смены мест работы, условиями труда и заработной платы на рабочих местах, наличием дополнительного дохода у работников, уровнем удовлетворенности рабочим местом. Доказывается, что в белорусских организациях авторитет руководителя высок, он определяет желание работников выполнять дополнительный объем трудовой нагрузки. Работа, связанная с лучшими условиями труда и меньшим объемом трудовой нагрузки, является значимым приоритетом при выборе траекторий трудового движения работников в белорусских организациях.

Ключевые слова: организация труда, стимулирование, заработная плата, условия труда, рабочее место

Для цитирования: Маковская, Н. В. Особенности организации труда белорусских работников / Н. В. Маковская // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 3. – С. 255–264. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-255-264>

Nataliya V. Makovskaya

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus

FEATURES OF ORGANIZATION OF LABOR OF BELARUSIAN WORKERS

Abstract. The article presents the results of a study of the peculiarities of the organization of labor of Belarusian workers, which has already undergone changes in the context of digital transformation and innovative development of the economy, and requires some improvement in the Republic of Belarus. The organization of labor is presented from the standpoint of the methodology of labor economics and methods of sociological analysis. New methodological approaches to monitoring the organization of labor based on sociological methods and economic and mathematical tools are presented. The factors influencing the state of labor organization and working conditions in the workplace are discussed. Analysis and assessments were obtained using an expert database of opinions of Belarusian workers. The results of the assessments showed that there are a number of national peculiarities in the organization of labor, which are associated with the reasons for changing jobs, with working conditions and wages at the workplace, with the availability of additional income for workers, with the level of job satisfaction. It is proved that: in Belarusian organizations, the authority of the leader is high, and he determines the desire of employees to perform an additional amount of workload; work with better working conditions and a smaller workload is a significant priority when choosing the trajectories of the labor movement of workers in Belarusian organizations.

Keywords: labor organization, incentives, wages, working conditions, workplace

For citation: Makovskaya N. V. Features of organization of labour of Belarusian workers. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanities Series*, 2023, vol. 68, no. 3, pp. 255–264 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-3-255-264>

Введение. Определение особенностей организации труда работников возможно через процесс мониторинга. Мониторинг системы организации труда представляет собой разные формы наблюдения за трудовыми процессами, происходящими как внутри организации, так и за ее пре-

делами. Результаты такого мониторинга – это информация, позволяющая корректировать управленческие решения по организации и росту производительности труда работников. Мониторинг системы организации труда позволяет установить взаимосвязи и выявить факторы, влияющие на эффективность трудового процесса. Определение особенностей организации труда работников является в том числе информационной основой, которая будет содействовать формированию новых систем управления трудом, ориентированных на современные тренды развития.

Главная задача мониторинга организации труда (учета и управления рабочим временем) работников – оперативно оценить и выработать решения критических проблем в трудовом процессе в ситуации реального времени и условий труда [1]. В отличие от контроля за трудовыми процессами мониторинг организации труда направлен на предупреждение кризисных явлений, связанных с установлением регламента и уровня производительности труда. Разница между мониторингом организации труда и оценкой его эффективности заключается в том, что мониторинг осуществляется в ходе трудовой деятельности, а оценка эффективности имеет место после реализации трудовой деятельности.

Структура мониторинга организации труда неоднородна и зависит от специфики технологии и организации труда. Общая структура мониторинга может представлять собой как сбор и анализ статистических данных, формирование отчетности по наличию «узких» мест в организации труда, так и составление прогнозов по использованию ресурса труда и т. п. [2].

Мониторинг организации труда может осуществляться в несколько этапов: подготовительный (организационный) этап, исследовательско-аналитический и заключительный этап. На предприятии может быть выстроена система мониторинга организации труда, состоящая из набора инструментов мониторинга, инфраструктуры наблюдений за трудовыми процессами и организационной архитектуры мероприятий и т. п.

Мониторинг организации труда целесообразно проводить регулярно с учетом изменений условий труда, использования внутриорганизационных программ мониторинга трудовых норм [1–2]. В условиях регулярности проведения мониторинга сравниваются действующие нормы труда с планируемыми нормами и нормами, которые использовались в предшествующие периоды в данной организации, исследуются изменения условий труда и трудового регламента, а также изменения в системе стимулирования и оплаты труда. В результате делаются заключения об уровне эффективности организации труда.

Следует различать мониторинг состояния действующей системы организации труда и мониторинг параметров оценки данной системы. Мониторинг параметров предполагает разработку внутриорганизационных показателей и критериев к ним, которые измеряют эффективность труда. Мониторинг состояния – экспертные заключения о качественных характеристиках самой системы организации труда и обеспечение поддержки принятия управленческих решений в сфере трудовых процессов в организации.

Цель исследования и основные результаты.

Цель, методика исследования, инструменты, дескриптивная статистика. Целями исследования являются определение особенностей организации труда белорусских работников и оценка факторов, влияющих на нее. В исследовании представлен мониторинг состояния организации труда белорусских работников посредством экспертных заключений о качественных характеристиках организации труда.

Методическую основу данного мониторинга составили методика социологических исследований и экономико-математический инструментарий, который применим к собранной базе данных. Общие методические подходы, которые позволили сформировать базу данных и применить указанный инструментарий, характеризуются сбором информации по нескольким блокам.

Блок 1. Социально-профессиональная информация: пол, возраст, занимаемая должность, стаж работы, оплата труда. Особенностью данного блока является выделение управленческого стажа у работника и попытка коррелировать его со стратегией развития организации, в которой он работает.

Блок 2. Организация и условия труда. Цель данного блока – сбор информации о качестве архитектуры трудового пространства в организации. Залог эффективной работы и производи-

тельности труда работника состоит не только в справедливой оценке его труда, но и в благоприятных условиях труда. Такая оценка эффективности труда может осуществляться через многие фильтры. Так, в данном блоке предпринята попытка собрать параметры удовлетворенности через оценку условий работы на рабочем месте, которая бы выражалась внутренними ощущениями самого работника (самочувствие во время работы, удовлетворенность организацией труда на рабочем месте, комфортность трудового регламента и т. п.).

Блок 3. Нормирование труда в организации. Цель этого блока состоит в определении эффективности регламентации нормами труда трудовой нагрузки работников. Для этого определяется экспертное мнение по поводу интенсивности труда, потребности в переквалификации (повышении квалификации) работников, увеличения трудовой нагрузки в связи с изменениями норм труда, влияния изменений в нормировании труда на рост напряженности в коллективе. Данный информационный блок позволит сделать адекватную оценку действующей системы нормирования труда в белорусских организациях.

Блок 4. Социально-экономическая стратегия организации. Сбор и анализ информации по наличию сильных сторон в организации, которые позволяют преодолевать кризисные ситуации. Определение причин, сдерживающих внедрение новых современных форм и методических подходов к формированию оплаты труда.

В исследовании организации труда в белорусской экономике участвовал широкий спектр занятых работников в таких отраслях и видах экономической деятельности, как производство, образование, торговля, сфера услуг, здравоохранение, строительство, государственное управление и т. п. Представлены экспертные мнения работников из разных по масштабу организаций. На рис. 1 представлено распределение количества экспертов по организациям в зависимости от масштаба.

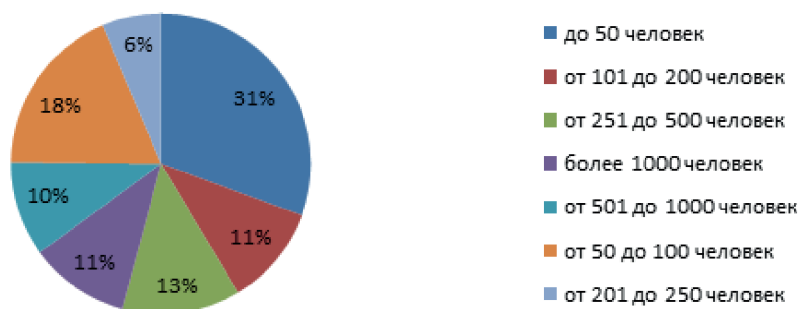

Рис. 1. Распределение количества экспертов по организациям в зависимости от масштаба

Fig. 1. Distribution of the number of experts by organizations depending on the scale

Из рис. 1 следует, что в число экспертов вошли (практически в равном соотношении) представители разных по масштабу организаций. Это позволило получить адекватные представления о системах организации труда в различных организационных структурах.

По возрастному критерию в исследовании представлены работники самых продуктивных возрастов: до 30 лет и 31–40 лет. Их видения и оценка функционирования трудовых сфер, в которых они работают, дополняют представления об организации труда в условиях белорусской экономики.

Важным является то, что работники-респонденты со значительным стажем работы представлены в возрасте 41–50 лет (23,6 %). Экспертные мнения таких респондентов обеспечивают достаточно высокую степень объективности оценки трудовых сфер. Этот тезис подтверждается и структурой распределения количества работников-респондентов по стажу работы и управленческому стажу (рис. 2–3).

В выборке представлены две трети всех респондентов с общим стажем работы 10 и более лет, со стажем 21–30 лет – 15,2 % работников (рис. 2). Управленческий стаж более 10 лет имеют 13,3 % опрошенных (рис. 3).

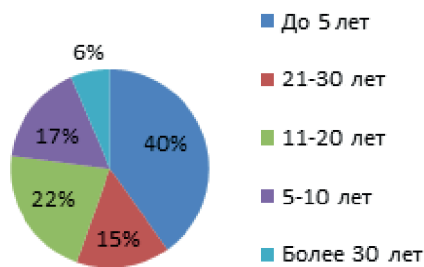

Рис. 2. Распределение работников по стажу работы
Fig. 2. Distribution of employees by length of service

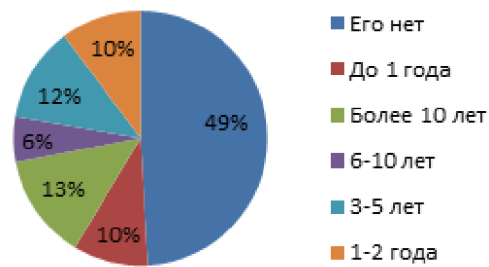

Рис. 3. Распределение работников по управленческому стажу
Fig. 3. Distribution of employees by seniority

Таким образом, собранная экспертная база данных имеет определенные количественные и социально-экономические параметры и является репрезентативной.

Оценка факторов, влияющих на состояние организации труда. Спектр факторов, влияющих в целом на сферу труда любой организации, разнообразен. Существуют факторы в профессиональной сфере, которые определяют условия труда, а также социально-экономические факторы, влияющие на материальный фундамент и качество трудовой жизни, и т. п.

Однако существует группа факторов, которая всегда находится в спектре влияния и «накладывает» отпечаток на всю сферу труда в организации. К числу таких факторов отнесены следующие: численность работников в организации, возраст, стаж работы, управленческий стаж. Согласно теории мотивации и трудового поведения, именно эти факторы выступают в качестве определяющих эффективную деятельность работников. В свою очередь эффективная деятельность содействует росту уровня заработной платы работников, темпам развития организации, возможностям и желаниям работников выполнять больший объем трудовой нагрузки и т. п. Оценка и анализ данных факторов сформируют более четкие представления о траекториях трудового поведения работников, что позволит понять реальные возможности организаций в части модернизации системы организации и нормирования труда.

Анализ факторов и условий, определяющих желание и возможности работников работать больше и с увеличенным объемом трудовой нагрузки (рис. 4), позволяет оценить условия, в которых работники будут готовы работать, и как на это повлияют изменения в организации труда. На рис. 4 представлены перечень таких условий и мнения работников по поводу их готовности выполнять работу с большим объемом трудовой нагрузки.

Рис. 4. Распределение экспертных мнений в отношении увеличения трудовой нагрузки

Fig. 4. Distribution of expert opinions regarding the increase in the workload

Работники организаций скорее не склонны выполнять дополнительную работу (в целях увеличения своего дохода), которая не предусмотрена их контрактом. Респонденты указывают на то, что для этого должна поступить просьба руководителя (47 % ответов опрошенных) о том, что есть возможность увеличить свой доход.

Целесообразно обратить внимание на готовность работников выполнять больший объем трудовой нагрузки. Во-первых, работники демонстрируют свою готовность к увеличению объема нагрузки, во-вторых, гарантией этой готовности является заработная плата. Таким образом, данный результат может быть интерпретирован как предпосылка положительной реакции работников на увеличение норм труда, но при условии роста оплаты труда.

При исследовании взаимосвязей между дополнительным набором работ, объемом трудовой нагрузки, возрастом, стажем работы, масштабом организации использовался коэффициент конкордации, позволяющий характеризовать степень согласованности мнений экспертов по совокупности критериев (в данном случае более 3 критериев). Результат полученных оценок следующий:

респонденты всех возрастных групп (до 30 лет, 31–40 лет, 41–50 лет, 51–60 лет, старше 60) выразили желание выполнять работу, которая не предусмотрена трудовым контрактом, только в случае личной просьбы руководителя. Объективность такого результата подтверждает коэффициент конкордации: $W = 0,80851$ ($p < 0,00280$, статистически значим). Качество такой оценки высоко ($W > 0,80$);

респонденты всех возрастных групп в зависимости от стажа работы (до 5 лет, 5–10 лет, 11–20 лет, 21–30 лет, более 30 лет) также подтвердили желание выполнять работу, которая не предусмотрена трудовым контрактом, только в случае личной просьбы руководителя: $W = 0,68842$ ($p < 0,00807$, статистически значим);

такое же мнение было выражено в зависимости от таких критериев, как масштаб организации (численность работников до 50 чел. – более 1000 чел.) – $W = 0,79329$ ($p < 0,00018$, статистически значим); управленческий стаж (до 1 года – более 10 лет) – $W = 0,62644$ ($p < 0,00463$, статистически значим);

готовность выполнять больший объем трудовой нагрузки, чем тот, который регламентирован контрактом, выразила большая часть респондентов при наличии достойной оплаты труда. Зависимости по факторам распределились следующим образом: возраст – $W = 0,82532$ ($p < 0,00095$); масштаб организации – $W = 0,74049$ ($p < 0,00009$); стаж работы – $W = 0,67186$ ($p < 0,00490$); управленческий стаж – $W = 0,69836$ ($p < 0,00083$).

Оценка мнений респондентов по поводу их предпочтений в части выполнения дополнительной работы, а также дополнительной оплаты труда, сокращения рабочего времени, снижения нормы труда или трудовой нагрузки, отказа от дополнительной работы свидетельствует о следующем:

дополнительная оплата труда является предпочтительнее остальных вариантов мотивации (рабочее время, трудовые нормы) в целях выполнения дополнительной работы. Причем данный приоритет имеет значение для всех организаций независимо от масштаба (списочная численность работников), возраста работников, общего и управленческого стажа работы;

наибольший интерес к такому стимулу, как дополнительная оплата труда, проявляют молодые работники (до 30 лет), а также работники со стажем менее 5 лет и отсутствием управленческого стажа работы. Такой же интерес выражен в маломасштабных организациях численностью до 50 человек.

Оценка организации труда на рабочих местах. В качестве критериев оценки организации труда выбраны следующие: упорядоченность и стабильность; чередование стабильности и производственных авралов, постоянные авралы. Такие критерии работы на рабочих местах позволят дать анализ и оценить эффективность трудовых регламентов, действующих в организациях.

1. Оценка комфорта и удобства организации рабочего места.

Особенность полученных результатов (рис. 5) заключается в том, что значительное количество работников (свыше 50 %) не обращают внимания на свои состояния и ощущения в период нахождения на рабочем месте. Такая особенность представляется неоднозначной: либо работни-

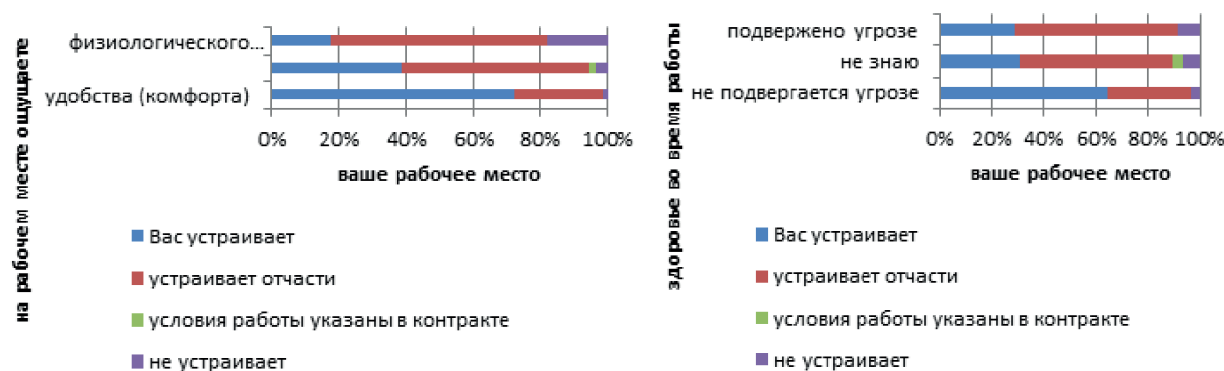

Рис. 5. Комфортность, безопасность и удобство организации рабочего места

Fig. 5. Comfort, safety and convenience of workplace organization

кам настолько комфортно, что они уже привыкли и не задумываются об этом, либо для них комфорт не является приоритетным.

О такой неоднозначности свидетельствует и количественная «полярность» полученных результатов (коэффициент ранговой корреляции Спирмена ($R = 0,4450$ ($p < 0,05$))). Так, с одной стороны, на физиологический дискомфорт на рабочем месте указало небольшое количество респондентов, их практически всех устраивают рабочие места. С другой стороны, 2/3 работников отметили, что они не обращают внимания на свои ощущения на рабочем месте. При этом большая часть респондентов (около 50 %) указали, что рабочее место их устраивает отчасти.

Такие же результаты выявлены при оценке состояния угрозы для здоровья работников в период нахождения на рабочем месте. Так, большее количество работников указывают, что их здоровье не подвергается риску, в этом отношении рабочее место их полностью устраивает. Но в то же время работники озабочены тем, что существует угроза здоровью и в этом случае рабочее место их устраивает отчасти.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. При наличии любых состояний и ощущений на рабочем месте работники указывают на определенный уровень удовлетворенности своим рабочим местом, даже несмотря на наличие некоторых угроз для здоровья при нахождении на рабочем месте.

2. Анализ и оценка трудового регламента в организации.

Организация трудовой деятельности и рабочих мест, формирование факторов, определяющих эффективность такой организации, заключаются в трудовых регламентах, которые предлагает внутриорганизационное управление.

Под трудовым регламентом понимаем порядок организации трудовой деятельности, который определяется локальными документами администрации. В нашем исследовании в рамках трудового регламента представлены трудовые нормы, установленные в организации; внутриорганизационные нормативы (рабочее время, отпуск и т. п.), которые предусматривает регламент. Предпринята попытка определения отношения работников к трудовому регламенту посредством оценочных критериев: регламент устраивает, нормы труда устраивают (не устраивают), трудовой регламент прописан в контракте, в регламенте есть неоправданные ограничения, регламент мешает работе.

Эффективность результатов трудовой деятельности, которым способствует регламент, установленный в организации, целесообразно оценивать через степень (в %) выполнения (или невыполнения) поставленных задач и через количество времени, затрачиваемого на выполнение этих задач. Полученные результаты в рамках такого анализа характеризуются следующим.

В целом, работников устраивает (коэффициент ранговой корреляции Спирмена значим $R = 0,16$ ($p > 0,05$)) (рис. 6) тот трудовой регламент, в рамках которого они работают. Работники чаще всего указывают на организованность их трудовой деятельности и отмечают отсутствие частых авралов в работе.

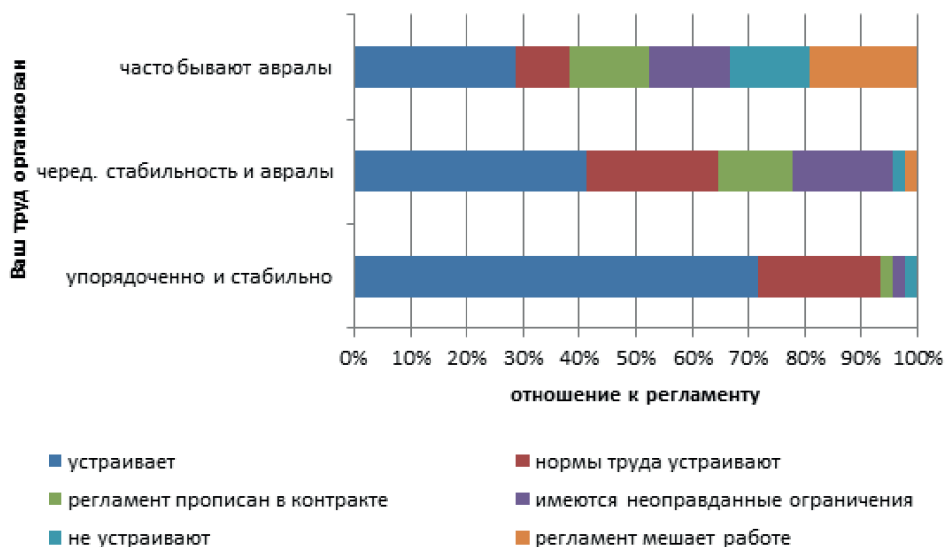

Рис. 6. Отношение работников белорусских организаций к трудовому регламенту
 Fig. 6. The attitude of employees of Belarusian organizations to labor regulations

Респондентам было предложено оценить время, которое они в среднем затрачивают (% рабочего времени) на решение общих задач подразделения, и удовлетворенность трудовым регламентом в контексте выполнения объема трудовых функций (задач) (рис. 7).

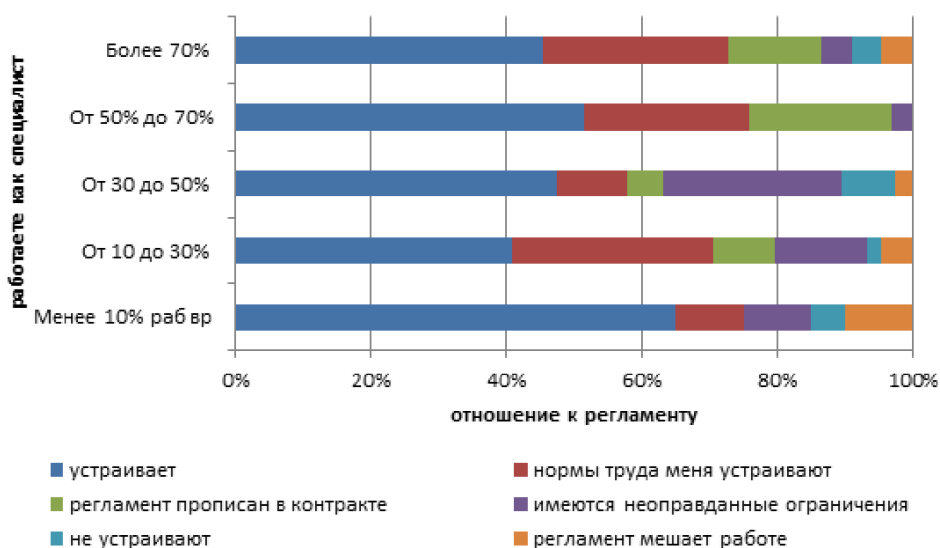

Рис. 7. Время, затрачиваемое на решение задач в организации
 Fig. 7. Time spent on tasks in the organization

В результате исследования выявлены некоторые зависимости. Так, работников, которые тратят на выполнение профессиональных задач около 30 % рабочего времени, вполне устраивает трудовой регламент и существующие нормы труда. Но работники, которые тратят около 50 % рабочего времени на выполнение задач, указали на то, что в регламенте имеются неоправданные ограничения. Следует понимать, что именно эти ограничения являются барьером эффективного использования рабочего времени (табл. 1).

Трудовой регламент является основой организации труда работников. С учетом принципов и специфики трудового регламента формируются позиции и условия организации труда каждого работника в трудовом контракте.

Таблица 1. Оценка респондентами трудового регламента в организации

Table 1. Respondents' assessment of labor regulations in the organization

Ваше отношение к трудовому регламенту организации?	Ответы респондентов, %
Регламент мешает работе	3,8
Устраивает существующий регламент	48,4
Существующие нормы труда меня не устраивают	3,8
Существующие нормы труда меня устраивают	21,0
Трудовой регламент прописан в моем контракте	10,2
В регламенте имеются неоправданные ограничения	12,8

В отношении организации труда посредством регламентов, закрепленных в трудовом контракте, следует констатировать следующее:

во-первых, небольшая часть респондентов (10,1 %) отмечают фиксацию регламента в своем трудовом контракте, хотя все пункты трудового контракта, по сути, отображают организацию труда работника посредством регламента;

во-вторых, о несогласованности трудового контракта и трудового регламента в организациях свидетельствуют и мнения респондентов (12,7 %), которые указывают на неоправданные ограничения в регламенте. Снижают риски таких ограничений нормы, обозначенные в трудовом контракте работников.

Таким образом, работники продемонстрировали неоднозначность мнений в понимании трудового регламента, в рамках которого они работают, и его согласовании с пунктами их трудового контракта. Результативный вариант восприятия состоит в том, что работники однозначно понимают, что все формы организации их труда регламентированы в трудовом контракте.

В контексте изучения организации труда через ее отображение в контрактной системе целесообразно выявить причины, сдерживающие внедрение современных инновационных подходов к совершенствованию оплаты труда в организациях. Данные причины могут находиться как в нормативно-правовой плоскости, так и внутрикорпоративной организационной системе (табл. 2).

Таблица 2. Причины, сдерживающие внедрение в организации новых подходов в оплате труда

Table 2. Reasons hindering the introduction of new approaches to remuneration in the organization

Причины, сдерживающие внедрение в организации новых подходов в оплате труда	Ответы респондентов, %
Недостаточно финансовых ресурсов	25,2
Нет информации о новых подходах к оплате труда	20,7
Существующая система оптимальна и не нуждается в изменениях	20,7
Недостаточное внимание к данным проблемам в стране вообще и в организации в частности	8,1
В организации существуют более важные вопросы, требующие решения	7,7
Нет времени на разработку и внедрение новых подходов	5,9
Изменение условий контракта	4,1
Нет информации о консалтинговых фирмах, специализирующихся на выполнении таких услуг	4,1
Нет специалистов, которые могли бы выполнить эту работу	3,6

Рассматривая роль трудового контракта в стимулировании введения новых подходов к оплате труда, обратим внимание на тот факт, что изменения условий контракта в меньшей мере (4,1 %) влияют на такие изменения. Главной причиной, по мнению респондентов (25,2 %), которая сдерживает инновационные подходы к оплате труда, является недостаточное финансирование. Такого рода причина не является новой и уже стандартна. Внедрение современных форм и методов оплаты труда – не затратный процесс, поскольку это управленческие технологии, они рассчитаны на современные компетенции менеджеров и административных работников. Выражение мнений респондентов (20,7 %) в пользу причины отсутствия информации о новых подходах к оплате труда представляется несостоятельным. Причина такой несостоятельности заключается в том, что объем информации по современным системам оплаты труда обширен.

Выводы. Таким образом, в рамках проведенного исследования выявлены следующие особенности организации труда в белорусских организациях.

1. Оценивая влияние факторов на поведение работников в контексте сложившейся организации труда, существует возможность составить среднестатистическое портфолио работника и его поведения. Так, для работника в профессии существует ценность карьерного роста в молодом и среднем возрасте. Наличие возможности дополнительных подработок в рамках профессии работник связывает с управленческим (административным) стажем. Работник в любом возрасте согласен выполнять работу, которая не предусмотрена трудовым контрактом, только в случае личной просьбы руководителя. Главной причиной смены работы является более привлекательная заработная плата. Второй по значимости причиной поменять работу является предложение работы с лучшими условиями труда.

2. В целом, большинству работников понятна система стимулирования труда. Однако выявлена особенность, связанная с тем, что у этого большинства работников, которым понятна система стимулирования, существует дополнительный доход в других организациях. Подтверждается следующий вывод: работники, знающие систему стимулирования труда, понимают, что удовлетворить свои запросы в формировании доходов в рамках одной организации невозможно. Следует предположить, что у этой части работников возникают (либо возникнут) вопросы доверия к организации и ее корпоративным принципам, связанным со стимулированием труда.

3. Работники белорусских организаций не только понимают корпоративную политику системы стимулирования труда, но и адаптированы к формам и методам поощрения и наказания. Следует предположить, что в стратегии развития организации политика стимулирования труда занимает «активную нишу», которая не только ощущается работниками, но и является рабочим инструментом кадрового управления в организации.

4. При наличии любых состояний и ощущений на рабочем месте работники указывают на определенный уровень удовлетворенности своим рабочим местом, даже несмотря на наличие некоторых угроз для здоровья при нахождении на рабочем месте.

5. Работники склонны удовлетворительно оценивать свою работу на рабочих местах даже в ситуациях нестабильности и трудовых авралов. Такую удовлетворенность подтверждает и комфортность работы в действующих трудовых регламентах, в рамках которых работают респонденты.

6. Мониторинг и оценка современной контрактации в белорусских организациях выявили следующее:

авторитет руководителя, выраженный через его просьбу, является основополагающим условием для работника в выполнении дополнительной работы. Другими словами, просьба руководителя никак не сопрягается с нормой трудового контракта и является скорее традиционно-ментальной (корпоративной) формой отношений «руководитель–подчиненный»;

материальное вознаграждение – высокий мотиватор деятельности работников. Данное условие вполне может отражаться в трудовом контракте и являться инструментом регулирования при увеличении объема работ у работников;

работа с лучшими условиями труда и меньшим объемом трудовой нагрузки является также значимым приоритетом при выборе траекторий трудового движения работников в белорусских организациях. Условия труда и объем трудовой нагрузки вполне могут иметь четкую фиксацию в трудовом контракте;

в белорусских организациях система стимулирования труда, а также зарплатообразования четко не «привязана» к трудовому контракту работника. Механизм стимулирования является внутриорганизационным и локально ориентирован на каждого работника в организации;

белорусские работники выполняют дополнительный объем функций, не регламентированный трудовым контрактом. Причины такого выполнения связаны скорее с производственной спецификой, чем с недочетами в организации труда.

Список использованных источников

1. Генкин, Б. М. Организация, нормирование и оплата труда на промышленных предприятиях : учебник / Б. М. Генкин. – М. : НОРМА, 2013. – 480 с.
2. Малинин, С. В. Методы нормирования труда в системе координат современного производства / С. В. Малинин, А. Р. Бахтизина, Г. Н. Старцев // Вестн. УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. – 2016. – № 3 (17). – С. 90–101.

References

1. Genkin B. M. *Organization, rationing and wages at industrial enterprises*. Moscow, Norma Publ., 2013. 480 p. (in Russian).
2. Malinin S. V., Bakhtizina A. R., Startsev G. N. Methods of work measurement in the coordinate system of modern production. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya ekonomika = Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy*, 2016, no. 3 (17), pp. 90–101 (in Russian).

Информация об авторе

Маковская Наталья Владимировна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления. Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова (ул. Космонавтов, 1, 220022, Могилев, Республика Беларусь). E-mail: maknata@mail.ru

Information about the author

Natalia V. Makovskaya – D. Sc. (Econ.), Professor of Department of the economic and management. Mogilev State A. Kuleshov University (1 Kosmonavtov Str., Mogilev 220022, Belarus). E-mail: maknata@mail.ru